

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI

INSTITUTUL DE ISTORIE, STAT ȘI DREPT

REVISTA

Nr. 3 (75)

iulie-septembrie

2008

REVISTA DE ISTORIE A MOLDOVEI

Publicație științifică

Nr. 3 (75), 2008

FONDATOR: Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei
(I.I.S.D. al A.Ș.M.)

ISSN 1857-2022

Colegiul de redacție

Redactor-șef: **Leonid Bulmaga**, dr. în istorie, director al Centrului Studii Istorice al I.I.S.D. al A.Ș.M.

Redactor-șef adjunct: **Lilia Zabolotnaia**, dr. în istorie, conf. cercetător, vicedirector al I.I.S.D. al A.Ș.M.

Secretar responsabil: **Alina Felea**, dr. în istorie, I.I.S.D. al A.Ș.M.

Membri ai colegiului de redacție

Alexei Agachi, dr. hab. în istorie, șef al sectorului *Istorie modernă*

Alexandru Burian, dr. hab. în drept, prof. universitar, director al I.I.S.D. al A.Ș.M.

Ion Chirtoagă, dr. hab. în istorie, șef al grupului *Istorie locală*

Valeriu Cozma, dr. hab. în istorie, prof. universitar, șef al secției *Istoria Moldovei*

Ilona Czamanska, dr. hab. în istorie, prof. universitar, Universitatea din Poznan, Polonia

Demir Dragnev, dr. hab. în istorie, prof. universitar, membru corespondent al A.Ș.M., șef al
sectorului *Istorie veche și medievală*

Andrei Eșanu, academician, prof. cercetător, șef al secției *Istorie universală*

Victor Ișcenco, dr. în istorie, vicedirector al Institutului de Istorie Universală al A.Ș. din Rusia

Constantin Rezachevici, dr., prof. universitar, Institutul *Nicolae Iorga* al Academiei Române

Chiril Stratievski , dr. hab. în istorie, prof. universitar, membru corespondent al A.Ș.M.

Vladimir Țaranov, dr. hab., prof. universitar, membru corespondent al A.Ș.M.

Redactor coordonator: L. Arsene

Redactor literar: Eugenia Proca

Tehnoredactare: Olga Bondarenco, Vera Bostan

**Opiniile autorilor nu reflectă neapărat
opiniile Colegiului de redacție**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (ВКЛ) И МОЛДОВЫ В 1430-1447 гг.

Nerijus Babinskas

Введение

В середине XIV в. – в период создания Молдавского государства – ВКЛ уже представляло собой большое государство, имеющее существенные интересы в юго-восточной Руси (Подолье, Волынь), что вовлекало его в политические перипетии северного Причерноморья. Поэтому политические контакты между ВКЛ и Молдовой можно фиксировать фактически с начала существования последней как независимого государства. Этот регион стал для Литвы еще более актуален, когда Витовт (правивший в 1392–1430 гг.) активизировал политику ВКЛ по отношению к юго-западной Руси, стремясь укрепиться у Черного моря. После смерти Витовта, в 4-ом десятилетии XV в., когда началась внутренняя борьба за власть в Литовском государстве, претенденты на престол ВКЛ рассматривали молдавских правителей как потенциальных союзников. В свою очередь для Молдовы Литва во второй половине XIV-XV вв. имела большое значение как один из первостепенных факторов, определивших политическую жизнь региона (наряду с Польшей и Венгрией, а позднее и Османской империей). Кроме того, ВКЛ становилось особенно выгодным противовесом Польше в те периоды, когда в отношениях вышеупомянутых государств наступало похолодание. По сути, для Молдовы, которая уже с конца XIV в. была вассалом Польши, отношения с ВКЛ были необходимы до тех пор, пока последнее проводило самостоятельную, независимую от Польши внешнюю политику, т.е. ВКЛ не было связано с Польшей персональной унией или другими более тесными связями. Это означает, что отношения с ВКЛ были для Молдовы наиболее актуальны со времени ее образования и до 1447 г., т.е. до тех пор, пока сын Ягайло Казимир не стал польским королем, т.е. пока Польшей и ВКЛ не стал править один человек. Кроме того, для Литвы все более важным фактором становилось Московское государство. По договору 1449 г. на Руси было узаконено равновесие между этими государствами. Вскоре, когда Иван III (правил в 1462–1505 гг.) стал великим князем Московским, инициатива перешла в его руки. Поэтому к концу XV в. все внимание ВКЛ было обращено на восток, а активная политика в регионе Черного моря больше не проводилась.

Правда, отношения между ВКЛ и Молдовой опять активизировались в годы правления сына Казимира Александра (правил в 1492–1506 гг.), однако, когда он стал королем Польши в 1501 г., эти отношения опять утратили акту-

альность. С тех пор ВКЛ и Польша были связаны персональной унией, пока в 1569 г. согласно Люблинской унии не была образована федерация двух государств. По этой причине в XVI в. Литва для Молдовы уже не могла быть противовесом в ее отношениях с Польшей. С другой стороны, сама Молдова в XVI в. стала сателитом Османской империи, поэтому, по сути, лишилась возможности осуществлять самостоятельную внешнюю политику.

Таким образом, в средние века выделяются следующие периоды, когда в двусторонних отношениях были заинтересованы обе стороны.

- 1) 1362 или 1363 г. (победа ВКЛ над татарами у Синих вод и начало активного вовлечения ВКЛ в политическую жизнь региона) – 1447 г.;
- 2) 1492–1501 гг.

Второй период двусторонних отношений между ВКЛ и Молдовой исследовал литовский историк Э. Банионис¹, в то время как первый период вышеупомянутых отношений в литовской историографии исследовал лишь автор настоящего доклада². В данном тексте мы хотели бы ограничиться рассмотрением политических отношений между ВКЛ и Молдовой в 1430–1447 гг. Цель доклада – оценить значение анализируемого периода для двусторонних политических отношений ВКЛ и Молдовы. Цель работы предполагает решение следующих задач:

- 1) представить последовательный анализ отношений между ВКЛ и Молдовой в период с 1430 г. по 1447 г. в контексте международных отношений региона;
- 2) вкратце рассмотреть важнейшие черты политических отношений между ВКЛ и Молдовой в другие выделенные нами периоды;
- 3) раскрыть и оценить своеобразие политических отношений между ВКЛ и Молдовой в рассматриваемый период, сравнив их с отношениями этих государств в другие, выделенные нами, периоды (1362/63–1430, 1492–1501 гг.).

1. Основные черты политического развития Молдовы и международная ситуация в регионе в 1430–1447 гг.

После смерти Витовта ВКЛ переживало кризисный период, во время которого оно вступило в конфронтацию с Польшей, а позднее – и во внутреннюю войну за престол великого князя ВКЛ. Когда Швитригайло (правил в 1430–1432 гг.) подыскивал союзников для борьбы с Польшей, одним из первых, кто встал на его сторону, был господарь Молдовы Александр Добрый (правил в 1400–1432 гг.)³. Однако, это было всего лишь тактическим маневром и уже в 1433 г. сын Александра Доброго и его наследник Илья I (правил с перерывами в 1432–1444 гг.) помирился с Ягайло⁴. Вскоре в самой Молдове началась внутренняя борьба

¹ Banionis E. *LDK diplomatiniai ryšiai su Moldovos Kunigaikštyste 1492–1501 metais / Lietuvos istorijos metraštis 1987 metai*. Vilnius, 1988, p. 23–38; Banionis E. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės diplomatinė tarnyba XV–XVI amžiais*. Vilnius, 1998, p. 86–88.

² Babinskas N. *Lietuvos–Moldavijos politiniai santykiai 1359–1457 m.* Магистровская работа. Рукопись. Vilnius, 1999; Babinskas N. *Lietuvos didžiosios kunigaikštystės ir Moldavijos kunigaikštystės politiniai santykiai 1359–1457 m.* // *Lietuvos aidas*, № 159, 2004.07.13.

³ Dundulis B. *Lietuvos kova dėl valstybinio savarankiškumo XV amžiuje*. Второе, дополненное издание. Vilnius, 1993, p. 98.

⁴ Czamańska I. *Moldawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku*. Poznań,

ба, вследствие которой упал как ее политический вес, так и военная мощь. Кроме того, внутренняя разруха длилась в Молдове намного дольше, чем в ВКЛ – 25 лет (вплоть до прихода во власть Стефана Великого в 1457 г.).

На протяжении первого периода внутренней нестабильности, который длился до 1443 г., претенденты на молдавский престол искали опоры у польского короля, Венгрия же тем временем конфликтовала с османами. В этот период для Молдовы возникла опасность нападения со стороны татар. Один из ханов – Сеид-Ахмет – был сторонником Швитригайло, поэтому Молдова начала стремиться к сближению с ВКЛ⁵. В 1435 г. Илья заключил договор с братом Витовта Сигизмундом Кейстутовичем (правил в 1432–1440 гг.), новым правителем ВКЛ, став его союзником в борьбе против Швитригайло⁶. И позднее Молдова стремилась к сближению с Литвой (в 1442 и, скорее всего, в 1444 гг. были заключены договоры с Великим князем ВКЛ Казимиром⁷) вплоть до 1447 г., когда ВКЛ заключила персональную унию с Польшей.

В 1443 г. в Молдове начался второй период внутренней разрухи, во время которого еще больше ослабла военная и экономическая мощь страны. Помимо этого, временно не стало единой и целенаправленной внешней политики Молдовы. Во внутреннюю борьбу начали вмешиваться даже отдельные польские магнаты, более активной стала и Венгрия, почувствовавшая возможность выхватить Молдову из сферы польского влияния⁸. Поэтому претенденты на престол метались между обоими соседями, в зависимости от обстоятельств, выбирая себе в качестве гаранта то одного, то другого. Некоторые из них пытались укрепить свои позиции, опираясь на Литву, однако, когда в 1447 г. Казимир стал королем Польши, возможность маневрировать между ВКЛ и Польшей была утрачена. В ожесточенной борьбе за власть претендент на молдавский престол пожертвовал и некоторыми территориями (Килия была отдана Венгрии)⁹.

2. Союз Швитригайло с Молдовой против Польши после смерти Витовта

После смерти Витовта литовская знать избрала великим князем ВКЛ младшего брата Ягайлы Швитригайло. Польский король был вынужден утвердить этот выбор, однако польская Рада не согласилась с таким решением своего правителя. Его вынудили отменить признание Швитригайлы¹⁰. В феврале 1431 г. в Сандомире состоялся съезд польских дворян, который предложил компромисс: оставить младшего брата Ягайлы великим князем Литовским, если он официально попросит у Ягайлы дать ему полномочия наместника ВКЛ.

1996, s. 89.

⁵ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества (последняя треть XIV в – начало XIX в.)* / отв. ред. Д. М. Драгнев. Кишинев, 1987, с. 55–58.

⁶ *Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare* / pub. M. Costăchescu. Iași, 1932, vol. 2, p. 691.

⁷ *Lietuvos metrika: Užrašymų knyga*. № 5 / parengė E. Banionis. Vilnius, 1993, p. 255–257. В этой публикации дата договора установлена ошибочно. Подробней этот вопрос будет обсуждаться ниже.

⁸ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 60–62.

⁹ Ibidem. P. 61–62.

¹⁰ Dundulis B. *Op. cit.* P. 93–96.

Швитригайло категорически отверг эти требования, заявив, что Литовское государство является его правомерной вотчиной¹¹. Стремления Польши присоединить Подолье и Волынь¹² еще больше углубили конфликт.

Отвергнув любые компромиссы, Швитригайло понял, что он оказался на пороге войны с Польшей, поэтому энергично искал союзников. Удалось создать антипольскую коалицию, в которую вошел император Сигизмунд Люксембург, Орден Крестоносцев, татары, некоторые русские князья и молдавский воевода¹³. Стремясь укрепить этот союз, Швитригайло даже намеревался жениться на дочери Александра Доброго¹⁴.

Почему молдавский господарь, все время придерживавшийся пропольской ориентации, в старости оказался в лагере врагов Ягайлы? Хотя Александр и ориентировался на отношения с Польшей, однако, он не упускал из виду и агрессивность своего сюзерена. Кроме того, Ягайло, еще заключая в 1412 г. договор с Венгрией в Любомле, руководствовался только своими интересами. Поэтому для территориальной целостности вассальной Молдовы возникла угроза (вышеупомянутый договор был закреплен в Кезмарке в 1423 г.). Александр Добрый чувствовал себя слишком зависимым от своего сюзерена – Польши. Поэтому для молдавского господаря ухудшение отношений между Польшей и ВКЛ было выгодным, так как междоусобная война должна была ослабить обе стороны¹⁵.

Следует отметить, что в первые три десятилетия XV в. Польша значительно укрепила свою деятельность по проведению католических миссий в Молдове¹⁶ и это вызвало отрицательную реакцию у Александра Доброго, так как он был ревностным православным.

Этот фактор сблизил молдавского господаря со Швитригайло, так как он, хоть и был католиком, представлял интересы православных ВКЛ, пользуясь их активной поддержкой¹⁷.

Еще одна застарелая проблема, осложнявшая отношения Молдовы и Польши, – это вопрос невозвращенного долга. Когда-то Ягайло одолжил у Петра Мушата (правил в 1375?–1391 гг.) 3000 рублей, отдав в залог Покутскую землю. Часть долга польский король так и не вернул, а Покуть также не уступил¹⁸. Таким образом, молдавский воевода стремился при случае занять этот, как бы по праву принадлежащий ему, богатый и густонаселенный край. Кроме того, аннексия Покути могла помочь Александру решить одну острую внутреннюю проблему. Дело в том, что молдавский воевода многие земли своего домена раздал дворянам (особенно активно он проводил такую политику в конце третьего десятилетия), а это грозило ослаблением монархической власти в стране¹⁹.

¹¹ Kiaupa Z. Kiaupienė J. Kuncevičius A. *Lietuvos istorija iki 1795 metų*. Vilnius, 1995, p. 230.

¹² Lewicki A. *Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną*. Kraków, 1892, s. 73–75; Dundulis B. *Op. cit.* P. 96.

¹³ Kiaupa Z. Kiaupienė J. Kuncevičius A. *Op. cit.* P. 231.

¹⁴ Matusas J. *Švitrigaila Lietuvos didysis kunigaikštis*. Второе издание. Vilnius, 1991, p. 53.

¹⁵ Czamańska I. *Op. cit.* P. 83.

¹⁶ Ibidem. P. 83.

¹⁷ Spieralski Z. *Awantury mołdawskie*. Warszawa, 1967, s. 26.

¹⁸ Ibidem. P. 26.

¹⁹ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 51.

Наконец, тот факт, что венгерский король и император Сигизмунд поддерживали Швитригайло, также был выгоден Александру, так как после вступления молдавского господаря в антипольскую коалицию агрессивные планы Сигизмунда в отношении Молдовы были на некоторое время нейтрализованы²⁰. Вышеупомянутый шаг Александра Доброго не свидетельствует о том, что молдавский воевода заменил пропольскую ориентацию на провенгерскую. Александр знал, что при изменении ситуации Сигизмунд попытается вернуть Килию, поэтому отношения между Молдовой и Венгрией все-таки оставались напряженными, а Александр Добрый, используя любые средства, препятствовал укреплению ставленника Сигизмунда на Валашском престоле²¹.

В июле 1431 г. между Польшей и Литвой начались военные столкновения в Волыни²². В августе в борьбу вступил и Орден Крестоносцев, а также Молдова. Последняя вторглась в Покуть и заняла города Снятын и Коломыя. Потом атаковали Подолье, однако там молдавское войско разбили местные польские вельможи Бучацкие²³.

Таким образом, у Польши возникли неблагоприятные обстоятельства – ей необходимо было воевать на трех фронтах²⁴. Это побудило Ягайло прекратить военные действия и 1 сентября 1431 г. заключить в Чарторийске перемирие со Швитригайло почти на два года. До сих пор не совсем ясно, почему Швитригайло заключил перемирие, по сути выгодное Польше. Как бы там ни было, это не решало проблемы отношений между ВКЛ и Польшей. Не решили ее и на Серадзском съезде, состоявшемся в апреле 1432 г.: было предложено компромиссное решение (в соответствии с ним ВКЛ получило временное признание отдельного государства, а Швитригайло был дан статус Великого князя Литовского, но с условием, что после его смерти престол ВКЛ достанется одному из сыновей Ягайло). Война, превратившаяся в дипломатическую, продолжалась²⁵. В самом начале 1432 г., после смерти Александра Доброго, власть в Молдове унаследовал его сын Илья, продолжавший поначалу политику своего отца²⁶. 15 мая 1432 г. на съезде в Скирснямуне был закреплен договор о союзе Швитригайло и Ордена Крестоносцев, заключенный еще в июне 1431 г. К нему присоединились и Илья с братом Стефаном, так как молдавские посланники также подписали вышеупомянутый документ²⁷. Однако вскоре – ночью с 31 августа на 1 сентября 1432 г. – группировка литовских вельмож, инспирированных поляками, осуществила государственный переворот²⁸:

²⁰ Czamańska I. *Op. cit.* P. 85.

²¹ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 50–51.

²² Dundulis B. *Op. cit.* P. 104.

²³ Lewicki A. *Op. cit.* P. 101–102; Czamańska I. *Op. cit.* S. 86.

²⁴ Dundulis B. *Op. cit.* P. 105.

²⁵ Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. *Op. cit.* P. 231.

²⁶ Czamańska I. *Op. cit.* P. 87.

²⁷ *Skarbiec diplomatów papieskich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów* / zeb. I. Daniłowicz. Wilno, 1862, t. 2, s. 132–133; cp. Lewicki A. *Op. cit.* S. 142, Dundulis B. *Op. cit.* P. 108.

²⁸ Matusas J. *Op. cit.* P. 74–76.

свергла Швитригайло, посадив на престол Сигизмунда Кейстутовича. ВКЛ раскололось на два враждебных лагеря, началась внутренняя борьба²⁹. Молдавский воевода некоторое время оставался союзником Швитригайло: молдаване принимали участие в походе на Литву в ноябре месяце 1432 г., а весной 1433 г. воевали с поляками в Подоле³⁰. Однако, при ослаблении позиции Швитригайлы принадлежность к коалиции была для Ильи слишком большим риском. Принадлежать к антипольскому союзу в случае его поражения означало для Молдовы остаться одной в борьбе против Венгрии³¹, с которой еще не был решен вопрос относительно Килии. При осложнении положения Швитригайлы Илья не мог надеяться на занятие города Покуть, а больше Молдове нечего было ожидать от войны. Кроме того, поляки грозились выдвинуть другого претендента на молдавский престол – Стефана³² (молдавский господарь знал о прецеденте – случае со Швитригайло и Сигизмундом Кейстутовичем). Все это заставило молдавского господаря изменить курс своей политики и вернуться к традиционным отношениям с Польшей. 3 июня 1433 г. Илья так и сделал, присягнув вместе со своими дворянами в верности Ягайло³³.

3. Политические отношения ВКЛ и Молдовы в 1435 – 1447 гг.

Положение воеводы Ильи в Молдове было непрочным. Хотя в июне 1433 г. он присягнул в вассалитете Польше, удержаться на престоле ему не удалось. Его брат и соперник Стефан совершил с помощью турков переворот и заставил Илью бежать в Польшу³⁴. Однако отношения нового молдавского воеводы с Краковым не изменились: вскоре – уже 13 декабря 1433 г. – он стал вассалом Польши. Ягайло утвердил этот статус Стефана³⁵. В самой Молдове и дальше продолжалась внутренняя борьба³⁶. 30 мая 1434 г. умер Ягайло и на престол вступил его малолетний сын Владислав (правил в 1434–1444 гг.). Илье удалось бежать из плена при помощи королевы Софии Ольшанской и ее сторонников (Илья был мужем Марии Ольшанской, сестры королевы), несмотря на то, что влиятельная группировка польских вельмож под руководством кардинала Збигнева Олесницкого, пыталась преградить ему путь³⁷. В Молдове опять началась борьба за престол. Илье отчасти удалось вернуть свои позиции. В августе 1435 г. братья договорились поделить Молдову на две части, однако Илья был признан старшим (кроме того, он правил столицей Сучавой)³⁸. И все же это не помогло разрешить конфликт. В сентябре 1435 г. Илья сдался польскому сюзеренитету³⁹, а Стефан сблизился с врагом Польши Швитригайлой

²⁹ Kiaupa Z. Kiaupienė J. Kuncevičius A. *Op. cit.* P. 232.

³⁰ Czamańska I. *Op. cit.* S. 88.

³¹ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества.* С. 55–56.

³² Ibidem. P. 56.

³³ *Źródła dziejowe.* T. 10. *Sprawy wołoskie za Jagiellonów. Akty i listy* / wyd. A. Jabłonowsky. Warszawa, 1878, s. 7.

³⁴ Spieralski Z. *Awantury mołdawskie.* S. 29.

³⁵ *Źródła dziejowe.* T. 10, s. 7–8; cp. Czamańska I. *Op. cit.* S. 92.

³⁶ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества.* С. 57.

³⁷ Spieralski Z. *Awantury mołdawskie.* S. 30.

³⁸ Czamańska I. *Op. cit.* S. 96.

³⁹ Spieralski Z. *Awantury mołdawskie.* S. 30.

(об этом свидетельствует тот факт, что весной 1436 г. Швитригайло в письме к Великому магистру Ордена называл Стефана своим другом)⁴⁰, несмотря на то, что положение последнего после поражения в битве при Укмерге значительно ухудшилось⁴¹. В ответ на это Илья в том же самом году заключил договор с великим князем Сигизмундом Кейстutowичем, находившимся в уже достаточно прочном положении. В договоре обе стороны обязались оказывать помощь в случае войны с любым врагом за исключением Польши⁴². Этот договор был выгодным и для Сигизмунда Кейстutowича, и для Ильи. Последний укрепил свое положение по отношению к конкуренту Стефану, кроме того, была надежда, что ВКЛ поможет в борьбе против татар (так как нападения одного из них – союзника Швитригайло хана Сеид-Ахмета – на владения ВКЛ и Польши, находящиеся по соседству, ставили под угрозу и саму Молдову⁴³). Договоренность 1435 г. была первым двусторонним договором между ВКЛ и Молдовой. В самой Молдове и дальше продолжалась внутренняя борьба. Илья, несмотря на договор о взаимной помощи с ВКЛ, вскоре (в 1436 г.) опять лишился трона, хотя и ненадолго. Еще в том же году в Молдове вернулись к двоевластию, правда, в этот раз права совладельцев были равными⁴⁴. В 1437 г. восстание Швитригайло окончательно выдохлось. Присягнув на верность Польше⁴⁵, он удалился в свои владения в Подолье. Возможно, на некоторое время он нашел приют у своего союзника Стефана в восточной Молдове⁴⁶.

В конце 4-ого десятилетия XV в. угроза татар Молдове еще больше возросла. В 1439 г. они занимались грабежом в северной части княжества, а в 1440 г. татары разорили южную часть страны, сожгли города Васлуй и Бырлад⁴⁷. Вышеупомянутые события вновь заставили Илью стремиться к союзу с Литвой. Кроме того, 27 октября 1439 г., когда внезапно скончался венгерский король Альбрехт Габсбург, правителем этой страны стал польский король Владислав (правил в 1440–1444 гг.). Это значительно смягчило враждебность обоих государств, тем более, что необходимо было координировать действия против нарастающей угрозы турок. Независимость княжества была под угрозой персональной унии самых мощных соседей Молдовы – Польши и Венгрии. Этот фактор стал еще одним стимулом к поиску сближения с ВКЛ, так как после убийства Сигизмунда Кейстutowича ее правителем стал малолетний сын Ягайлы Казимир, а союз Польши и Литвы временно был расторгнут⁴⁸.

⁴⁰ *Skarbiec dyplomatów*. T. 2, s. 167; cp. Czamańska I. *Op. cit.* S. 96.

⁴¹ Dundulis B. *Op. cit.* P. 133; Kiaupa Z. Kiaupienė J. Kuncevičius A. *Op. cit.* P. 234–235.

⁴² *Documentele moldovenesti*. Vol. 2, p. 691–692; *Lietuvos metrika*. № 5, p. 249; *Акты относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею*. С.-Петербург, 1846, т. 1, с. 48; cp. Mikulski W. *Dokumenty z archiwum Wielkiego Księstwa Litewskiego w archiwum warszawskim Radziwiłłów // Miscellanea historico – archivistica*. T.7, 1997, s. 79. В Литовской Метрике этот договор датирован 1437 г., но М. Костэкеску (М. Costăchescu) и В. Микулский, ссылаясь на оригиналы, уточнили дату.

⁴³ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 58–59.

⁴⁴ Czamańska I. *Op. cit.* S. 96–97.

⁴⁵ Kiaupa Z. Kiaupienė J. Kuncevičius A. *Op. cit.* P. 235.

⁴⁶ Czamańska I. *Op. cit.* S. 97.

⁴⁷ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 59.

⁴⁸ Czamańska I. *Op. cit.* S. 99.

9 февраля 1442 г. Илья в своем проекте договора великого князя ВКЛ назвал “старшим братом и другом”, тем самым признавая более высокий статус Казимира. Молдавский воевода обязался оказывать помощь в борьбе с любым врагом, кроме польского и венгерского королей. Илья также дал обещание не предоставлять убежища личным врагам Казимира⁴⁹. Последний пункт был новым по сравнению с договором 1435 г. В своем ответе, данном 8 июля 1442 г., Казимир отказался оказывать помощь не только в борьбе против польского и венгерского королей, но и против “татарского хана”. Что касается отношений с последним, то правитель ВКЛ дал обещание помочь только “просьбой и посланниками”. С другими пунктами Казимир согласился⁵⁰. Упомянутым “татарским ханом” был Хаджи-Гирей, который с помощью великого князя ВКЛ укрепился в Крымском ханстве. Молдова продолжала оставаться под угрозой нападений Сеид-Ахмета; последний в начале 5-ого десятилетия поддерживал конкурента Казимира претендовавшего на престол ВКЛ – Михаила, сына Сигизмунда Кейстутовича, нападая на земли ВКЛ и Польши⁵¹. Тем временем Молдова была вассалом Польши, а после договора стала союзником ВКЛ. Договор Илье был выгоден тем, что при посредничестве литовского правителя он мог поддерживать хорошие отношения с Хаджи-Гиреем – главным врагом Сеид-Ахмета. С другой стороны, от нападения татар больше страдала восточная Молдова, которой правил совладелец Ильи Стефан. Поэтому упомянутые нападения в каком-то смысле не позволяли Стефану организовать переворот, а договор развязал ему руки⁵². При благоприятных обстоятельствах (к ним можно отнести и то, что в Валахии на престол вступил Бессараб II, который не был заинтересован в поддержке Ильи; заметим, что последнего поддерживал прежний правитель Валахии) Стефан захватил власть⁵³. Илья с семьей нашел приют у Каменецкого старосты Федора Бучацкого. Однако, и с помощью этого польского магната ему не удалось вернуть трон Молдовы. Илья попал в неволю и 29 мая 1444 г. по приказанию Стефана был ослеплен⁵⁴. Несмотря на то, что удалось избавиться от одного претендента на молдавский престол, внутренняя борьба не прекращалась, так как появился новый кандидат – другой сын Александра Доброго Петр⁵⁵.

Молдавский воевода Стефан также заключил договор о взаимной помощи с правителем ВКЛ Казимиром, однако датирование этого договора до сих пор

⁴⁹ *Акты относящиеся к истории Западной России*. Т. 1, с. 53–54; *Lietuvos metrika*. № 5, p. 256–257.

⁵⁰ *Акты относящиеся к истории Западной России*. Т. 1, с. 54–55; *Documentele moldovenești*. Vol. 2, p. 718–719.

⁵¹ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 59–60; Греков И. Б. *Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв.* Москва, 1963, с. 123–124.

⁵² Czamańska I. *Op. cit.* S. 100; *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 60.

⁵³ Czamańska I. *Op. cit.* S. 101.

⁵⁴ Spieralski Z. *Awantury moldawskie*. S. 31–32; *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 60.

⁵⁵ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 61.

остается неясным. В публикациях Литовской Метрики этот документ датируется 1447 г.⁵⁶ Румынский исследователь М. Костэску (M. Costăchesku) в подготовленной им публикации источников указывает на 1445 г.⁵⁷ Эта дата принимается некоторыми польскими историками в текстах конца XX в.⁵⁸ Однако И. Чаманьска, используя веские аргументы, доказала, что обе вышеупомянутые даты ошибочны. Она основывается на том, что в договоре обе стороны подчеркнули, что не будут оказывать помощи в борьбе против короля Польши и Венгрии Владислава, а ведь известно, что 10 ноября 1444 г. он погиб в битве с турками. Следовательно, это является датой *ad quem*⁵⁹. Точно датировать договор сложно. Дата, предложенная И. Чаманьской (25 июня 1442 г.), не представляется убедительной. Исходя из рассуждений И. Чаманьской, следует, что Стефан предложил Великому князю Литовскому договор раньше, чем Казимир написал ответ Илье. В варианте договора Стефана уже обращено внимание на изменения, которые правитель ВКЛ вписал в текст, предназначенный для Ильи, 8 июля 1442 г.⁶⁰ Таким образом, дата, предложенная И. Чаманьской (25 июня 1442 г.), является слишком ранней. Целесообразнее дату договора воеводы Стефана с Казимиром перенести на 25 июня 1444 г., поскольку тогда он только что избавился от конкурента Ильи (по его приказанию последний был ослеплен 29 мая того же года⁶¹) и, почувствовав себя более уверенно на молдавском престоле, занялся внешней политикой, проводя ее в выгодном для себя направлении и следуя своему предшественнику. Хорошие отношения с правителем ВКЛ были полезны тем, что укрепляли позицию Молдовы по отношению к татарам, кроме того, Литва была необходима как противовес Польше, отношения которой с Венгрией строились на основе персональной унии. 1444 годом этот договор склоннен датировать и П. Параска. Хотя он на эту дату и не указывает, но рассматривает вышеупомянутый договор именно в пределах между ослеплением Ильи 29 мая 1444 г. и гибелью Владислава в ноябре месяце 1444 г.⁶² После смерти польского и венгерского короля Владислава великий князь Казимир стал реальным претендентом на престол Польского королевства. Он и стал правителем Польши в 1447 г. (25 июня был коронован в Кракове). Таким образом, Молдова лишилась возможности маневрировать между ВКЛ и Польшей. Договор между воеводой Стефаном и Казимиром также вскоре перестал действовать, так как новый король Польши поддержал другого претендента на молдавский престол – своего двоюродного брата Романа (сына воеводы Ильи и Марии Ольшанской). Его также поддержал Влад Дракула, вернувшийся к власти в Валахии.

⁵⁶ *Lietuvos metrika*. № 5, p. 255–256; ср. *Акты относящиеся к истории Западной России*. Т. 1, с. 60–61.

⁵⁷ *Documentele moldovenești*. Vol. 2, p. 725–728.

⁵⁸ Mikulski W. *Op. cit.* S. 79.

⁵⁹ Czamańska I. *Op. cit.* S. 100.

⁶⁰ *Акты относящиеся к истории Западной России*. Т. 1, с. 54–55, 60–61.

⁶¹ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 60.

⁶² Параска П. Ф. *Международное положение Молдавии во время феодальных войн начале 30-х – середине 50-х гг. XV в. // Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества*. С. 60–61.

В этих обстоятельствах Роману удалось свергнуть с престола Стефана. Последний оказался в Валахии в плену и 13 июля 1447 г. был убит по приказу Влада⁶³. В это же время во внутреннюю борьбу в Молдове начинает вмешиваться Венгрия⁶⁴, поэтому в Сучаве пытаются укрепиться разные претенденты, опирающиеся на Казимира или на фактического правителя Венгрии Яноша Хуняди. Литва утрачивает роль противовеса, которую она играла до провозглашения Казимира польским королем.

4. Основные черты политических отношений ВКЛ и Молдовы в 1362/1363–1430 и 1492–1501 гг.

Детально рассмотрев развитие политических отношений ВКЛ и Молдавского княжества в 1430–1447 гг., попытаемся вкратце охарактеризовать их в другие исторические периоды, выделенные нами во введении.

Период отношений ВКЛ и Молдавского княжества в 1362/1363–1430 гг. делится в свою очередь на два этапа: до 1393 г. включительно и после него⁶⁵.

Отличительная черта первого периода (1362/1363–1393 гг.) – нерегулярные контакты молдавских воевод (господарей) с удельными князьями ВКЛ. Центральная власть Литвы в эти отношения не вмешивалась вплоть до 1393г.⁶⁶ Первые контакты ВКЛ и Молдовы могут быть связаны с укреплением литовских князей Кориатовичей на Подольской земле по соседству с молдаванами после битвы у Синих вод в 1362 г. (или в 1363 г.). Промежутком между 1367 и 1369 гг. датируются брачные союзы молдавских правителей с литовцами: молдавский воевода Лацко (правил в 1367? –1374? гг.) женился на княжне Анне, имеющей литовские корни (скорее всего она имела отношение к Юрию Кориатовичу)⁶⁷. В некоторых русских источниках (Супрасльская, Слуцкая летописи) находим упоминания о том, что литовский князь Юрий Кориатович был молдавским воеводой⁶⁸. Вероятнее всего, в 1374–1375 гг. он овладел только частью Молдовы с центром в Бырладе. В 1375 г. Юрий Кориатович был убит. Немного позже, в 1377 г., был осуществлен поход в Молдову, во время которого литовцы потерпели сильное поражение. Скорее всего, этот поход литовцев был связан не с насильственной смертью Юрия Кориатовича, а со стремлением восстановить утраченное влияние в Молдове. Первый этап отношений ВКЛ и Молдовы завершила кампания Витовта в 1393 г., направленная против подольского князя Федора Кориатовича (союзником последнего был молдавский воевода Роман I). Это был последний случай, когда молдавский правитель поддерживал союзнические связи с удельными князьями земель ВКЛ⁶⁹.

⁶³ Czamańska I. *Op. cit.* S. 104.

⁶⁴ *Очерки внешнеполитической истории Молдавского Княжества.* С. 62.

⁶⁵ Babinskas N. *Lietuvos–Moldavijos politiniai santykiai 1359–1457 m.*

⁶⁶ Babinskas N. *Lietuvos didžiosios kunigaikštystės ir Moldavijos kunigaikštystės politiniai santykiai 1359–1457 m.*

⁶⁷ *Ibidem.*

⁶⁸ *Полное собрание русских летописей.* Москва, 1980, т. 35, с. 66, 74.

⁶⁹ Babinskas N. *Lietuvos didžiosios kunigaikštystės ir Moldavijos kunigaikštystės politiniai santykiai 1359–1457 m.*

В сущности, период правления Витовта Великого в Литве (правил в 1392–1430 гг., а в 1401 г. был признан суверенным правителем), совпадающий с периодом правления Александра Доброго в Молдове (1400–1432 гг.), можно выделить как второй этап отношений ВКЛ и Молдовы (точнее можно датировать как 1393–1430 гг.). Для него характерны непостоянные связи, которые, однако, периодически поддерживались правителями обоих государств. Их характер определили интересы этих государств, общая политическая ситуация в регионе, вассальная зависимость Молдовы от Польши и особенно – возникшая у молдаван необходимость лавировать между Польшей, Литвой, Венгрией и приблизившейся Турцией⁷⁰.

Помощь молдаван Витовту Великому в 1399 г. в битве при Ворскле была единственным случаем непосредственного военного сотрудничества, когда обе стороны бились в сражении плечом к плечу. Позднее, во втором выделенном нами периоде, Молдова боролась на стороне ВКЛ только в качестве вассала Польши (небольшое подразделение молдаван, видимо, сражалось против крестоносцев и в Грюнвальдской битве 1410 г.). Кроме того, в первой половине XV в. у молдавских правителей были брачные узы с родственницами литовских князей. Самым значительным был брак Александра Доброго с сестрой Витовта Великого Рингайле (1415 г.), сделавший возможным сближение ВКЛ и Молдовы. Однако Молдова и далее была вынуждена лавировать между своими сильными соседями. Это не удовлетворяло Витовта и после расторжения вышеупомянутого брака в 1420 г. отношения Литвы и Молдовы значительно ухудшились и оставались напряженными вплоть до конца правления Витовта⁷¹.

В третий период (1430–1447 гг.), как видно из детально рассмотренного материала, политические отношения между ВКЛ и Молдовой стали более регулярными, фиксировались двусторонними договорами. Именно в этот период Молдова даже стала союзницей правителя ВКЛ Швитригайлы в борьбе с поляками.

Для периода 1492–1501 гг. характерна активизация дипломатических контактов: посланники ВКЛ в 1492–1499 гг. целых пять раз отправлялись в Молдову, в 1499 г. молдавские посланники посетили Вильнюс. Основная цель их поездок – заключение нового договора между ВКЛ и Молдовой. Литва отказалась участвовать в походе Польши против Молдовы в 1497 г., придерживаясь нейтралитета по отношению к ней⁷². В сентябре 1499 г., после затянувшихся переговоров, был заключен договор между ВКЛ и Молдовой (после того, как в июле месяце был заключен договор между Польшей и Молдовой)⁷³. В 1500 г. в Молдову еще раз отправился посланник ВКЛ⁷⁴, но, когда в следующем году Александр стал королем Польши, дипломатические отношения с Молдовой опять прекратились.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Banionis E. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinių tarnyba*. P. 86–87.

⁷³ Gudavičius E. *Lietuvos istorija. T. I: Nuo seniausių laikų iki 1569 metų*. Повторное издание. Vilnius, 2001, p. 487; Banionis E. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinių tarnyba*. P. 87.

⁷⁴ Banionis E. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinių tarnyba*. P. 88.

Выводы

1. Период политических отношений ВКЛ и Молдавского княжества в 1430–1447 гг. можно считать одним из самых активных в истории этих государств. Его можно сравнивать разве что с периодом 1492–1501 гг. Отличительной чертой периода 1430–1447 гг. являются целые три двусторонние межгосударственные договоры, заключенные в течение нескольких лет.
2. Как ВКЛ, так и Молдова в середине XV в. пережили период политической разрухи. Нестабильность внутреннего положения в обеих странах определила и стремительные изменения во внешней политике, поэтому договоры быстро утрачивали свое значение.
3. Участие Молдовы в организованной Швитригайлой коалиции против Польши в 1431–1433 гг. было выражением лавирования Молдовы между великими державами региона. Эту же тенденцию можно заметить и в случае двусторонних договоров в 1435, 1442 и 1444 гг. между правителями ВКЛ и Молдовы. Роль Литвы особенно значительна в 1440–1444 гг., когда две великие державы региона – Польша и Венгрия – состояли в персональной унии.
4. Наблюдается определенная эволюция политических отношений ВКЛ и Молдовы: от нерегулярных контактов молдавских правителей с удельными князьями ВКЛ и эпизодических брачных уз к брачному родству высшего ранга (брак Александра Доброго с сестрой Витовта) и, наконец, – к нескольким межгосударственным договорам в середине и конце XV в.
5. В целом политические отношения ВКЛ – Молдовы в XIV–XV вв. не были систематическими. Это были лишь решения, продиктованные кратковременной политической конъюнктурой: через несколько лет брак Александра Доброго и Рингайле был расторгнут, межгосударственные договоры с изменением расстановки сил как внутри государств, так и в регионе быстро утрачивали свое значение. Из этого следует, что у ВКЛ и Молдовы не было общих стратегических интересов: двусторонние отношения лишь в течение кратковременных периодов имели особое значение для международного положения каждого государства и внутривнутриполитического развития стран.

SUMMARY

POLITICAL RELATIONS BETWEEN GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND MOLDOVA IN 1430–1447

According to the author there are four periods which can be distinguished in political relations between Lithuania and Moldova in the Middle Ages:

1. 1362/1363–1393
2. 1393–1430
3. 1430–1447
4. 1492–1501.

Relations between two countries were most intensive during the third and fourth periods. The latter was already researched by Lithuanian historian Egidijus Banionis.

So the author chose the third period as an object of the current text. The main goal of the article is to evaluate significance of the analysed period to bilateral relations of two states. The analysis of the chosen period is given in the context of regional international relations. There are also given brief characterizations of political relations of others distinguished periods at the end of the article.

The author emphasizes that the period of 1430–1447 is the exceptionally intensive and can be compared only with the period of 1492–1501. The exceptional feature of the period 1430–1447 is that even three bilateral treaties were concluded during several years. Both Grand Duchy of Lithuania and Moldova suffer period of political desintegration during the middle of the XV century. Internal political instability caused intensive changes in the foreign policy of both countries. That was the reason why the treaties lost their significance soon.

Participation of Moldova in the antipolish coalition of Ėvitrigaila in 1431–1433 was the case of Moldavian manoeuvring policy among the powers of the region. The same tendency can be seen in cases of the treaties of 1435, 1442, 1444 between Lithuania and Moldova. Good relations with Lithuania were most important in 1440–1444 when Poland and Hungary were under personal union.

Some tendencies of evolution can be groped in Lithuanian–Moldavian political relations in the Middle ages: from irregular contacts between Moldavian monarchs with Lithuanian partial (land/regional) dukes and episodic matrimonial relations to matrimonial relationship of the highest level (the marriage between Alexander the Kind and the sister of Vytautas) and after all several bilateral treaties in the middle and the end of XV century.

The author concludes that the political relations between Lithuania and Moldova in the XIV–XV centuries were not systematic. They were only decisions caused by short-lived international circumstances: the marriage of Alexander the Kind and Ringailė was dissolved after several years, the concluded bilateral treaties were also short-lived and lost their significance shortly after the internal and regional political situation has changed. This means that Grand Duchy of Lithuania and Moldavian principality had not common strategic interests and the bilateral relations were important to the international situation and to the internal development of each state only for some short periods.

ÎNTRE POLITICĂ ȘI DESTIN. RUXANDRA, FIICA LUI VASILE LUPU, VĂZUTĂ PRIN PRISMA SECULARĂ A ISTORIEI

Lilia ZABOLOTNAIA

Chipul acestei domnițe și apoi a doamnei „Hmelnițka” are o bogată tradiție istorică. Despre Ruxandra¹, fiica lui Vasile Lupu, s-au păsrtat multiple mențiuni în documentele de epocă, în letopisețe și cronici, în descrierile călătorilor și chiar ale martorilor oculari, care au asistat la “vestita” nuntă cu Timuș Hmelnițki. Evenimentului i-a acordat o deosebită atenție și literatura istorică. S-au scris diverse articole și studii în istoriografia română și poloneză, dar pînă la urmă, considerăm că sînt și foarte multe lacune și opinii eronate despre viața ei. Vorbind despre Ruxandra, constatăm că viața sa poate fi împărțită în două perioade: pînă la căsătorie și după. În acest studiu propunem două perioade de analiză a vieții acestei doamne în contextul evenimentelor politice, comparînd-le.

În mare măsură, situația politică tensionată și complicată era determinată de relațiile, ambițiile și interesele personale ale domnului Vasile Lupu cu vecinii săi, Matei Basarab și Bogdan Hmelnițki. Ruxandra, firește, în această istorie, involuntar, a devenit unul dintre principalele personaje și instrumente de rezolvare a pretențiilor politice ale tatălui său. Destinul Ruxandrei a fost jertfit în scopuri politice și nunta cu Timuș, fiul lui Bogdan Hmelnițki, a fost impusă de situația politică. După cum au derulat următoarele evenimente, posibil, Vasile Lupu a regretat mult acest gest determinant în soarta domniei lui. El a pierdut domnia și averea pe care a agonisit-o și a rîvnit-o în toți anii de domnie. Dar cea mai dureroasă era pierderea morală: a rămas fără soție, fiu, fiică, aceasta fiind o pierdere irecuperabilă.

Familia

Ruxandra a fost născută din prima căsătorie a lui Vasile Lupu cu Tudosca, fata vornicului Costea Bucioc (Băcioc)². Din această căsătorie s-au născut trei copii. O inscripție din 6/16 mai 1639 ne spune despre finisarea construcției bisericii Trei Ierarhi. Alături de domnul țării sînt pomeniți doamna Tudosca, fiica lui Bucioc și

¹ În istoriografie și în izvoare prenumele domniței poate fi întâlnit ca Ruxandra, Ruxanda, Rozanda, Rozandra.

² A fost unul dintre cei mai influenți boieri din vremea sa. A condus oastea Moldovei contra turcilor, după care s-a retras în Polonia. Vezi: N. Stoicescu, *Dicționar al marilor dregători din Țara Românească și Moldova. Secolele XIV-XVII*, București, p. 347-348; I. Eremia, *Relațiile externe ale lui Vasile Lupu (1634-1653)*, Chișinău, 1999, p. 153.

copiii - Ioan voievod, Maria și Ruxandra³. Despre acest fapt relatează și Achacy Tazzycki⁴, secretar al soliei marelui sol Woiciech Miaskowski, care a trecut prin Moldova în anul 1640: „...am fost la târg (Iași-L.Z.) și de acolo la biserica Sf. Vasile (Biserica Trei Ierarhi –L.Z.), patronul domnului, pe care el a clădit-o...Înăuntru pe pereți se văd chipuri felurite, colorate în aur și pe însuși domnul, soția, fiul și cele două fiice”. Adică „Io Vasile Voievod și cu doamna noastră Tudosca și cu dăruirii de Dumnezeu copii, Ioan Voievod și Maria și Ruxandra”⁵.

Nu dispunem de data exactă a nașterii Ruxandrei, dar, știind că părinții ei s-au căsătorit “în timpul domniei lui Gaspar Grațiani (1619 – 1620), nun mare fiindu-i însuși Vodă”⁶, putem face calcule când aproximativ s-a născut primul copil Ioan, „slab și desnodat și de mâini și de picioare”, era trimis „la Țarigrad, unde-și săvârși și viața nu pesti mulți ani”⁷. Ioan a fost trimis la Constantinopol în anul 1639 și a decedat, “la începutul lunii noiembrie 1640”⁸. Câți ani avea Ioan nu știm, dar se știe că Vasile Lupu purta război cu Matei Basarab pentru înscăunarea fiului său minor în Țara Românească. Deci trebuia să aibă nu mai puțin de 15 ani. Această vîrstă este susținută de istoricii Constantin I. Andreescu și Constantin A. Stoide, care scriu că „în mai 1640, Ioan moare la vîrsta de 15 ani, năruind planurile dinastice ale domnului moldovean, căruia îi rămăsese doar două fete: Maria și Ruxandra”⁹.

C. Gane consideră că avea mai mulți ani: „în 1638, fiul Ion avea vreo 16-17 ani, vîrstă bună de domnie, a murit cînd avea abia 18 ani”¹⁰.

În scurt timp după aceasta, probabil din cauza decesului fiului, moare și Tudosca. Miron Costin scria că au murit ambii în 1638: “Și s-au săvârșit într-acești dzilele și doamna dentii a lui Vasile-vodă, fata lui Bucioc. Și după moartea doamnei, au trimis Vasilii-vodă pre Catargiul în Țara Cerchijască, și de acolo i-au adus doamnă, fata unui mîrzac de al lor, cu care au trăit apoi pînă la săvârșitul său”¹¹.

Dacă punem în ordine cronologică nașterea copiilor din prima căsătorie a lui Vasile Lupu, atunci fetele, adică Maria și Ruxandra, se nasc mai tîrziu. Ruxandra era născută aproximativ la sfîrșitul anilor 20 – începutul anilor 30 ai secolului al XVII-lea.

Maria a fost măritată cu vestitul cneaz Janusz Radziwiłł în anul 1645 și s-au păstrat diverse mențiuni despre această nuntă, în care este descrisă frumusețea Mariei,

³ Constantin I. Andreescu, Constantin A. Stoide, *Ștefăniță Lupu, domn al Moldovei (1659-1661)*, București, 1938, p. 27. (А Якимирский, Славянская и русская летописи румынских библиотек 310).

⁴ Achacy Tazzynski (? –după 1650) provenea dintr-o familie înrudită cu conții Potocki. Vezi: *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, Volum îngrijit de Maria Holban, M.M. Alexandrescu – Dersca Bulgaru și Paul Cernovodeanu, București, 1973, p. 163-175.

⁵ *Ibidem*, p. 169.

⁶ C. Gane, *Trecute vieți de doamne și domnițe*, Ediție îngrijită de Ionel Maftei, Chișinău, 1991, p. 198.

⁷ Miron Costin, *Letopisețul țării Moldovei*, Zac. 37, 42, în *Letopisețul țării Moldovei*. Volum îngrijit de Tatiana Celac, Chișinău, 1990, p. 188-189; *Latopis ziemi Moldawskiej i inne utwory historyczne*, Tłumaczenie, wstęp i komentarze Ilona Czamańska, Poznań, 1998, s. 177.

⁸ “Raportul lui Cops din 10 noiembrie 1640 scrie că “săptămîna trecută a murit aici fiul domnului Moldovei... și a fost trimis îmbălsămat, cu pompă mare, la tatăl său pentru a fi îngropat într-o mănăstire din țara lui”, vezi: L. Sârbu, Mateiu Vodă Băsărabă auswärtige Beziehungen, Lipsca, 1899, p. 187.

⁹ Constantin I. Andreescu, Constantin A. Stoide, *Ștefăniță Lupu, domn al Moldovei (1659-1661)*, p. 28.

¹⁰ C. Gane, *Trecute vieți de doamne și domnițe*, p. 205 -206.

¹¹ Miron Costin, *Letopisețul țării Moldovei*, Zac. 37, 42, în *Letopisețul țării Moldovei*, p. 189; *Latopis ziemi Moldawskiej i inne utwory historyczne*, Tłumaczenie, wstęp i komentarze Ilona Czamańska, p. 177.

inteligența ei, dar cu siguranță nu se pomeneste despre vârsta ei. Cu atât mai mult, s-au păstrat două scrisori ale Mariei către Janusz Radziwiłł din care rezultă că era „fată învățată”.

Georg Kraus în cronică sa **a lăsat opinia greșită cum că Maria era născută din a doua căsătorie a lui Vasile Lupu:** „În ziua 1 1645, februarie, principele Radziwiłł din Lituania a făcut, cu mare solemnitate, nunta în târgul Iașilor din Moldova, cu fiica lui Lupu vodă, născută dintr-o cercheză tânără (greșit, era de la Tudosca!!!). Erau de față mulți soli, printre care și domnul Ioan Kemény, trimis acolo de Rákóczy”¹².

Din a doua căsătorie a lui Vasile Lupu cu Ecaterina Cercheză s-a născut trei copii: Ștefăniță, Ioan și Alexandru. Împreună cu cei doi frați, Ioan și Alexandru, care mor la vîrstă fragedă, Ștefăniță Lupu reprezenta pentru ambițiosul domn moldovean continuitatea dinastică și reluarea planurilor lui de hegemonie asupra țărilor românești.

Pentru a-l apăra de vreo surpriză neplăcută și pentru a avea siguranța vieții lui, Vasile Lupu renunță uneori la planurile însemnate, ca înrudirea cu Gheorghe Rákóczy I. Întradevăr, la sfîrșitul anului 1644, marele vizir invitase pe doamna Ecaterina să vină cu cele două domnițe la Constantinopol, dar Lupu refuzase să le trimită¹³, își dădea seama că ar fi rămas acolo ca ostatece. Despre Ruxandra în perioada aceasta sursele dețin puțină informație, se știe numai că la 12 iulie 1645, Vasile Lupu fusese nevoit s-o trimită la Poartă pe Ruxandra¹⁴, înlocuindu-l ca ostatecă la Poartă pe fratele său Ștefăniță.

Despre aceasta relatează Antonio din Brisello, un misionar italian¹⁵ în «scrisoare din Moldova, 14 iulie, 1645, Iași»: «alaltăieri a venit un sol turc trimis de sultan spre a-i aduce pe fiica mai mică a acestui domn»¹⁶. Fiind supărat, Vasile Lupul «neștiind cum să-și verse necazul său, a pus să fie ucise, în aceeași zi, cu felurite cazne groaznice 16 persoane»¹⁷.

Logodna

Cînd spre sfîrșitul anului 1646, Vasile Lupu începe tratativele pentru căsătoria Ruxandei cu Sigismund, fiul mai mic al lui Gheorghe Rákóczy I¹⁸, turcii nu voiesc să-i redea fiica decît cu condiția de a trimite ca ostatec în locul ei pe Ștefăniță, lucru pe care ambițiosul domnitor nu-l acceptă. Preferă să renunțe la înrudirea cu principele ardelean, decît să-și lase fiul printre străini. Domnița Ruxandra nu se va întoarce în țară decît prin august 1649¹⁹.

Din cele relatate mai sus, conchidem că prima dată cînd Vasile Lupu face încercarea s-o mărite pe Ruxandra este anul 1646, peste un an după nunta Mariei.

¹² Georg Kraus, *Cronica Transilvaniei 1608-1665*, Traducerea și studiul introductiv G. Duzinchevici, E. Reus - Mirza, București, 1965, p. 122.

¹³ Raportul rezidentului Alexandru de Greiffenklau către împărat, din Constantinopol 5 ianuarie 1645. Vezi: Hurmuzaki, *Fragm. III*, p.178; N. Iorga, *Studii și documente*, IV, p. CCXI.

¹⁴ Constantin I. Andreescu, Constantin A. Stoide, *Ștefăniță Lupu, domn al Moldovei (1659-1661)*, p. 29.

¹⁵ *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, Volumul îngrijit de Maria Holban, M.M. Alexandrescu – Dersca Bulgaru și Paul Cernovodeanu, București, 1973, p. 397.

¹⁶ *Ibidem*, p. 398.

¹⁷ *Ibidem*.

¹⁸ N. Iorga, *Studii și documente*, IV, p. CCXI.

¹⁹ Constantin I. Andreescu, Constantin A. Stoide, *Ștefăniță Lupu, domn al Moldovei (1659-1661)*, p. 30.

Aici putem remarca două elemente importante: vârsta și statutul fetei. Primul element demonstrează că era de vîrstă foarte fragedă, poate de 14-15 ani²⁰. Din primul motiv rezultă și următorul - domnul se grăbea să-i schimbe statutul din ostatecă în doamnă. Posibil urgenta lucrurile doar va izbuti să-și scoată fata cea mică din ghiarele turcilor. El simțea marea responsabilitate față de soarta și viitorul fiicei sale ca tată, dar ca domn răspundea de viitorul și soarta țării. Ruxandra s-a maturizat într-o perioadă crucială, cînd Vasile Lupu era pus în fața dubioasei decizii - dragostea față de copilul său și interesele politice. Din ostateca otomanilor ea a devenit ostateca ambițiilor și pretențiilor politice ale părintelui său, apoi și ale soțului.

Căsătoria Ruxandrei, cea de-a doua fiică a lui Vasile Lupu, a generat o serie de intrigi și conflicte în sistemul relațiilor internaționale ale Moldovei. Ruxandra era cerută de soție de mari familii ale magnaților polonezi Potocki și Wiśniowiecki, dar circumstanțele politice n-au permis realizarea acestor planuri (tertipur).

De exemplu, iezuitul ungar, Paul Beke, în «Relație despre Moldova, iunie 1644» scria că Vasile Lupu «acum ocrotește la curtea sa pe un tînăr italian ilustru căruia se spune că i-ar fi făgăduit să-i dea în căsătorie pe fiica sa mai mică. Tînărul acela zice că este fiul solului venețian ce șade la Poarta Otomană»²¹. Aici este vorba de Ambrosio Grillo, fiul lui Antonio Grillo care era mare dragoman al baiului venețian la Constantinopol. Ambrosio Grillo provenea dintr-o familie de vechi patricieni genovezi și a venit în Moldova în toamna anului 1642²².

Domnița Ruxandra fusese oferită de Vasile Lupu fiului lui Antonio Grillo, cu care era prieten încă din septembrie 1641. Deși era vorba doar de un proiect, și nu făcuse o logodnă solemnă, domnul îi dădea lui Antonio în scrisorile sale titlu de cuscru și acesta se îngrijea de daruri pentru mireasa care nu era încă la vîrsta de a se mărita²³.

Un capitol aparte este istoria pețirii Ruxandrei cu Sigismund Rákóczy, fratele lui Rákóczy al II-lea. Există diverse opinii în relatările contemporanilor: unii considerau că nunta nu s-a realizat din cauza lui Vasile Lupu, alții – din cauza lui Rákóczy al II-lea.

Georg Kraus a lăsat descrierea acestui eveniment istoric, care este datat cu anul 1650:

“Principele Rákóczy al II-lea l-a poftit pe Lupu vodă al Moldovei la botezul și cumetria fiului său, Francisc Rákóczy. Lupu vodă l-a trimis în locul său pe logofătul Ștefan Gheorghiiță, care mai tîrziu a ajuns voievod, și i-a trimis în dar un cal turcesc frumos. Pentru ca prietenia lor să se întărească și mai mult, principele puse s-o pețască de soție, în luna august, pentru fratele său Sigismund Rákóczy, pe fiica lui Lupu. După scurt timp, el Rákóczy al II-lea, a întărit și încuviințat această unire prin căsătorie. Între timp s-a răzgîndit, însă, din păcate, și principele l-a lăsat pe Sigismund s-o ceară în căsătorie pe Henrica, contesă palatină, fiica lui Frederic, cu care a și fost cununat. Fiica voievodului moldovean Lupu a **fost, așadar, lăsată și părăsită**”²⁴.

²⁰ În susținerea acestei idei vin și istoricii Florin Marinescu și Vlad Mischevca, care plasează data nașterii Roxandei Lupu între anii 1630-1633, vezi: Vlad Mischevca, Florin Marinescu, *Testamentul Roxandrei Lupu (Hmelnițki) din 15 ianuarie 1667, în Civilizația medievală și modernă în Moldova. Studii*, Chișinău, 2006, p. 85.

²¹ *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, p. 280.

²² *Ibidem*, p. 280.

²³ *Ibidem*, p. 492.

²⁴ Georg Kraus, *Cronica Transilvaniei 1608-1665*, p. 143.

Este extrem de interesantă această informație, deoarece contribuie la dezvăluirea mai multor momente importante. În primul rând, se știe că înțelegerea lui Vasile Lupu cu principele Rákóczy al II-lea în privința logodnei între Ruxandra și Sigismund Rákóczy era preconizată din 1646. Domnul moldovean era invitat la botez „pentru ca prietenia lor să se întărească și mai mult” și era propusă încheierea logodnei „în luna august”. Nu știm din ce cauză domnul Moldovei n-a venit la cumetrie și de ce l-a trimis pe Gheorghe Ștefan, care în timpul apropiat va deveni rivalul lui Vasile Lupu.

În al doilea rând, **se vorbește despre desfacerea înțelegerii**. Aici ne oprim mai detaliat la unele circumstanțe. În 1648 a murit Rákóczy I, astfel schimbându-se și situația politică. Principele transilvănean era interesat să stabilească relații matrimoniale cu cele mai influente țări, mai ales că avea planuri ambițioase de instalare în scaunul regal polonez pe Sigismund. Căsătoria cu fiica domnului moldovean nu mai intra în perspectivele politice ale familiei Rákóczy. Se făcea tot posibilul ca să fie „dezlegată” această promisiune. De exemplu, Kémeny îl descria pe Sigismund nefavorabil, posibil o făcea în mod intenționat ca să fie mai ușor să-l convingă pe Lupu de candidatura intempestivă a lui Sigismund.

Ioan Kémeny în relatarea sa aduce alte argumente despre această petiție, descriind cum au evoluat evenimentele din anul 1648.. „...s-a mai întâmplat că solul moldovean Gheorghe Ștefan, pe când se afla la Rákóczy, a adus **între altele vorba - fără îndoială primise asemenea ordin - că fiica cea mai mică a lui Lupu**, pe care o avea de la prima sa soție...ar fi **o foarte potrivită soție pentru Sigismund Rákóczy**, arătând și folosul ce ar ieși dintr-o asemenea încuscrire. Împărtășind acest lucru și principelui și principesei, **principele nu s-a arătat prea încântat**, dar principesa era bucuroasă și l-a convins și pe principe²⁵”. După cum se vede din text, inițiativa acestei alianțe aparținea mai mult lui Vasile Lupu.

Mai departe Ioan Kémeny scrie că avea înțelegere cu Vasile Lupu „să-și aducă acasă fata, deoarece atunci o ținea la Poartă. A și trimis îndată după ea, și a adus-o acasă cu mare cheltuială. O trimisese la Poartă mai înainte ca să întărească încrederea Porții în el și să potolească bănuielile iscate la Poartă de când își măritase fiica cea mai mare cu Radziwiłł. M-a lăsat să înțeleg că dacă își aduce fata tinerii se vor putea cunoaște mai de aproape”²⁶.

Deci această relatare confirmă informația că totuși fără permisiunea Porții Lupu nu putea să-și mărite fetele. Poziția lui Vasile Lupu în această privință simultan depindea de mai multe circumstanțe. Dar este extrem de important, după cum arăta Ioan Kémeny, că pînă la urmă Vasile Lupu, așa cum a inițiat, așa a și reziliat înțelegerea.

„...deși și-a adus fiica de la Poartă, după cum ne înțelesesem, **dar cînd principesa și Sigismund Rákóczy au trimis pețitori s-o pețescă, el s-a schimbat la față, spunînd că preoții lui îl opresc să-și dea fiica după unul care este de altă lege (ca și Radziwiłł, era calvin-n.a.) și că pețitorii s-au purtat necuviincios, ceea ce l-a supărat. Așa și era, căci fuseseră trimiși ca pețitori niște oameni foarte neciopliți. În fruntea lor era un Ioan Borsos, favoritul cel mai apropiat al principelui**

²⁵ Ioan Kémeny, *Memorii*, în *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, Volum îngrijit de Maria Holban, M.M. Alexandrescu – Dersca Bulgaru și Paul Cernovodeanu, București, 1973, p. 141.

²⁶ *Ibidem*, p. 142.

Gheorghe Rákóczy cel tânăr, un haiduc, fecior de țăran român, om rău, bețiv și stricat. Al doilea era Nicolae Sebeși, cu nimic mai bun ca celălalt. Al treilea, Gheorghe Horvát, omul cel mai de încredere al lui Sigismund Rákóczy, era de asemenea un om trufaș și rău, care ca pețitor avea să facă greșeli mari și mai târziu, când s-a căsătorit Sigismund Rákóczy²⁷²⁸.

Acest fragment elucidează parțial o oarecare poziție a lui Ioan Kémeny. Dintr-o parte el îl învinuiește pe Vasile Lupu, dar din alta arată și vina lui Rákóczy, care a trimis o solie nereprezentativă. Din toate rezultă că ambele părți nu au favorizat această căsătorie. Mai mult decât atât, Ioan Kémeny, fiind martor la toate evenimentele, cu mare regret afirmă că „Lupu a fost pedepsit de Dumnezeu pentru aceasta, căci n-a putut să-și mărite cum i-ar fi fost voia, fiica, pe care o cereau și oameni **de seamă din Polonia**, deoarece curînd după aceea au năvălit tătarii în țara lui și ...nu s-a împlinit nici săptămîna, ..au venit pe urmele lor cazacii și au prădat și ei. **Și cînd s-a încheiat pacea, Lupu a trebuit să făgăduiască pe fiica sa lui Timuș, fiul mai mare al lui Bogdan Hmelnițki, și apoi să i-o și dea de soție**”²⁹.

După opinia noastră, acest fragment denotă elocvent toate condițiile din care a fost inițiată și încheiată această alianță matrimonială. Acest fapt este confirmat și de letopisețul ucrainean G. Grabeanka, care scria că Bogdan Hmelnițki a pus lui Vasile Lupu ultimatum, „sau unire afirmată cu nuntă, sau o sută de mii de cazaci vin la dînsul în ospete”³⁰.

Menționăm că Sigismund era în relații foarte bune cu Bogdan Hmelnițki, cu care s-a aliat în baza intereselor comune, adică împotriva regelui polonez Jan Kaimierz.

Și totuși apare întrebarea, de ce Vasile Lupul nu se grăbea s-o mărite pe Ruxandra. Avea la dispoziție și timp și candidați. Deci, ținea fata, care la începutul anilor 50 cu siguranță avea în jur de 20 de ani. În istoriografie este susținută ideea că Vasile Lupu n-a putut fără permisiunea sultanului s-o mărite pe Ruxandra. Dar și această poziție, în opinia noastră, este eronată. Maria, prima fiică, a fost căsătorită fără permisiunea sultanului. Semnalăm situația politică care s-a creat atunci, fiind imposibil să primești acordul otomanilor în privința alianțelor dintre Moldova, Transilvania, Țara Românească și cazacii, conduși de Hmelnițki.

Altceva era la mijloc. Ruxandra era la Țarigrad și, desigur, nu putea să părăsească orașul și să plece acasă fără voia sultanului. Ruxandra era obligată să respecte toate condițiile înaintate. Lupu trebuia să găsească ieșire din situația creată. Căutînd un mire potrivit, pînă la urmă a fost somat să căsătorească fata cu Timuș, fiul lui Bogdan Hmelnițki.

S-au păstrat o serie de documente de epocă despre această vestită căsătorie: letopisețe, cronici, note ale călătorilor străini, etc. Propunem atenției cititorului unele fragmente din multiplele mențiuni. Un deosebit interes prezintă descrierea letopisețului Samuil Velicico³¹, la care găsim informația cum era concepută alianța.

²⁷ Se va căsători cu Henrietta, fiica electorului Palatin.

²⁸ Ioan Kémeny, *Memorii*, în *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, p. 143.

²⁹ Ioan Kémeny, *Memorii*, în *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, p. 143.

³⁰ Г. Грабянка, *Действия презельной и от начала поляков небывалой брани Б. Хмельницкого*, Киев, 1853, с. 23.

³¹ Самійло Величко, *Літопис*, том I, Переклав з книжної українськоп мови Валерий Шевчук, Кипв, 1991, с. 102.

După ce Hmelnițki s-a întors la Cigrin, el a trimis un sol către domnul Moldovei ca să se pregătească de nuntă. În scrisoarea adresată domnului era scris: „Măria Dumnevoastră nu poate să renunțe la propunerea noastră prietenească și să refuze să mărite fiica Dumnevoastră cu fiul nostru. Nu ne putem lăuda cu originea nobilă și cu titluri, deoarece știm bine că poți să fii om mare numai datorită propriilor succese, da nu numai din naștere. După cum vedeți toți tremură în fața mea și eu în repetate rînduri am bătut pe leși, așa că am văzut vitejia lor, nu va îndrăzni nimeni să mi se împotrivească, și vor accepta pacea pe care eu am să le-o impun³²”.

Această scrisoare demonstrează elocvent situația creată. Tonalitatea scrisorii este destul de dură. Bogdan Hmelnițki, după cum rezultă din conținutul scrisorii, nu cere mîna fetei lui Vasile Lupu, ci își exprimă dorința în mod autoritar.

O situație similară se conturează și din alt document al epocii, într-o relatare anonimă germană. Nunta domniței Ruxandra cu Timuș era descrisă de un martor ocular, care a participat la solemnitățile cununiei. În descriere autorul atrage atenția la circumstanțele încheierii acestei alianțe matrimoniale: „Acum ori că va fi fost astfel rînduit dintre veșnice de Dumnezeu pentru cea mai iubită fiică a domnului, ori că nu putea fi scăpată de aceasta din cauza ursitei sale de neînlăturat, s-a împlinit ceea ce voievodul nu mai putea împiedica în nici un chip după risipirea oștiri polone sub Batow și după asediul cetății Cameniță, căci Hmelnițki și-a trimis îndată de acolo solul său către domn cu cererea ca, potrivit unei făgăduieli de demult făcute, să-**i dea fiului său Timuș ca tovarășă de viață și de așternut pe fiica lui – ceea ce domnul a trebuit să primească și să îndeplinească nu atît de voie, ci de nevoie**, și a trimis îndată pe fiul fratelui său ca ostatec la Hmelnițki la Cehrin³³.

Din relatarea prezentată remarcăm că autorul acceptă aceeași poziție ca și Samuil Velicico, nunta era mai mult o constrîngere decît o înțelegere amicală. Domnul Moldovei nu avea altă ieșire. Cu atît mai mult, domnul Moldovei era nevoit să accepte condiția de a trimite ostatici: „Timuș a cerut doi ostatici, cei mai însemnați oameni - Toma Cantacuzino și fratele lui Vasile, hatmanul Gheorghe „ și numai după ce i-au luat, Timuș a continuat drumul³⁴.

În opinia lui Ion Eremia această “alianța matrimonială a creat o situație absolut

³² Ibidem, c. 102 -103: „Хмельницкий прибыв у Чигрин и вскоре после этого послал к волоскому господарю гонца, чтобы тот обязательно готовился к свадьбе. За ним послал вин из Виговским на веселя и сина своего Тимоша разом с десятком тысяч добрых казацких лицарив. Тимуш выехал близко 10 сепня и мав при соби три тысячи вийска. Твардовский свидчить, що в своем, посланному через гинця, листи Хмельницкий пише начебно так: „Ваша вельможность не зволить видминяти нашого приятельскогко звязку, о тож не видмовляеи видати замиж моему сину своей дочки. Не хвалимся своею родовитостью и титулом, знаючи, що великим можна бути лише завдяки себе самому, а не тильки з уродження. Адже ясно бачим, що переди мною свит тремтить, я килькарадово разбивав ущент ляхив и видвагу ихню так розлив, що вже протимене вперед виступать никому не видважаться и не лишне будуть ради такому мирови, який захочу я дати им сам, Але шей жебратимуть Зборовский пакт, який вони килькаразово знищуваем и спаваем. А коли б ваша вельможность не зволив би чинить того приятельства по воли, то мусимем учинити те неволю”.

³³ Anonim german (1652), *Descrierea solemnităților de la nunta lui Timuș, fiul lui Hmelnițki cu fiica domnului Moldovei*, în *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, Volum îngrijit de Maria Holban, M.M. Alexandrescu – Dersca Bulgaru și Paul Cernovodeanu, București, 1973, p. 469, 471-472.

³⁴ N.Iorga, *Istoria românilor ptin călători*, București, 1981, p. 250.

nouă în raporturile moldo-polono-ucrainene, bazate pe relațiile de rudenie dintre curțile de la Iași și Varșovia cu “rebelul” Bogdan Hmelnițki. Polonii urmăresc să-l aducă pe hatman la ascultare, mizînd și pe sprijinul domnului Moldovei, care la începutul lui ianuarie 1653 se include în negocieri. Dar Bogdan Hmelnițki respinge propunerile poloneze...scopul urmărit de diplomația lui Vasile Lupu privind relațiile cu alte țări a fost consolidarea pozițiilor Moldovei pe arena internațională”³⁵.

În contrapunerea acestei viziuni tolerante și lejere, alți istorici consideră că „soarta tragică a Roxandrei a fost determinată în mare parte de politica promovată de către ambițiosul și trufașul său părinte. Vasile Lupu a sacrificat-o, pînă la urmă, pe mezina sa pe altarul alianțelor politice matrimoniale – măritînd-o, după atîtea propuneri mult mai onorabile primite din partea nobililor europeni, cu acel necioplit cazac”³⁶.

Nunta

Despre nunta domniței Ruxandra cu Timuș, hatmanul cazacilor, s-au păstrat unele fragmente ale contemporanilor. Miron Costin în «*Letopisețul Moldovei*» scria: «Și...au căutat a face lui Vasile –vodă și veselia fiei sale, Roxandei, după Timuș, feciorul lui Hmil, hatmanul căzăcescu...Însă cîte trebuia la o nuntă domnească, nemică n-au lipsit. Și după cîteva săptămîni ce au ședzut Timuș aiceia în Iași cu assaulii, polcovnicii și atamanii săi...au purces cu doamna-sa la Cehrinu»³⁷.

Cea mai desfășurată descriere găsim într-o relatare anonimă germană din anul 1652 „Descrierea solemnităților de la nunta lui Timuș, fiul lui Hmelnițki cu fiica domnului Moldovei. 1652 august – septembrie”³⁸. Propunem atenției cititorului varianta română, polonă, germană și rusă: „...După îndelungate și numeroase schimburi de solii între ei cu privire la această căsătorie, Timuș s-a apropiat în sfîrșit de Iampol la 16 august; și domnitorul, ca un domn înțelept, a trimis la Soroca pentru primirea acestuia pe domnul Toma³⁹, un mare boier de la curte, cu o parte din oștirea

Vasilii Lupu și Ecaterina Cercheză
(a doua soție). Tablou votiv.

³⁵ Ion Eremia, *Relațiile externe ale lui Vasile Lupu (1634-1653)*, Chișinău, 1999, p. 246.

³⁶ Vlad Mischevca, Florin Marinescu, *Testamentul Roxandrei Lupu*, p. 82.

³⁷ Costin Miron, *Letopisețul Țării Moldovei de la Aaron-vodă încoace (1595-1675)*, în *Letopisețul Țării Moldovei*, Chișinău, 1990, p. 200-201.

³⁸ Traducerea a fost făcută după textul german publicat de Nicolae Iorga în *Acte și fragmente cu privire la Istoria Românilor adunate din depozitele manuscrise ale apusului*, Vol.I, București, 1895, p. 208-214. Vezi: *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, p. 471-478.

³⁹ Toma Cantacuzino, mare vornic în Țara de Sus, 31 iunie 1644-1653. Vezi: *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, p.472.

sa, și a mai trimis acolo o caretă cu șase cai, și pe lângă această a poruncit să se îngrijească din timp de tot felul de provizii de vin, de mied și alte lucruri trebuitoare, cu care avea să-l ospăteze acolo pr Timuș ca pe un ginere al său, și să-i facă la poruncă de acolo pînă la Iași, capitala țării, și să-i alcătuiască avangarda. Dar pînă una alta, ce a făcut Timuș? A trimis la același boier mare de la curte și l-a rugat să vină de la Soroca la el la Iampol și acesta, cum nu se putea împotrivi voinței lui, a trecut dincolo, de cealaltă parte a Nistrului la Timuș și acesta l-a oprit și l-a ținut la el fiindcă se temea de vreo trădare. Dar nu s-a mulțumit cu atît, a scris domnului să-i trimită ca ostatec pe fratele acestuia, hatmanul⁴⁰, ceea ce a fost nevoit să facă peste celelalte, căci i l-a trimis, deși nu fără prea mare scîrbă și amărăciune. După aceea, îndată ce acest hatman a ajuns la Iampol, Timuș s-a ridicat de acolo, marți în 26 ale zisei luni august⁴¹ și cu mulțimile sale a trecut dincoace de Nistru; miercuri a fost la Bălți și joi a înopstat la Cocieni peste Prut, iar vineri înainte de prînz era gata să intre la Iași, orașul de reședință al domnului⁴².

Din acest fragment putem deci concluziona că Timuș a mers spre Moldova cel puțin 14 zile, s-a pornit la 16 august și a ajuns la locul destinației abia la 29 august, adică două săptămîni.

Nunta domnească avea anumite tradiții care trebuiau respectate. Mirele, mai ales din străinătate, era întîlnit cu mare pompă de însuși domnul și boierii de „seamă”. Nunta Ruxandrei nu făcea excepție în acest sens. Anonimul german descrie cu lux de amănunte această întîlnire. Vasile Lupu a trimis două persoane de vază, și anume pe Toma Cantacuzino, care era cumnatul domnului din prima căsătorie (Toma Cantacuzino era căsătorit cu sora Todoscăi, mama Ruxandrei- L.Z.) și pe Gheorghe Abaza, fratele său: „Pentru a întîmpina și primi pe acest ginere, poporul i-a ieșit în întîmpinare, călare, cu boierii și cu opt mii de oameni den oastea sa, și înaintea lui a pus să călărească opt falnici călăreți îmbrăcați turcește, avînd cai tot unul și unul și minunat împodobiți cu tot tacîmul lor bogat căci el voia să se înfățișeze ca un mîndru monarh și potentat a cărui măreție nu mă simt în stare s-o descriu îndeajuns⁴³”.

Este interesantă atenția acordată hainelor și compartamentului lui Timuș și celor care-l însoțeau: „Astfel **Timuș, cu trei mii de cazaci zaporojeni**, care măcar că fuseseră aleși cu deosebită grijă – după cum spun ei – arată cum spun ei – **arătau totuși foarte jerpeliți**, se apropia din ce în ce mai mult de oraș, și după ce au ajuns în vale, la o depărtare de un sfert de milă de drum, cum oamenii domnului erau rînduiți pe două șiruri ce închideau amîndouă laturile, Timuș, care nu înceta să fie cuprins de tot felul de temeri, a coborît dealul în goana cailor ca și cum ar fi pornit la atac și a poruncit muzicii să cînte cîntece ostășești⁴⁴”.

În ceea ce ține de descrierea hainelor, aici cu mare probabilitate putem presupune că s-au jerpelit în drumul care a fost de lungă durată. Este foarte straniu un alt compar-

⁴⁰ Gheorghe Abaza. 1634, paharnic; 1651-1654, pîrcălab de Suceava. Vezi: *Familiiile boierești din Moldova și Țara Românească. Enciclopedie istorică, genealogică și biografică*, Vol. I, Coordonator și coautor Mihai Dim. Sturdza, Simetria, 2004, p. 38-39.

⁴¹ N. Iorga observă că 26 august a căzut în anul 1652 într-o zi de luni.

⁴² *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, p. 471-472.

⁴³ *Ibidem*, 472.

⁴⁴ *Ibidem*, 472-473.

tament, care ne arată pe Timuș ca pe un fricos. Din toate relatările epocii Timuș era caracterizat ca o persoană vitează și curajoasă. Posibil că avea niște dubii în privința acestei căsătorii și era pregătit de orice derulare a evenimentelor.

Mai departe autorul atrage atenția la compartamentul lui Timuș cu domnul Moldovei Vasile Lupu: „Cînd s-au întîlnit amîndoi, au descălecat și s-au întîmpinat astfel: Timuș a cuprins pe după gît pe domnul, socrul său, numai pe jumătate, **dar acesta l-a îmbrățișat ca un tată** și a vorbit mai întîi, arătîndu-i că se bucura din suflet de sosirea lui. **Timuș însă** nu a scos nici o jumătate de cuvînt pentru a-i răspunde, ci **sta ca un idol**, ca și cum ar fi fost pe altă lume, și își mușca și își rodea buzele; în locul lui a răspuns într-un tîrziu Wichowski”⁴⁵. Acest episod elocvent arată diferența dintre statutul domnului și al lui Timuș. Vasile Lupu este arătat ca o persoană cultă și prezentabilă, iar Timuș ca un om lipsit de educație nobilă.

Interesantă este descrierea oastei care îl însoțea pe Timuș. Autorul menționează că erau îmbrăcați în haine după moda polonă și aveau cu dînșii marfă pentru vînzare. „Cei din cavalcada lui Timuș, deși slăbiți și prăpădiți, erau totuși îmbrăcați foarte scump și fastuos; unii din cai erau împodobiți cu șei și valtrapuri cusute cu aur, alții cu mărgăritare. El însuși era îmbrăcat cu o haină roșie cărămizie și pe deasupra cu o manta de catifea de aceeași culoare, căptușită toată cu samur, veșmînt care nu fusese făcut de bună seamă pe trupul său. Un flăcău tînr, stricat de vărsat, nicidecum mic, ci cam voinic și din topor, avea cu el două rădvane de lemn de molift, un furgon ostășesc și alte patru sute de căruțe mai proaste în care luaseră sare, căutînd poate cu acest prilej să scoată vreun cîștig. Ceilalți comandanți erau călări pe cai buni și toți erau îmbrăcați după moda polonă cu podoabe de argint; dar nu erau mulți dintre aceștia, ci cea mai mare parte erau de tot felul”⁴⁶.

Vineri, ziua în care Timuș a intrat în oraș, s-au început pregătirile de nuntă. Oaspeții au fost cazați și ospătați la cel mai înalt nivel: „Timuș a intrat în oraș călare, alături de domn, și aici la sosirea lui s-au deosebit cea a turcilor și a țiganilor – și domnul l-a dus apoi pe Timuș în odăile sale care erau bogat și mîndru gătite și împodobite; aici i-a înfățișat pe fiul său, Ștefan, și a vorbit mult cu el, arătînd că se bucură din toată inima de sosirea lui. Dar domnul Timuș a rămas, după vechiul său obicei, mut cu desăvîrșire orice i-ai face. Deci a trebuit ca tot Wychowski să vorbească tot timpul în locul lui și să răspundă”⁴⁷.

Portretul Ruxandrei Hmelnițka.

Prima jum. a sec. al XIX-lea.

Sanct-Petersburg, Muzeul Rus.

Украинская портретная живопись XVII-XVIII вв., Ленинград, 1981.

⁴⁵ Wichowski era secretarul sau pisarul ucrainenilor și principalul colaborator al lui Bogdan Hmelnițki. *Ibidem*, p. 473.

⁴⁶ *Ibidem*, p. 473-474.

⁴⁷ *Ibidem*, p. 474.

Conform tradiției, mireasa se pregătea de nuntă: „Fetele au început să joace în odaia miresei și ȋiganii zăngăneau din instrumentele lor. Domnul însă s-a retras în odăile sale și a îndemnat pe mire să se odihnească după atâtea oboseli și neajunsuri din timpul călătoriei, și să se spele de pe drum; și i-a dat și cîtiva din **copiii lui din casă**, ca să-i facă slujbă și să-i stea la poruncă; și mai stăteau la îndemînă sa domnul Wichowski, domnul Tetera și alți slujitori ai săi de casă, precum și cîtiva bătrîni boieri moldoveni mai de seamă la care se uita Timuș ca lupul din tufiș. Apoi le-a întors spatele și și-a scos cuțitul și și-a tăiat unghiile în fața unor oameni de seamă ca aceștia cum erau boierii moldoveni. Comandanții și ceilalți ofițeri au fost găzduiți în oraș și li s-au pus la îndemînă slujitori; de asemenea li s-a purtat de grijă pentru toate cele de care ar fi avut nevoie.

Oastea căzăcească și-a așezat tabăra sub vii și a pricinuit mari pagube locuitorilor din Iași; de **aceea evreii s-au ascuns**, căci cei pe care puneau ei mîna trebuiau să se răscumpere cu preț bun. Pe lîngă aceia a mai dat buzna încă o ceată de cazaci cărora li s-au dat tainuri și incartiruire.

Cînd a fost masa gata, domnul l-a poftit pe ginerele său la prînz; dar acesta nu s-a grăbit să se îmbrace de îndată, așa că domnul a trebuit să-l aștepte mult; în sfîrșit a venit la masă, îmbrăcat cu alte haine leșești. Domnul l-a așezat lîngă el; au început să mănînce, să închine paharele și s-au slobozit tunurile. Dar domnul Timuș a rămas mai departe tot același, ceea ce l-a supărat și l-a jignit mult pe domn. Lăutarii moldoveni și turci cîntau, și turcii făceau tot felul de caraghioslîcuri și așa a ținut pînă noaptea tîrziu”.

În ziua următoare, sîmbătă, Timuș s-a pregătit de nuntă și de aceea nu a venit la masă să mănînce cu domnul; **toate boieroaicele și fetele moldovence, prea frumos și strălucit gătite, jucau în curtea castelului, și domnul Timuș la o fereastră bea tutun în ochii tuturor și privea la jocurile moldovenești**. Duminică devreme boieroaicele și fetele moldovence au jucat din nou și apoi domnul cu soția sa Doamna (Dumna-L.Z.) **au trebuit să dea pe fiica, pe iubită Ruxandra, cu nemărginită durere aceluia flăcău stîngaci și necioplît**. După aceasta, el a pornit spre biserică, încălecat pe un cal cu un surguci mare și gătit cu haine scumpe și strălucite pe care i le dăduse domnul; doi boieri l-au însoțit de amîndouă părțile, ca pe un om ales și de seamă, urîndu-i noroc.

Cînd au intrat în biserică, amîndoi mirii au **îngenunchiat pe un covor și și-au jurat unul altuia unire și credință, iar după aceasta cinstitul mire a ieșit bucuros din biserică și s-a dus la castel, și-a sărutat mireasa**, și a alergat o mare mulțime să privească la aceasta, și s-au slobozit tunurile. Și lăutarii au început iar să cînte.

Dar **fiica domnului vărsa lacrimi pentru ceea ce așteptase cu dor mai înainte, și de aceea puneă întotdeauna să i se cînte cîntece căzăcești**; apoi s-au așezat la masă și s-a trimis o caretă după cusătorese și croitorese, care nu au fost găsite la gazdele lor, ci se duseră la cărvășărie, adică la cîrciumă, la rachiu. Ele au fost aduse pe sus la castel; semănau cu niște stafii și acestea erau rudele de sînge ale lui Hmelnițki; niște femei urîte, întunecate, în haine negre evreiești, căptușite totuși cu samur și cu gulere mari; **se părea că voiau să se dea după felul moldovenesc**; despre ele ar mai fi multe de scris dacă nu **aș fi oprit de rușine**.

Pe aceste toate le-a ospătat doamna⁴⁸ în altă sală. Domnul iarăși l-a îndemnat pe ginerele său Timuș să mănânce, să bea și să se veselească. Atunci pentru prima oară acesta a început să vorbească și s-a plecat spre domnul Kotnarski⁴⁹ și i-a spus în taină...

„Mulțumesc foarte mult domnului. E de toate. Ce ne mai trebuie?”

A trimis apoi îndată după muzica sa: un organist, trei scripcari, unul cu trombon și un trîmbiș care i-au cîntat pe

limba leșească; acum abia s-a înveselit cu adevărat și a pus pe cazaci să joace; aceștia se învîrteau nebunește și au băut pînă la ora unu de noapte. Cusătoresele și croitoresele au fost duse însă cu cînte mai înainte de acolo pentru că boieroaicele le-au făcut ceva mutre. Dar una dintre **druștele** cazace, numită Haska Karpicza, **care era destul de slobodă la gură**, a spus aceste cuvinte boieroaicelor: „Am venit la voi pentru pradă și chiar dacă sunteți mai făloase decît noi, tot ați dat pe domnița voastră după un cazac”.

După aceea mirele s-a sculat repede de la masă și s-a dus în odăile sale, și apoi în iatac (**ubi de fortuna et integritate sponsae actum est**). A doua zi și a treia zi Timuș n-a mai ieșit din camera sa, dar miercuri a ieșit călare, să se plimbe la cîmp.

Joi, domnul cu soția sa doamna, tînăra nevestă Ruxandra și domnul Timuș, ca și boierii și boieroaicele, au prînzit împreună, în camera doamnei.

Dar aici nu prea putea pătrunde cineva pentru că era ginecerul și mai serveau la masă domnul însuși cu soția sa.

După aceasta Timuș s-a dus să joace cu iubita sa, în timp ce Wychowski și ceilalți îi alcătuiau suita. Apoi **domnul a dăruit ginerei pentru osteneala sa o bucată de brocard de aur**. Dar acela, ce e drept nici nu a putut să-și plece capul. **Timuș a făcut apoi și el daruri boierilor celor mai de seamă și a dăruit chiar domnului o blană de samur, tinerei sale soții o haină de damasc căptușită cu samur și fiecăru boier cîte o sută de lei, dar ei nici nu au luat în seamă acest lucru.**

Apoi domnul a dăruit iarăși ginerei sale patru cai, doi turcești înșeuți și cu tot tacîmul și doi moldovenesti și a dat de asemenea solului domnului Țării Românești (dem Multanischem Hospodarischem Gesandten) care luase și el parte la nuntă, un cal turcesc cu tot tacîmul și pe ceilalți tovarăși și ofițeri ai lui Timuș i-a cinstit domnul de dragul fiicei sale cu daruri mîndre⁵⁰, pe care le-au pretins cazacii înșiși ca un drept.

Portretele Ruxandrei și al lui Timuș.
Aproximativ anul 1652. Lvov. Muzeul de istorie.
Украинская портретная живопись XVII-XVIII вв.,
Ленинград, 1981.

⁴⁸ După cum se vede, au fost două ospete deosebite, unul al bărbaților, celălalt al femeilor.

⁴⁹ Kotnarski era secretarul lui Vasile Lupu pentru limba polonă.

⁵⁰ „Domnul a dat ca zestre fiicei sale 20 000 de taleri pe lingă wyprany și încă 2 000 de ducați, o caretă și multe care și alte lucruri, de dragul fiicei sale a oferit lui Fetera (!) zece coți de catifea, 20 de satin și 150 de taleri (cu leu). Lui Wychowski i s-au dat 10 coți de catifea, 20 satin, o legătură de ris și

Vineri, anume la 6 septembrie, Timuș a plecat iar călare din Iași și domnul I- a petrecut pînă la locul unde îl întîmpinase la venire și-i urase bun sosît; cu el au mers și doamna și boieroaicele. Aici au descălecat și și-au luat rămas bun unul de la altul, și tot timpul cît a stat domnul de vorbă cu ginerele său, tînăra soție a ținut pe maica sa îmbrățișată pe după gît și a plîns amar. După aceea și-a luat și ea rămas bun de la tatăl ei, domnul, cei doi tineri s-au sărutat și chipurile lor s-au înveselit, dar inima întristată nu i-a îngăduit tinerei soții să scoată un singur cuvînt din cauza prea marei dureri.

În sfîrșit, boierii și boieroaicele s-au închinat de plecare lui Timuș și domnul a stat cu capul descoperit pînă ce s-au despărțit unii de alții, și după ***ce a scăpat domnul pe un oaspete atît de*** împovăraător, s-a întors iar la Iași⁵¹.

După cum ne arată această descriere, nunta a durat 7 zile, de sîmbătă 30 august, pînă la 6 septembrie, așa cum de obicei se petreceau nunțile domnești. Autorul ne scoate în evidență tradițiile și obiceiurile epocii, ne arată în detalii cum s-a desfășurat nunta. Putem observa că autorul intenționat și demonstrativ sublinia diferența dintre poziția socială a familiei lui Vasile Lupu și hatmanul căzăcesc Timuș Hmelnițki. Vasile Lupu și moldovenii, în general, sînt prezentați ca persoane culte, dar Timuș singur și oastea lui, ca persoane demoralizate, groaznice și intolerante ...În același timp, cu deosebit drag sînt descrise frumoasele obiceiuri de dansuri și cîntece la nunțile moldovenești, belșug la servirea meselor. Aparte sînt arătate obiceiurile de înzestrare a mirilor și oaspeților. Este numit fiecare obiect și banii dați în numerar. Acest moment era de mare importanță, deoarece era nevoie de mai mulți martori cînd să dădea zestrea. Un singur fapt este neclar, de ce așa de puțini oaspeți din străinătate au fost invitați la nuntă. Este pomenit numai solul din Țara Românească. Nu este pomenită sora Ruxandrei, Maria Radziwiłł, care locuia în Polonia.

În concluzie la acest compartiment, putem spune cu toată certitudinea că acest document are o deosebită valoare, deoarece ne arată cum s-a desfășurat evenimentul festiv, nunta Ruxandrei cu Timuș Hmelnițki.

Imediat după nuntă, Timuș împreună cu Ruxandra au plecat la Cygrin⁵². Despre celebrarea nunții acolo izvoarele tac. S-a păstrat numai scrisoarea lui Bogdan Hmelnițki către vecinul său, voievodul din Putevili, în care el scria: „...aduc la cunoștință Dvs. că tinerii au ajuns cu bine și este fericit de cuscrie cu domnul moldovean”⁵³.

300 de taleri (cu leu)”. Vezi: *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, p. 477.

⁵¹ *Călători străini despre Țările Române*, vol. V, p. 471-477.

⁵² „Пребувши в Ясах кілька тижнів Тимуш з осавулами, полковниками й отоманами поїхав до Чигрина з *молодою жінкою*”. Vezi: М. Грушевський, *Історія України – Руси*, т. IX, ч.1, с. 480.

⁵³ *Ibidem*, p. 481.

Viață casnică

Despre viață Ruxandrei în căsnicie se știu lucruri fragmentare și controversate. Unii considerau că era fericită⁵⁴, alții dimpotrivă, considerau că a avut un destin tragic⁵⁵.

„Roxandra era fericită în această căsătorie. După decesul soțului, ea mulți ani a locuit în Ucraina, în orașelul Rașcov și avea acolo multe moșii. Ruxandra își lărgea domeniul acestor moșii și s-a păstrat adresarea ei către țarul rus Alexei Mihailovici din 1672 în care cerea acest imobil ca danie”.

Despre brutalitatea lui Tumiș scriau toți contemporanii. Miron Costin scria: „Acel om cu hirea de hiară sălbatică era Timuș! ...Omul tânăr și fără nici o socolteală, să cunoștea că nice la un folos nu vor ieși lucrurile”⁵⁶.

Ambasadorul din Veneția, la 15 noiembrie a anului 1652, într-o scrisoare la Varșovia scria că „Timuș foarte rău să împacă cu soția...și vre s-o trimată înapoi la tata ei”⁵⁷. Presa franceză scria că „Timuș bate soția și vre s-o trimită la vizir...dar Bogdan Hmelnițki...l-a convins să nu facă acest pas greșit”⁵⁸.

S-au păstrat portretele Ruxandrei și ale lui Timuș, realizate de un pictor olandez necunoscut. Posibil că au fost făcute la comanda lui Bogdan Hmelnițki.

Toate mențiunile despre perioada de două luni în care Timuș Hmelnițki s-a aflat în cetatea Suceava sînt unanim negative.

În primul rînd, ne referim la letopisețul lui Miron Costin, care sublinia: „Timuș, cum au sosit la cetatea (Suceava –L.Z.), de a doua zi s-au desfrînat la jafurile mănăstirilor, și întîi asupra Dragomirnei mănăstirii cu puști au mărșu și au bătut mănăstirea. Și dacă i s-au închinat, toate odoarele, veșmintele în joacu au dat, și cîți bieți neguțitori era închiși acoloa și mulți den boieri, rușinându cazăcii, fâmei și fete, și nu ca creștinii, ce mai multu decăt păgînii s-au purtat cu aceia mănăstire. Șă să hie mai avut vreme cevași Timuș, nici o mănăstire n-ar hi hălăduit nepradată, odoacă”⁵⁹.

Despre prada mănăstirii Dragomirna de către Timuș se vorbește în documentele din perioada mai tîrzie, emise de cancelarie. „Iași, 1654, august 12. Ghiorghe Ștefan voievod întărește fostului vistiernic Iordachie Cantacuzino jumătate de sat de Lințești...ce-i pe Prut în ținutul Cernăuților, cu poieni de finețe, **acele drese toate le-a pierdut în mănăstirea Dragomirna din pricina cazacilor cînd a sosit Timoș Hmelnischie pînă la cetatea Sucevei**”⁶⁰.

⁵⁴ „Roxandra era fericită în această căsătorie. După decesul soțului, ea mulți ani a locuit în Ucraina, în orașelul Rașcov, și avea acolo multe moșii. Roxandra își lărgea domeniul acestor moșii și s-a păstrat adresarea ei către țarul rus Alexei Mihailovici din 1672 în care cerea acest imobil ca danie”. Vezi: H. Мохов, *Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. (С древнейших времен до начала XIX века)*, Кишинев, 1961, с. 9; ЦГДА, 1672, Nr. 1. О.К. Касименко, *Історія Української РСР. Популярний нарис*, Кпев, 1960, с. 78.

⁵⁵ În literatura istorică ucraineană despre secolul al XIX –lea s-a stabilit opinia că această căsătorie era inegală. Se considera că „o fată aristocrată s-a căsătorit cu un simplu cazac” și acest fapt i-a determinat viața tragică. Vezi: К. Шайноха, *Домна Роксандра*, în *Русская мысль*, 1881, кн. IV, с. 231-295; С.Венгрженовский, *Свадьба Тимоша Хмельницкого, в Киевская старина*, том. XVIII, Киев, 1887.

⁵⁶ Costin Miron, *Letopisețul Țării Moldovei de la Aaron-vodă încoace (1595-1675)*, p. 211.

⁵⁷ М. Грушевский, *Історія України – Руси*, т. IX, ч.1, с. 482.

⁵⁸ *Ibidem*, с. 482.

⁵⁹ *Ibidem*, p. 218.

⁶⁰ Teodor Balan, *Documente Bucovinene 1464-1740*, vol. VII, Iași, 2005, p. 187.

Într-o altă sursă, a cronicarului Georg Kraus *Cronica Transilvaniei 1608-1665*⁶¹, serie despre anul 1653 cum s-a comportat Timuș în perioada asediului în Suceava. «Deoarece din pricina tăriei șanțurilor cazacii se credeau foarte apărați, Timuș voia să-și împlinească poftele trupești- se spune că ar fi fost un copil al Venerei – și o pofti la el pe soacra sa vitregă, soția lui Lupu, care era în cetate, spunând că are lucruri însemnate de vorbit cu ea. Când soacra, femeie de o frumusețe rară, sosi, Timuș îi ceru să se împreune cu el, încercând s-o siluiască. Când ea văzu patima lui, deși era păgînă de nean cerchez, tătăresc, fiica unui sultan, căzu totuși în genunchi și-l rugă să-i cruțe cinstea. Îi aminti să se gîndească la soțul ei și cuscrul lui, adînc îndurerat, gonit și prins, și să nu făptuiască această nelegiure, iar dacă dorește femeile altora, în cetate se găsesc 11 fecioare frumoase, fiice de boieri, pe care ea este gata să i le trimită, iar el să folosească pentru poftele sale pe cele care-i vor plăcea. În urma acestei propuneri și rugămintilor ei stăruitoare, Timuș o lăsă pe soția lui vodă să plece nevătămată. Ea merse pînă la cetatea aflată lîngă Întăritură, cu niște însoțitori cu care trebuia să le trimită în tabără pe cele 11 fecioare. Dintre aceste, Timuș și-a păstrat 3, pe cele mai frumoase, iar pe celelalte le-a lăsat să se înapoieze în cetate, cerînd însă ca, de îndată ce le-a dori, ele să se înfățișeze. Cu cele trei pe care le-a păstrat Timuș și-a făcut plăcerile zi și noapte, cu care prilej a și murit»⁶².

La începutul lui septembrie 1653, Timofei Hmelnițki și-a găsit moartea la Suceava⁶³, „... perit de glonțu de tun, cum dormia supt cortul său, măcar că era pe pămîntu întins, l-au nemerit în picior glonțul, după care lovitură pînă a tria dzi au stătut mortu»⁶⁴.

Din aceste fragmente putem trage concluzii despre ce viață avea Ruxandra, mai ales că în acea perioadă era însărcinată și înainte de moartea lui Timuș a născut. Despre acest fapt vorbește și Paul de Alep, care a fost martor ocular al evenimentelor: «Înainte de a-și da sufletul, el primise vestea îmbucurătoare că soția sa dăduse naștere la doi gemeni, dar el nu s-a bucurat, căci nu se împlinise încă nici un an de la căsătoria sa»⁶⁵.

Ruxandra-văduvă

După moartea lui Timuș, Ruxandra a rămas în Subotov, localitate în apropierea or. Cehryn. În 1654, aceste locuri le-a vizitat Paul de Alep. Din relatările lui aflăm multe detalii interesante despre Ruxandra și viața ei, în subcapitolul intitulat **Vizita domniței Ruxandra la patriarhul Macarie**: «Am ajuns în sfîrșit într-un oarș numit Subotov unde locuia în mod obișnuit Timuș, fiul hatmanului cazacilor. Locuitorii au venit cu mare alai să ne întîmpine și ne-au dus într-o biserică nouă, mare, cu hramul

⁶¹ Georg Kraus, *Cronica Transilvaniei 1608-1665*, Traducerea și studiul introductiv G. Duzinchevici, E. Reus- Mîrza, București, 1965, p. 165.

⁶² *Ibidem*, p. 165.

⁶³ Ioan Eremia, *Relațiile externe ale lui Vasile Lupu*, p. 236.

⁶⁴ Costin Miron, *Letopisețul Țării Moldovei de la Aaron-vodă încoace (1595-1675)*, p. 221.

⁶⁵ *Extrase din călătoria în Turcia, în Ucraina și Rusia a Patriarhului Macarie, descrisă de Paul de Alep, în Călători străini despre Țările Române*, vol. VI, Partea I, (Traducerea după ediția lui Vasile Radu din *Patrologia orientalis*, tomul XXII, fasc.I, Paris, 1939, p. 68), Îngrijit de M.M. Alexandrescu-Dersca Bulgaru, București, 1976, p. 99; „Перед своей кончиной он получил радостную весть, что его жена родила двух мальчиков, но не успел насладиться счастьем иметь их, ибо не прожил с женой и полного года». Vezi: Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидьяконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. Выпуск первый (От Алеппо до земли казаков), Москва, 1896, с. 108.

Sf. Mihail în care sînt adunate tezaurele bisericilor armenesti, jefuite și ruinate de răposatul Timuș în timpul șederii lui la Suceava, oraș din Moldova pe care l-am pomenit mai înainte. Și mormîntul lui Timuș se află în această biserică. Soția lui, fiica lui Vasile Lupu, domnul Moldovei, a venit de mai multe ori să vadă pe domnul nostru patriarh, îmbrăcată ca roabă circaziană, cu un colpac de postav îmblănit; și era însoțită de fete circaziene și moldovence ca și ea, întocmai ca roabele.

Duminică dimineața, după utrenie, am slujit în fața ei un parastas pentru soțul ei. Potrivit datinei, am atîrnat deasupra mormîntului lui un steag mare pe care era zugrăvit eroul călare cu sabia sa în mîna dreaptă și cu un buzdugan în cea stîngă și cu țara Moldovei în primul plan, ca fiind țara pe care se ducea s-o cucerească. Era un tablou care făcea să lăcrimeze pe cel care îl privea. Biata lui soție, care știa patru limbi, româna, greaca, turca și rusa și pentru care tatăl ei cheltuise un tezaur de bani ca să o aducă de la Istanbul, este acum departe de tatăl ei, de mama ei, de frații ei, și de poporul și țara ei, trăind printre străini, în palatul soțului ei, în jurul căruia construisese o cetate cu șanțuri”⁶⁶

După opinia lui I. Czamańska, socrul Ruxandrei, Bogdan Hmelnițki „care stăpînea mare parte a Ucrainei, i-a dat orașelul Rașcov, nu departe de hotarul cu Moldova. Ea a trăit acolo (nu știm de voie sau de nevoie) și după moartea lui Timofei, în timpul asediului Sucevei de către oștile transilvano-munteano-polone, în septembrie 1653. S-a recăsătorit cu polcovnicul cazac Jan Antonowski. După anul 1661, se pare că după moartea celui de- al doilea soț, doamna a revenit în Moldova, la moșia Dăleni. Este posibil să se fi căsătorit a treia oară cu Vasile Krupenski, cu care a avut un fiu, Șandru. A fost omorîtă la Neamț, în anul 1686, în timpul invaziei polone, de tilhari”⁶⁷.

Informația despre viața Ruxandrei la Rașcov este argumentată de alte izvoare și are în literatura istorică diferite explicații. De exemplu, A. Veress comunică că la „24 octombrie 1653, fiind încă la Rașcov, Vasile Lupu își cerea fiul și soția aflați în mîinile lui Gheorghe Ștefan”⁶⁸.

Aceste evenimente sînt descrise de Miron Costin, care scria că Ruxandra a primit Rașcovul în proprietate după moartea lui Timuș și Ștefăniță, fratele ei, vroia să o aducă înapoi în Moldova: „Ștefăniță-vodă, aicea, ca un om tînăr, nevîrîndu soru-sa, doamna Roxanda, să vie pre scrisorile tătine-său ș-a lui în țară, den Rașcov, care tirgu îi didesă Hmil, după moartea feciorului său, lui Timuș, au trimis oastea asupra Rașcovului, să-l bată și să o ia cu de-a silă”⁶⁹.

Istoricul Mihail Grușevski în lucrarea sa «История України-Руси»⁷⁰ face trimitere la Miron Costin și afirmă că Rașcov a fost unul dintre cele mai importante centre militaro-strategice ale cazacilor și Ruxandra l-a primit în dar după moartea lui Timuș⁷¹.

⁶⁶ Extrase din călătoria în Turcia, în Ucraina și Rusia a Patriarhului Macarie, descrisă de Paul de Alep, p. 306-307.

⁶⁷ Ilona Czamańska, A doua casă, în Magazin istoric, octombrie, 2003.

⁶⁸ A. Veress, Documente, v. X, p. 270-271; Extrase din călătoria în Turcia, în Ucraina și Rusia a Patriarhului Macarie, descrisă de Paul de Alep, p. 95.

⁶⁹ Costin Miron, Letopisețul Țării Moldovei de la Aaron-vodă încoace (1595-1675), p. 244.

⁷⁰ Михайло Грушевський, Історія України-Руси, том IX-1, Роки 1650-1654, Київ, 1996, с. 599-601.

⁷¹ Михайло Грушевський, Історія України-Руси, с. 600; Costin Miron, Letopisețul Țării Moldovei de la Aaron-vodă încoace (1595-1675), în Letopisețul Țării Moldovei, Chișinău, 1990, p. 244.

Vestitul letopiseț ucrainean Samuil Velicico în lucrarea sa fundamentală «Леропись»⁷² scria: „În anii șaizeci...Doamna Rozanda trăia la Rașcov ca o pani-văduvă și era stăpînă acolo pînă la moartea sa... cînd a fost ucisă de niște cazaci»⁷³.

Opinia că orașul Rașcov aparținea Ruxandrei este confirmată și de textul unui hrisov al Ruxandrei către țarul rus Alexei Mihailovici Romanov: „Ma închin în fața ta, eu, roaba ta, cer majestia ta să-mi păstrați moșiile care me-a lăsat hatmanul Bogdan Hmelnițki pînă am să am zile. 1660. Ianuarie 1. Roaba majestiei tale domna Roxandra a lui Timuș Hmelnițki” („Прошу я, раба твоя, велику твою державність про ті три пільні маєтності, що подарував нам гетьман Богдан Хмельницький до віку мого, скільки його буде. 1660 р. января 1. Раба твоего великого царства Домна Роксандра Тимошиха Хмельницька»⁷⁴. Hrisovul a fost trimis de „slujnicul” ei Gheorghe Kariazi⁷⁵.

Pînă la urmă nu se știe ce răspuns i-a dat țarul rus și dacă Ruxandra a primit acest oraș în posesie, dar se știe că în anul 1664 ea se afla încă la Rașcov. Despre acest fapt ne vorbește o altă scrisoare către țarul rus, în care ea cere protecția lui și este semnată cu data „10 martie 1664. Doamna Ruxandra Hmelnițka»⁷⁶.

În istoriografia polonă există opinia cum că orașul Rașcov era „cedat domnei Roxanda Hmelnițka de către Alexandru Konecpoliski ca zălog pentru 60 000 de zloți»⁷⁷.

În testamentul său, din 15 ianuarie 1667, Ruxandra subliniază că „luînd eu în posesiune localitatea Rașcov, cîndva bună pentru amintirea marelui, luminatului pan Ian de Zamostia, voievod al Zamoiskului și Sandomirului, cu drept de moștenire pentru suma adevărată de patruzeci de mii de zloți numerar și monede poloneze»⁷⁸.

După Miron Costin, în anul 1659 fratele ei a încercat să o ia de la Raszkov, venind în Ucraina cu oaste⁷⁹. În realitate, însă, această expediție a fost probabil pregătită împotriva lui Constantin Șerban, care a ieșit în Ucraina și din nou Roxandra devine o persoană în centrul manipulărilor politice.

Nu se știe bine cînd anume fiica lui Vasile Lupu și-a schimbat locul de trai și a revenit în Moldova. Putem presupune că ea s-a întors în Moldova din cauza că teritoriul unde a trăit a fost ocupat de turci în anul 1672. C. Gane considera că

⁷² Самійло Величко, *Летопис*, Переклад з книжної української мови Валерій Шевчук, том I, Київ, 1991. Эта работа монументальный труд украинской историко-мемуарной прозы 17-18 столетия.

⁷³ «в 60-х годах ... Домна Розанда жила в Рашкове, как богатая пани-вдова и господоровала там аж до самой смерти... где была убита какой-то казацкой ватагой». Vezi: Самійло Величко, *Летопис*, с. 35

⁷⁴ Михайло Грушевський, *История України-Руси*, с. 600.

⁷⁵ „(Прошу я, раба твоя, велику твою державність про ті три пільні маєтності, що подарував нам гетьман Богдан Хмельницький до віку мого, скільки його буде. 1660 р. января 1. Раба твоего великого царства Домна Роксандра Тимошиха Хмельницька”. Hrisovul er a trimis de „slujnicul” ei Gheorghe Kariazi”, Vezi: Михайло Грушевський, *История України-Руси*, с. 600.

⁷⁶ „Рашков марта 10 дня лета 1664. Домна Роксанда Хмельницка”, *Ibidem*, с. 600-601.

⁷⁷ «Рашков был уступлен Александром Конецпольским Домне Роксанде, вдове Тимуша Хмельницкого в залог, за 60 000 злотых». Vezi: *Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i Innych Krajów Słowiańskich*, Pod red. Bronisława Chlebowskiego, Tom IX, Warszawa, 1888, s. 533.

⁷⁸ Vlad Mischevca, Florin Marinescu, *Testamentul Roxandrei Lupu (Hmelnițki) din 15 ianuarie 1667*, p. 91.

⁷⁹ Costin Miron, *Letopisețul Țării Moldovei de la Aaron-vodă încoace (1595-1675)*.

Ruxandra a trăit în Moldova la moșia Deleni⁸⁰. Testamentul Ruxandrei ne arată că în anul 1667 ea locuia încă la Rașcov, deoarece descriind proprietatea sa scria: „...în locul acesta Rașcov o casă în târg sub șindrilă, cu cămare și pivniță”⁸¹.

În anul 1686, în timpul invaziei oștilor poloneze în Moldova, domnița s-a mutat la Neamț. Acolo a fost omorâtă brutal de tîlhari.

Data morții este confirmată și de un alt document. Ruxandra era trecută în pomelnicul „Neamului Cantacuzinesc”, ziditorul și săvârșitorul bisericii Talpalari din Iași. După cum menționează Gh. Ghibănescu, „este ctitorie Cantacuzinească, rădăcată din pajiste încă din 1639, odată cu Trei Ierarhi ai lui Vasile Lupu. A luat poreclă de Talpalari, după breasla, care își avea hramul acolo, de la care breaslă și azi se păstrează lumînarea și un prapur”⁸². Condica bisericii, alcătuită în 1806, pomenește și numele Ruxandrei și indică anul morții Ruxandrei. „Pomelnicul pune pe Ruxandra domnița, fata lui Vasile Lupu, căsătorită cu Tumuș și tăiată în 1686 în cetatea Neamțului de soldații poloni, cînd cu prădarea cetății. ***Ea venea nepoată după întîia soție a lui Iordachi Cantacuzino vel vistiernic, întrucît Catrina, femeia lui Iordachi, era fata lui Constantin Bucioc, sora cu Tudosca, soția lui Vasile Lupu***”⁸³.

În concluzie ținem să menționăm că în studiul de față am făcut o încercare de a oglindi viața unei domnițe între politică și destin, și anume a Ruxandrei, văzută prin prisma seculară a istoriei. Ea a trăit o viață lungă și zbuciumată. Dacă presupunem că s-a născut la răscrucea anilor 20-30 ai secolului al XVII-lea, atunci putem calcula că avea vîrsta de 55-57 de ani cînd a decedat. După cum arată documentele de epocă, era bine crescută și educată, cultă și inteligentă, cunoștea patru limbi, era iubită și alintată de părinți. Portretele arată farmecul și frumusețea ei. A fost pețită de miri din vestite familii din Transilvania, Italia, Polonia. Se părea că soarta i-a rezervat un destin strălucit și împlinit. În realitate, ea a devenit un obiect de interese politice ale tatălui său, apoi ale soțului și fratelui. Viața ei s-a terminat tragic, a rămas fără familie, fără urmași și sugrumată pentru niște averi afurisite.

După cum am subliniat la începutul studiului, despre Ruxandra s-a scris mult. Noi v-am pus la dispoziție documente accesibile. Toate aceste documente au o dublă semnificație – în primul rînd, sînt documente de epocă care confirmă că Ruxandra avea în proprietate orașul Rașcov și, în al doilea rînd, ***confirmă că Ruxandra nu s-a recăsătorit, deoarece peste tot semna ca doamna Hmelnițka și nu avea copii. Drept confirmare servește și testamentul ei.***

ANEXĂ

În biblioteca Czartoryski din Cracovia noi am depistat varianta polonă a documentului: „Descriptia Actu Weselnego syna Chmielnickiego z córka Jego M. Hospodara woloskiego”⁸⁴,

⁸⁰ C. Gane, *Trecute vieți de doamne și domnițe*, p. 245.

⁸¹ Vlad Mischevca, Florin Marinescu, *Testamentul Roxandrei Lupu (Hmelnițki) din 15 ianuarie 1667*, p. 91

⁸² Gh. Ghibănescu, *Pomelnicul Cantacuzineștilor*, în *Arhiva Genealogică*, nr. 1, ianuarie, 1912, p. 39.

⁸³ *Ibidem*, p. 39.

⁸⁴ ACK/3923 II, p. 81-90. Muzeum Narodowe w Krakowe.

Nicolae Iorga, *Acte și fragmente cu privire la Istoria Românilor adunate din depozitele manuscrise ale apusului*, București, 1895, p. 208-214.

August- Septembre 1651

Beschreibung der Solemniteten, so bey der Hochzeit des Chmielnizken Sohns, Timoszek, mit des Hospodarn in Wallachey Tochter vorgangen, etc.

Nunmehr ist es vollentzogen, wass, entweder ob Gott von Ewigkeit Her, es mit des Hospodarn liebster Tochter also verordnet hatt, oder ob dass unvermeidliche Verhängnüss nicht überschritten werden können, dass es der Hospodar, nach der Zerslrcwung des Polnischen Heers unter Batow wind nach der Belagerung der Vestc Camienicz, in keinorley Wege umbzugehen vermochte, sintemahl Chmielniski also fort von dannen seine Abgeordnete an den Hospodaren mit diesem Begehreu abgefertiget, dass er seine Tochter, vermöge der lang geiha-nenen Versprechung zum Lebens- unnd Bei (genossen dessen Sohn Timoszek geben wolle, welches derselbe *rwn tarn libenter quam reverenter* annehmen unnd thun müssen, unnd dannenhero alsohald seinen Brudern-Sohn nach Zechryn zum Guysei gesandt. Nach langen unnd vielfältig unter Ihnen über dieser Heyrath hie und wieder abgegangeneu Bottschafften näherte sicli endlich der Tymoszek den 16 Augusli nach Jampol, zu dessen Empfangung der Hospodar, alss ein kluger Herr, denn Herrn Thorna, einen vornehmen grossen Hoffman, mit einem Theil seines Heers nach Soroki abgefertiget, unnd eine Caross mit sechs Pferden dahey gesandt, daneht auch allen Vorrath an Wein, Mart und andern dazu uothürftigen Sachen, dahin bei Zeiten zu verschallen anbefohlen, damil er ihn alss seinen Schwieger Sohn daselbst tractiren unnd von dannen biss in die Residenz Jasy ihm auffwarten und den Vortrab halten solte; indessen, wass thut Timoszek? Er beschicket denselben Hoffman unnd lest ihn von Soroki zu sich bitten nach Jampol, unndt, da derselbe seinem YVillenn nicht zu widerstreben, sich hinüber jenseil der Dniester zu ihm verfüget, holt er ihn bey sieh an und auff, weil er sich einziger Verrätherey besorget. Dieses aber war ihm noch nicht genug, sondern er schreibet fort an den Hospodarn, damit selbiger ihm auch seinen Brüdern, den Feldherrn, mit zum Geysel aboardne, welches derselbe auch thun müssen, dass er also denselben, wiewoll nicht ohne machtigem Verdruss unnd Verbitterung, an ihn fertigte, worauf? Timoszek, sobald nur derselbe Feldhäubtman in Jampol angelanget, mit seinen Völckcrn sich am Dienstage, den 26 dito (^{in 1652, 26 august a căzut luni}), von dannen erhoben, und sich diesseits der Dui-estr übersetzen lassen, dass er am Mittwoch zu Beine und am Donnerstage über Pruty in Skzycani(^{Sculeni}) genächtet, am Freytag vor der Mahlzeit ist er in die Residenzstadt Jasy eingezogen kommen; welchen übel willkommenen Schwiegersohn zu empfangen unnd einzuhohlen, der Hospodar mit den Herrn Bojaren und acht Tausend Mann seines Heers entgegen ritte, und für sich acht stattliche uff Türkisch ausgekleidete unnd wollmoitirte, auch prächtig mit aller Hand Reitschmtick gezielte, Gavallier vorreiten liesse, dass er alss (*sie*) ein würdiger

Monarch unnd Potentat, dessen Tapferkeit ich nicht würdig genugsam zu beschreiben vermag, ausszoge. Da denn der Timo-szek mit 3^m- Saporowischer Kosacken, welche zwar, wie sie sagen, besonders auserlesen, und dennoch daher sehr kahl anzusehen wahren, der Stadt ie mehr unnd mehr sich näherte, und nach dem

sie seines Theils in dem Thal uff eine "Viertel Meil "Weges sich genähert haben, dess Hospodarn Völcker zwey Reigen von beiden Seiten in der Ordnung geschlossen, und der Timossek, so mit steten Furchten umgeben war, kam, alss wenn er immer in der Expedition wehre, vom Berge herab angestrichen, unnd hiess die Soldaten Music erschallen, Alss sie nun beysamen gekommen, stiegen sie von den Pferden ab, unnd empfangen sich einander: Timoszek umbhülsete den Herrn Schwiegervater nur halb, aber derselbe küssete ihn, alss ein Vater, unnd redete ihn zum ersten an, mit Bezeigung dass er sich herzlich über seiner Aukunfft erfrewete. Dem aber Timoszek nicht ein halbes Wort zum Bescheid ertheilte, sondern wie Götze und alss enzucket stund, unnd die Lippen bebisste (*sie*) unnd nagete, für welchen aber der Wychowskii die Antwort endlich thate; des Timoszken Cavalcata waren, wenn lumpene und magere, aber sonst sehr kostbahr und reich bekleidete, ezliche mit Gold, andere mit Perlen gestickten Satteln unnd Zeuge, aussgeputzte Pferde. Er selbst war mit einem Cramoisyrothen Rock unnd einem sammeten, mit Zobeln durch unnd durch gefütterten Ueberrock oder Mantel derselben Farbe angethan, welches Kleid woll nicht uff seinen Leib gemacht worden; ein junger pockeunar-bichter Kerdel, nicht gar klein, sondern zimlich sfarck unnd grob. Hatte zwey Rittwägen von Fichten-Holz, einen Rüstwagen unnd anderer schlechte) 'Wägen vier hundert, woraufl' sie Salz nahmen, vielleicht Ihren Gewinn damit zu suchen: die andere Obersten sassen uff glitten Pferden, und wahren alle auch uff polnisch mit Silber unnd sonst gekleidet, aber derer wahren auch nicht viel, sondern die meisten allerhand Gattung. Ritte demnach Timoszek zur Seiten des Hospodarn in die Stadt, da, zu seiner Einholung die Stücke gelöset worden, unnd die Feld- alss andere Musickeii, insonderheit der Türeken unnd Zygayner, erschollen, unnd führete ihn der Hospodar in seine Gemächer, die stattlich unnd prächtig bekleidet unnd gezieret waren : drinnen er ihm seinen Sohn Steffen praesentirte, unnd viel mit ihm redete, mit Bedeutung, dass er über seiner Aukunfft recht herzlich erfrewet wehre; aber Herr Tymoszek bliebe, nach seiner alten Weise, immerhin einen Weg, wie den andern, stumm: nur muste der Wychowski allzeit für ihm reden und dass Wort führen. Die Juiugfrewen fiengen im Gemach bey der Braut anzutanzen, unnd die Zygeyuer strabten uff ihren Instrumenten. Der Hospodar aber begab sich zu seinen Gemächern, unnd riethe dem Bräutigam, dass er, nach so vielen ausgestandenen Ungemach unnd "Verdruss von der Reisse, aussruhen unnd den Staub vom Wege abwaschen möchte; ordnete auch auss seinen Gammer-Junckern Ezliche, damit sie ihm dienen unnd auffwarten solten; unnd waren zu seiner Assistenz Herr Wychowski, Hcrr Fetera unnd andere seiner Cammerdiener, auch ezliche alte fürnehme Wallachische Bojarn, welche der Timoszek, alss wie ein Wollf im Gestrauch ansahe; nachmahln kehrete er denen selben den Rücken zu, unnd zog sein Messer auss, unnd schnied ihm die Nägel abe [*sie*] in Gegenwarth solcher vornehmer Leuthe alss der Wallachischen Bojarn, Obersten und anderer Officirer. Die Losementer wurden in der Stadt angezeichnet, unnd die Bediente zugeeignet; auch allerhand Notturfft gereicht. Dass Kosackische Heer lag unter Winogrod unnd thaten den Einwohnern in Iasy grosses Schaden, für welchen sich die Juden versteckten; denn, die sie ertappten, mussten sich bey ihnen weidlich ausskauffen unnd ranzioniren; zu denen stosste noch ein Geschwerm Kosacken, welchen auch aller Vorrath unnd Losementer gegeben worden. Alss es nur zur Talffel angefer-tiget war, liess der

Hospodar seinen Eydam zur Mahlzeit einladen, welcher sich aber nicht bald ankleidete, also dass der Hospodar lang uff ihn warten musste: endlich kam er in - andern polnischen Kleidern angethan zu Tische. Don der Hospodar neben sich setzte: da begunnen sie zu essen, Gesundheit zu trincken unnd wurden Stücke darauf! gelöset, aber Herr Timoszek blieb immerfort *Johannes in eodem*, welches den Hospodarn sehr verdross unnd höhnte. Die Wallachisehe unnd Turckische Musikanten spielten, unnd stelleteil die Türeken allerhand Frowdenspiel vor, (caraghiosul nostru¹) so biss in die Nacht wehrete. Folgenden Tages, am Sonnabend, macht sich Timoszek zur Gopulation fertig, warumb er denn nicht zur Tal'fel kam, mit dem Hospodarn zu speisen; alle Bojarinnen unnd Wallachische Jungfrauen, sehr köstlich unnd prächtig geschmücket, tanzten im Schloss, unnd Herr Timossek soff im Fenster, für allen Leuten, Rauchtaback, unnd sähe dem Wallachischem Gelänze zu. Am Sonntag früe, tanzten abermahl die Bojarinnen unnd dass Wallachische Frauenzimmer, unnd hernach müste der Hospodar mit seiner Gemahlin *Dumnu* Ihre liebste Tochter

Resanda denn ungeschickten unnd unbehöbelten groben lum-penen Kerdel, mit unerträglichen Schmerzen übergeben: da-rauff er zur Kirchen ritte uff seinem Türkischem Gaul, mit einem grossen Federpusch, unnd in reichen kostbahren Kleidern, so ihm der liospodar geschenckt hatt, aiigetliau.; den zwey Bojaren, alss einen feinen erbahren Menschen, von bey-den Seiten begleiteten, unnd ihm drauff Glück wünschten. Da sie nun in die Kirche kommen, knieten beyde Hochzeiter uff einem Teppich nieder, und schwurn einander die Ehe unnd Traw; damit also der feine Bräutigam!) mit Frewden auss der Kirchen nach dem Schloss sich begab, unnd die Braut küsste, welche eine grosse Menge Volcks anzuschawen zulieffe, unnd wurden die Stücke gelöset. Auch spielten die Musikanten frisch auff, aber des Hospodarn Tochter vergass Trälmen über dem, den sie zuvor mit Verlangen erwartete unnd desswegen sie auch allzeit Kosackische Lieder ihr vorsingen lassen: darauf' sassen sie zu Tische, unnd ward eine Karre the nach den Nädteriimon unnd Schneiderinnen gesandt, welche aber in Ihren Losomentern nicht angetroffen worden, sondern in der Karwaserie, dass ist im Wirthshause, uff Brandwein aussgangen wahren. Die brachte man nach Schloss gelühret: sahen wie die Gespenster auss, unnd dass wahren des Chmielnizken Blutsverwandtinii, hessliche, grawlicbe Weiber, in Judischen Röcken und schwarzen, doch mit Zobeln gefuttert, unnd mit grossen Kollern: scheinet, dass sie sich der Wallachischen Manier haben aecomodiren wollen, von welchen denn viel zu schreiben noch wehre, wenn der Scham nicht solches verböthe. Diese alle tractirte die Hospodarinu in den andern Gemächern. Der Hospodar lünwiederumb nötigte seinen Eydam Timossek, dass er essen, trincken unnd fröhlich sein solle: da fing derselbe erst an zu reden, wind legte sich auff' den Herrn Ko-narski, unnd redte ihm heimlich zu : » *Ździekaie wielce H. I. M., ieitt ivszeglio dostatek, czego bulsze trzeba, dal P. Bog, dobre slowo uszlyszec. Muzyka Tureczka trzeba grac, za zdrowie Chmielnickiego y za Conjunction domowa? pic z Dzial rta-radotbic.u* (dass ist: »ichbedencke mich sehr gegen dem Herrn Hospodarn; es ist alles wollauff. Wess dürften wir mehr'? Gott hatt mich ein gutt Wort hören lassen, drumb lasst die Türkische Music aufspielen, uff des Chmielnizken unnd unserer Häuser Conjunction Gesundheit trincken, unnd zum Frewdeu-Zeichen die Stucke lösen"). Schickte auch

drauff nach seiner Music: einen Organisten, dreyen Violisten, einen auch mit der Bassviol, unnd einen Posaunisten, welche ihm ulf polnisch uffspieleten: da würd er erst reellt lustig, und hiess die Korsacken tanzen, die denn, wie dass Vieh in Morast, sich herumb warffen, unnd sofften biss eine Stund in die Nacht. Die Nädterimien und Schneiderinnen aber wurden ehrbar beyzeiten davon geführet, weil ihnen die Bojarinnen was vorgerückt hatten; eine aber auss den Kosackinncn, mit nahmen Haska Karpicza, die zimlich unverschamht war, stosste diese Worte zu den Boiarinnen auss: »Czy na lupiestwa mg do ums pvzyia-chdi, lubo tag pysznieyxze od nas, ućzein wy Doczkie za Kosakem daiete« (dass ist: »sindt wir zu euch auf einen Raub hergefahren; ob ihr gleich über uns hoffartiger seydt, so habet Ihr doch einem Kosacken ewre Fürstinn gegeben«), unnd wie sie von der Huff abgehen will, feilt sie umb und umh herunter, denn sie war fett unnd hatte sich besoffen, dass man sie kaum in die Carrelhe leiten kitndte. Hie andere sluii-■den dennoch auff ihren Füßen, unnd hielten .sich, dass sie also in der Carelhe in die Losemeufe' gechrachl worden. Nachdem auch der Bräutigam rafft sich vom Tische auff, und geht in seine Gemächer unnd dannen in die SchlafTkammcr [*tibi de fortuna et integritate sponsx actum est*]. Folgenden) unnd dritten Tages, ist der Herr Timoszek nicht auss seinem Losc-ment kommen, sondern am Mittwoch ist er ins Feld spazieren aussgeritten. Am Donnerstage, nahen der Hospodar mit seiner Gemahlin Duuma, die junge Ehefrau Rosanda unnd Herr Timoszek, wie auch die Bojaren unnd Bojarinnen, in Gemach zusammen gegessen: da aher kaum Jemand eingelassen worden, weil dass Fraweuzimmer auch der liospodar seihst mit seiner Gemahlin bedienet haben. Nach deine g'ienng Timoszek mit seiner Liebsten tanzen, dorne der VVychowski mit andern ulf-wartete: drauff schenckte der liospodar dem Eydam für die Mühe ein Stück Goldstück, der sich aber warlich nicht neigen kundte. Damit auch Timoszek die vornemhsle liojaren be-schenckte, unnd zwar dem Hospodarn verehrte, er ein Zimmer-Zobel, seiner jungen Eliefrawen ein adamaschkenes gefuttermtes Zobelne; Böckchen, den Bojarn jedem zu hundert Lo-wen-Thalern, die es alles aher nicht achteten. Hinwicdcruml) gab der Hospodar seinem Schwiegersohn vier Pferde, alss zwey Türckische mit Sattel unnd (iczeug ganz ausgepuzle, unnd zwey Wallachische Rumacken (*sie*), unnd dem Multanwehen Hospodarischen Gesandten, der sich auff die Hoch/eil, auch hatte eingestellt, auch ein Turckisch woll montirtes lluss, unnd den andern des Timoszek Geführten und Offlcirorn ver-•ehrte der Hospodar wegen der Tochter stattliche Gcschoncke, -welche auch die Kosakischen alss eine Schuld seihst forderten. Am Freytag, nemlich den 6 September, ist der Timoszek auss lasy wieder abgereiset, welchen der Hospodar biss an den-Orth, da er ihn empfangen unnd willkommen geheissen, aber— mahl begleitet hatt, mit welchem die Hospodarin nebst den Bojarinnen auch fuhren. Wie sie nun von den Pferden abgestiegen, haben sich einander gesegnet, aber solang der Hospodar mit seinem Eydam unterredet, so lange hielte die junge Ehefraw ihre Mutter, die Hospodarin, umbhälset, unnd wei-nete bitterlich: nachdem, wie sie auch Ihm Herrn Vattern, den Hospodarn, gesegnet, küssten sich die beyde Eheleute einander, unnd zeigten ein fröliches Gesichte, aber dass betrübte Herz Hess der jungen Ehefrawn nicht zu, dass sie für Schmerzen ein Wort reden thurfte. Endlich lezten sich auch die Bojaren unnd Bojarinnen mit dem Timoschken, unnd der Hospodar stund immer mit entblössetem TTaubte, damit sie

von einander geschieden, unnd der Hospodar, so solches beschwerlichen Gastes loss worden, nach Iasy wieder gekehret ist.

(Ibid.)

Varşovia, 7 Septembre 1652-

Audreas Adersbach către Electorul de Brandenburg. (Căsătoria lui Timus s'a făcut).

(Ibid.)

Traducerea în limba rusă

Nicolae Iorga, *Acte și fragmente cu privire la Istoria Românilor adunate din depozitele manuscrise ale apusului*, București, 1895, p. 208-214.

„Август – сентябрь 1652

Описание празднования по поводу свадьбы сына Хмельницкого - Тимошека и дочери Валашского господаря и т.д.

Наконец произошло то, что, или по велению господа для дочери господаря, или по стечению обстоятельств, которые нельзя было преодолеть, господарь после разгрома польского войска под Батовом (Batow) и после осады западных Каменич (Camienicz) известил, так что Хмельницкий тут же снарядил своих посланников к господарю, что он, господарь, хочет сдержать давно данное обещание его сыну Тимошеку о разделении жизни и ложа, который должен его принять и осуществить, и сразу же послать сына своего брата в Зехрын (Zechryn) к Гайзелю (Geysel). После многократных и долгих обменов посланниками в связи с этой свадьбой приблизился, наконец, Тимошек 16 августа к Ямполью. Для его приема господарь, как умный господин, послал в Сороки господина Тома (Thoma), очень знатного придворного, с частью своего войска. При этом он послал повозку, снаряженную 6-ю лошадьми. При этом он велел запастись вином, крошечком⁸⁵ и другими необходимыми вещами, чтобы он мог этим угостить своего зятя Тимошека и предлагать на всем пути до резиденции в Яссах. Что в это время делает Тимошек? Он отправляет этого придворного и зовет его к себе из Сорок в Ямполь. Это не противоречит его желанию, и он принимает его и удерживает на том берегу Днестра, чтобы обеспечить себе предательство. Но этого ему было недостаточно, и он пишет господарю, чтобы он послал к нему к Гейзелю (Geysel) своего брата – полководца, что и было сделано без особого огорчения и досады. На что Тимошек сразу же после прибытия этого полководца со своими людьми в Ямполь, переправляется через Днестр во вторник 26-го⁸⁶ так, что в среду ночует в Бельцах, а в четверг за Прутом в Скичанах (Skzycani)⁸⁷, в пятницу перед обедом прибывает в резиденцию, в Яссы. Для приема своего желанного зятя господарь скачет навстречу с боярами с 8ми тысячным войском. Рядом с ним скажут 8 человек,

⁸⁵ холодное блюдо из молока и хлеба – прим. переводчика.

⁸⁶ в 1652 году 26 августа выпало на понедельник.

⁸⁷ Скуляны.

наряженных нарядно по-турецки, на богато украшенных лошадях, чтобы он выглядел как истинный монарх повелитель, чью храбрость я не могу полностью и достаточно описать. Тимошек все приближается к городу с 3-мя тысячами запорожских казаков, хотя и особо отобранных, но выглядевших все равно очень бедно. После того, как они спустились в долину в четверти мили, люди господаря выстроились по обеим сторонам, и Тимошек с постоянным почтительным страхом, как будто он в военной экспедиции, спустился с горы и отдал приказ солдатам играть музыку. Когда они сблизились, то сошли с коней и поприветствовали друг друга: Тимошек только приобнял тестя, но тот его поцеловал как родной отец и обратился к нему с речью о своей радости в связи с его прибытием. Тимошек не решился сказать ни полслова, а стоял как истукан, закусив губы и кусая их. Наконец ответил Выховецкий. Кавалькада Тимошека была распутная и тощая, но одетая очень богато и ценно, седла, украшенные то золотом, то жемчугом, на вычищенных лошадях. Он сам был одет в красное платье, поверх бархатный камзол, подбитый соболями. Эта одежда не была сшита по его мерке. Молодой прыщавый с оспинами тип, не очень низкий, скорее крепкий и грубый. С ним было только 2 кареты из елового дерева, повозка с оружием и 400 повозок похуже, на которых была соль, наверное, для того, чтобы продать и получить выручку. Другие командиры сидели на хороших конях, были одеты и украшены по-польски серебром, но их было немного, остальные были разного пошиба. Затем поскакал Тимошек рядом с господарем в город, где для его приема играли военные и другие музыканты, особенно турки и цыгане. Господарь повел его в свои покои, которые были богато и внушительно украшены. Внутри он представил ему своего сына Штефана, и долго и значительно разговаривал о том, что он очень рад его прибытию. Но Тимошек оставался как всегда при своем обычном поведении и молчал. Поэтому Выховский должен был за него отвечать и разговаривать. В покоях невесты юные девушки начали танцевать, а цыгане играть на своих инструментах. Господарь удалился в свои покои и сообщил жениху, что он хотел бы после неудобств и неурядиц путешествия отдохнуть и смыть пыль после дальнего пути. Он выделил из своих камер юнкеров несколько человек. Чтобы они ему прислуживали и его обслуживали. К его сопровождению были приставлены господа Выховский и Фетера и другие его камердинеры, а также другие валашские бояре, на которых Тимошек смотрел как волк из зарослей. Потом он повернулся к ним спиной, вытащил свой нож и начал обрезать себе ногти в присутствии таких высокопоставленных людей как валашские бояре, полковников и других офицеров. В городе были помечены для использования квартиры и прислуга, хватало всего необходимого. Казачье войско располагалось в Винограде и причиняло жителям Ясс большой вред. Евреи попрятались, потому что если были схвачены, то должны были откупаться и платить выкуп. С ними столкнулся рой казаков, которым были выделены все необходимые запасы и квартиры. Как только был накрыт стол, господарь повелел пригласить своего зятя к обеду. Но он долго не одевался, так что господарь должен был долго его ждать. Наконец он появился в польском платье к столу. Господарь посадил его возле себя. Тут начали они есть, пить за

здоровье, пушки палить. Но Тимошек оставался немым, что очень удручало господаря, и над чем он потешался. Валашские и турецкие музыканты играли и представляли разные радостные пьесы до глубокой ночи. На следующий день в субботу Тимошек готовился к венчанию, поэтому не пришел к столу, чтобы поесть вместе с господарем. Все боярыни и валашские девы, богато и красиво украшенные, танцевали в замке, а Тимошек сидел у окна, потягивал на виду у всех табак и смотрел на валашские пляски. В воскресенье рано утром опять боярыни и валашские женщины. Затем должен был господарь со своей супругой Думной передать с непереносимой болью свою любимую дочь Розанду неуклюжему, неотесанному типу. Он поскакал к церкви на своем турецком коне, украшенный оперением, в богатых нарядах, которые ему подарил господарь. Его сопровождали по обе стороны 2 бояр, как будто он благородный, великодушный человек и желали ему счастья. Как только они прибыли в церковь, стали молодые на колени на ковер и поклялись друг другу в верности. После этого радостный новобрачный направился из церкви в замок, целуя свою жену так, что это могли видеть толпы людей. Палили пушки, музыканты играли. Дочка господаря забыла проливать слезы над тем, что она ожидала с нетерпением. Поэтому она повелела, чтобы ей пели казачьи песни. Потом они сели за стол. Была послана карета за швеями и портнихами, которых, однако, не смогли найти в их квартирах, а в трактире, в который они пошли выпить самогонки. Их забрали и отвезли в замок. Они выглядели как привидения. Это были родственницы Хмельницкого, уродливые и страшные в еврейских нарядах, хотя и подбитых черными соболями, с большими воротниками. Казалось, что они не хотят приноровиться к валашским манерам, о чем можно было бы еще много писать, если бы стыд не запретил это. Их всех господашня угостила в других покоях. Господарь в свою очередь приглашал своего зятя Тимошека, чтобы он ел и пил, и радовался. Тут он начал говорить, улегшись на господина Конарского, и сказал ему тайком: «Большое спасибо Ваше Величество. Всего хватает. Чего еще больше нужно? Господь Бог дал мне услышать доброе слово. Пусть играет турецкая музыка, пусть пьют за здоровье Хмельницкого и за радость соединения домов, пусть ударят пушки». Он послал за своими музыкантами: 1 органист, 3 скрипача, 1 альтист, 1 трубач, которые играли польскую музыку. Тут он по-настоящему развеселился и позвал казаков, танцевать, которые потом кидались как коровы в болоте и пили до глубокой ночи. Швеи и портнихи между тем были с почетом уведены, так как им что-то боярыни пододвинули. Однако одна из казачек по имени Хаска Карпича, которая была довольно бесстыдная, выкрикнула им вслед: «Мы что приехали сюда на разбой, или вы важнее, чем мы? Но вы отдали княжну казаку» Когда она захотела покинуть двор, то упала и падала снова и снова, потому что была толстая и пьяная, так что ее с трудом довели до кареты. Другие держались на своих ногах, так что были отправлены в каретах в свои квартиры. После того, как новобрачный поднялся из-за стола, он направился в свои покои и потом в спальню. Затем в течение 3х дней он не выходил из своих покоев, только в среду поскакал на прогулку в поле. В четверг господарь со своей супругой Думной, молодая жена Розанда и Тимошек, а также бояре и боярыни обедали

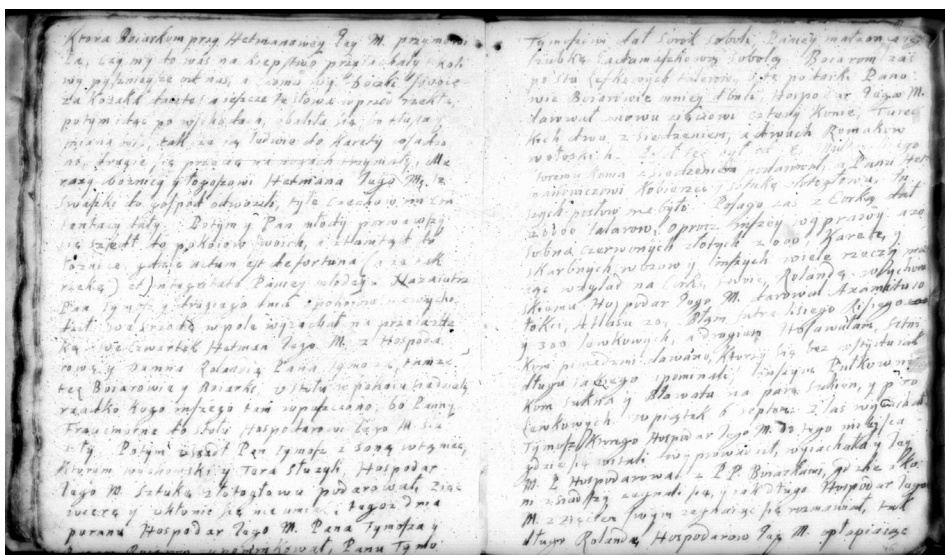
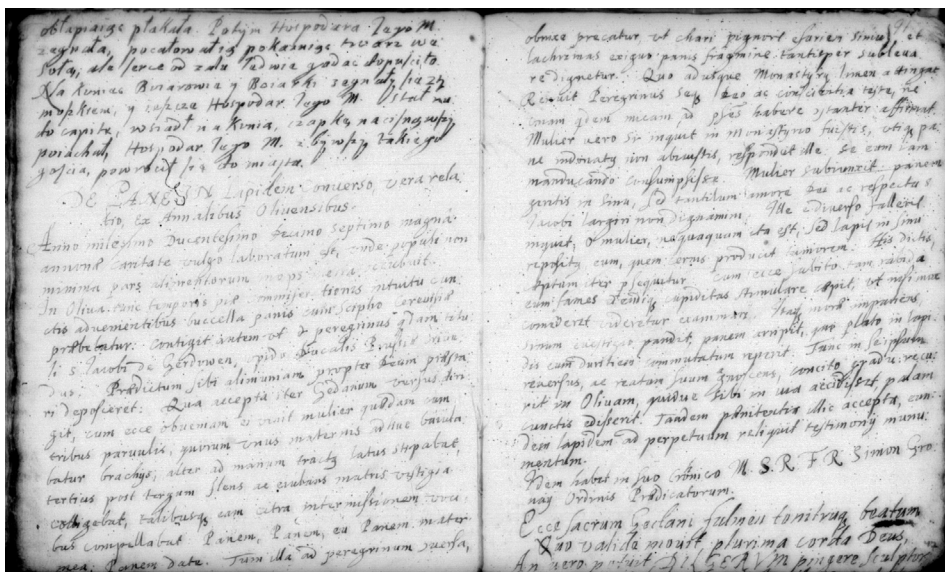
вместе в покоях. Туда не был допущен никто чужой, потому что свита, а также господарь со своей супругой обслуживали гостей. После этого Тимошек пошел танцевать со своей любимой, чего ожидал Выховский и другие. За труды подарил господарь Тимошеку 1 золотой, но он не захотел поклониться. Затем Тимошек одарил самых высоких бояр, а именно: господарю он подарил много соболей, своей любимой жене платье, подбитое дамасскими соболями, каждому бояру по 100 талеров, но они это не оценили. В ответ дал тесть своему зятю 4 коней – 2 турецких с седлами и упряжью, вычищенных до блеска и 2 валашских тяжеловоза, господарскому посланнику, который участвовал в свадьбе, полностью запряженного коня. Всех спутников и офицеров Тимошека одарил господарь богатыми подарками в честь дочери, что казаки сами потребовали как должное.

В пятницу, 6 сентября выехал Тимошек из Ясс. Господарь поцеловал его на месте, пригласил в гости, но потом поехал проводить, вместе с ним также поехала господарыня с боярынями. Когда они сошли с коней, то благословили один другого. Пока господарь говорил с зятем, молодая жена стояла в обнимку со своей матерью и горько плакала. После того как она благословила своего отца, господаря, молодожены поцеловали друг друга и показали свои радостные лица. Но опечаленное сердце не позволило молодой жене не сказать ни слова. Наконец попрощались бояре и боярыни с Тимошеком, в то время, как господарь стоял с непокрытой головой. После того, как господарь избавился от такого обременительного гостя, он направился назад в Яссы”. (Traducerea din limba germană în limba rusă a fost realizată de doamna Natalia Domcovici. Autorul aduce sincere mulțumiri).

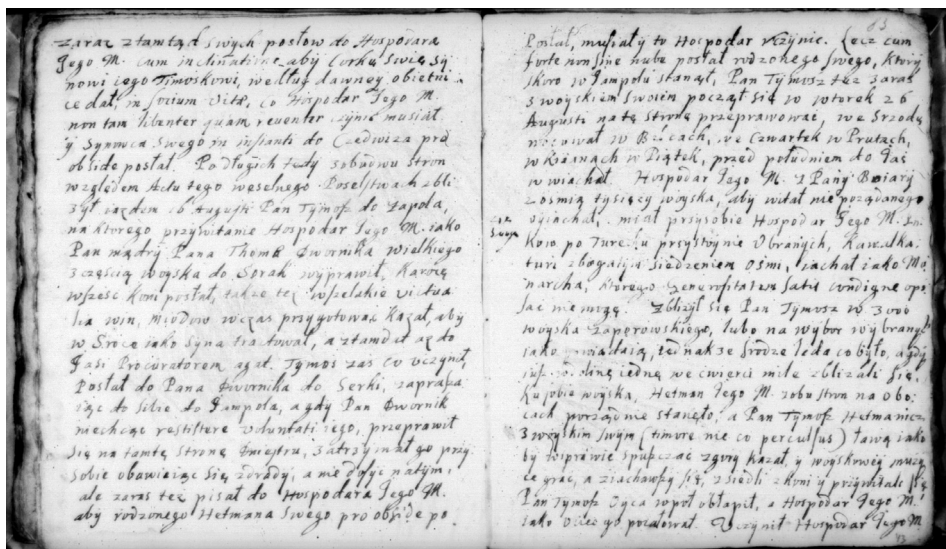
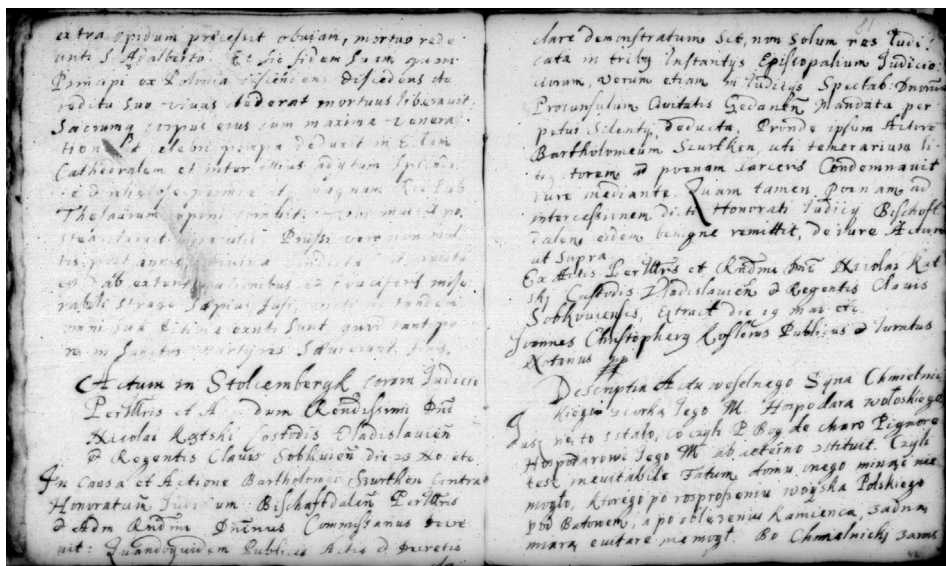
Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидьяконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. Выпуск четвертый (Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра), Москва, 1898, с. 193-194.

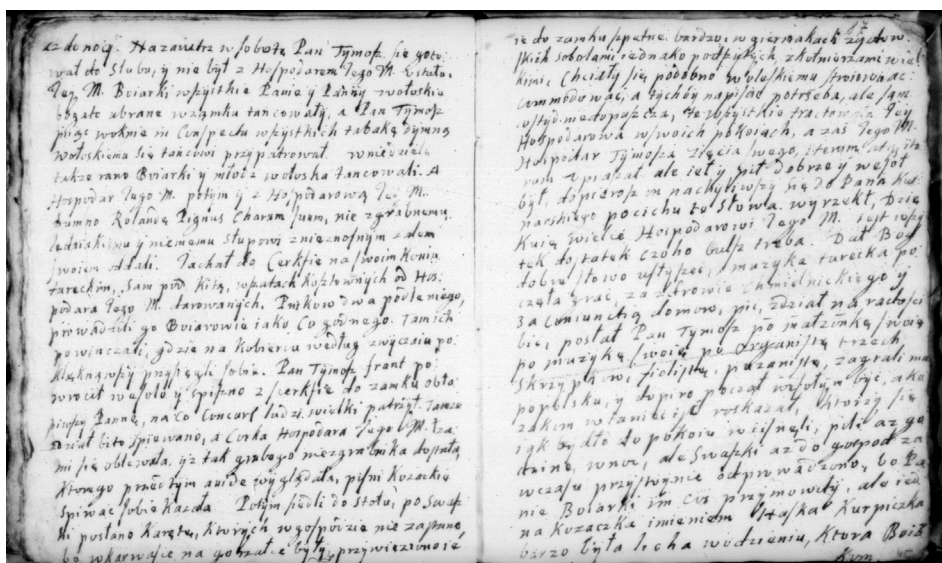
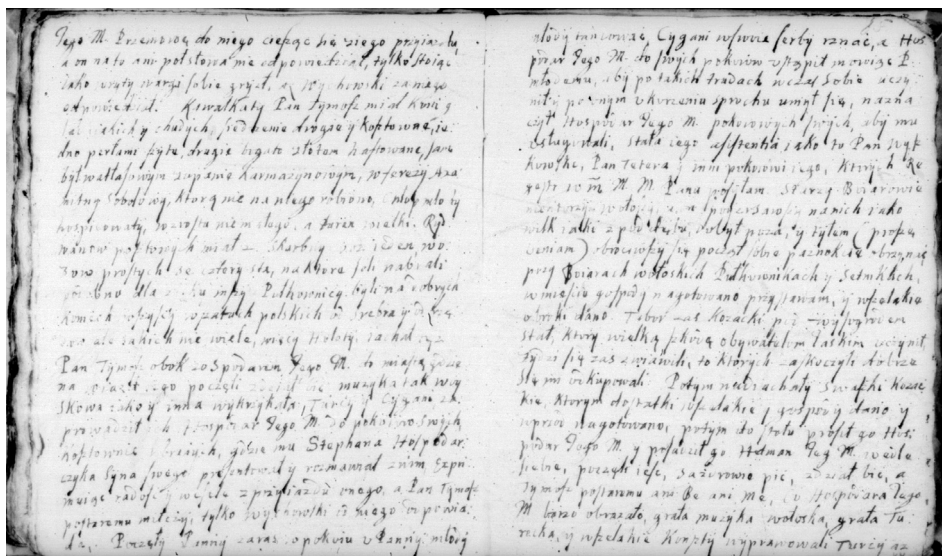
“В субботу 2 августа Хмель приехал посетить нашего владыку патриарха, после чего мы выехали из города. Сделав около мили, мы прибыли к огромному мосту, который тянется над озерами, болотами, островами и большими реками; на переезде по нему мы употребили более полутора часа. Мост направляется под цитаделью Чигирина и ведет по местам, которые заставляют путников содрогаться от ужаса. Прехав его, мы прибыли в селение, по имени Субботов, где, обыкновенно, жил покойный Тимофей, сын гетмана. Жители вышли нам навстречу крестным ходом и повели нас в большую новую церковь во имя св. Михаила. В ней собраны сокровища армянских церквей, которые были разграблены и разрушены покойным Тимофеем в Сучаве, молдавском городе, о котором мы много раз упоминали раньше; в этой церкви гробница Тимофея. Жена его, дочь Василия, господаря Молдавии, несколько раз посетила нашего владыку патриарха; она была одета совершенно как черкесская невольница, в суконном колпаке, опушенном мехом, и ее сопровождали черкесские и молдавские девушки, одетые, как она, подобно, невольницам. В воскресенье утром, после утрени, мы совершили в ее присутствии поминовение по ее супругу, над гробницею, которого, по их обычаю, висит большая хоругвь,

на коей написан весьма схожий портрет героя верхом на коне, с мечом в правой руке и с булавою в левой, и с изображением на переднем плане Молдавии, как страны, которую он пошел завоевать. Эта картина исторгала слезы зрителя. Его бедная жена, которая владеет четырьмя языками: валашским, греческим, турецким и русским, на которую отец ее истратил целая сокровища, чтобы выволить ее из Константинополя,

теперь, вдали от своего отца, матери, братьев, народа и родины, живет среди чужих, во дворце своего супруга, кругом которого он выстроил укрепление с окопами, а теперь гетман, его отец, чтобы увеличить пышность дворца, строит насупротив него, на возвышенности, каменную церковь во имя св. Илии Пророка ”.

SUMMARY

BETWEEN POLITICS AND FATE RUXANDRA, VASLIE LUPU'S DAUGHTER, REGARDED THROUGH THE SECULAR ANGLE.

Ruxandra, had two main periods in her lifetime: first was until her marriage and the second, after it. In order to compare those two, basing oneself on the accessible documents, one may offer an analysis of the life of a lady in the context of the political events of that time.

ZWIĄZKI RUMUNII ZE ŚWIĘTĄ GÓRĄ ATHOS – HISTORIA I WSPÓŁCZESNOŚĆ

Dr Ewa KOCÓJ

Kultura religijna księstw wołoskiego i mołdawskiego rozwijała się przez wieki pod ogromnym wpływem duchowości kręgu bizantyjsko-balkańskiego. Jednym z obszarów, który oddziaływał swoim mistycyzmem na duchowość rumuńską, była przede wszystkim Góra Athos. Mimo, iż pierwsze związki potomków dzisiejszych Rumunów z tym obszarem nie są dokładnie znane, w tradycji atoskiej uznaje się, iż sięgają co najmniej VIII w., kiedy to na Świętej Górze nie było jeszcze monasterów, a żyjący tu w skalnych jaskiniach, pieczarach i kolebach mnisi-anachoreci, chrystianizowali pasterzy wołoskich, wypasających bydło na stokach Góry. Wołosi przychodzili tu z żonami i córkami, które w przebraniu pomagały im w pasterstwie, a także kontaktowały się z mnichami, dostarczając im serów i mleka. Źródła atoskie wspominają także, iż zachowanie Wołoszek, w tym wodzenie mnichów na pokuszenie, było powodem zgorszenia niektórych mieszkańców Półwyspu. Z tego powodu, już w IX w. cesarz Bazyli I Macedończyk (867-886), a następnie Leon Mądry (866-912) zabronili pasterzom wołoskim odwiedzania Athosu i nawiązywania kontaktów handlowych z żyjącymi tu mnichami. Trzeba przyznać, iż znaczna część z pustelników żałować miała potem owych kontaktów przez wiele kolejnych lat. Ów żal miał wpłynąć także na zachowanie mnichów, którzy postanowienia cesarzy bizantyjskich nie zawsze w tym względzie rygorystycznie przestrzegali.¹

1. FUNDACJE I DARY RUMUŃSKIE NA GÓRZE ATHOS

Księstwa Wołoszczyzny i Mołdawii rozpoczęły swoje oficjalne kontakty z Athosem w II połowie XIV w., tuż po założeniu gospodarstw. Już pierwsi władcy wołoscy i mołdawscy uznali Athos za *świętą przestrzeń ortodoksji*, którą należy strzec i wspierać, zwłaszcza w obliczu tureckiego zagrożenia dla prawosławnych narodów. Wsparcie moralne i finansowe dla Athosu zostało szybko uznane za religijny obowiązek obu gospodarstw. Liczne dokumenty greckie, słowiańskie i rumuńskie dowodzą, iż do XIX nie istniał prawdopodobnie monaster na Górze Athos, który nie byłby obdarowany przez władców mołdawskich i wołoskich oraz wiernych z tych regionów. Rumunii odnawiali i restaurowali tu monastyny, budowali cerkwie, kaplice, trapezy,

¹ Informacje na ten temat zachowały się w źródłach w bibliotece monastynu św. Pantelejmona. Na ten temat zob. m.in. M. Beza, *Vlahii la Muntele Athos*, w: *Boabe de Grâu*, Anul IV, 1933.

budynki gospodarcze, obronne mury, studnie, szpitale, arsenały czy dzwonnice. W ciągu wieków świątynie Athosu przyjmowały także od wojewodów fundusze, przedmioty kultu religijnego oraz monastyny wraz z ich dobrami ziemskimi położonymi na terenie obu gospodarstw. Potwierdzają to dyptychy wielu monastyrów athoskich, które zawierają imiona Wołochów i Mołdawian, widniejących w szeregach wielkich fundatorów.²

Pierwszymi władcami wołoskimi, którzy wspierali Athos był Mikołaj Aleksander Basarab (1352-1364) i jego syn Władysław (1364-1374), którzy w 1350 r. przekazali fundusze na odnowienie monastynu Kutlomusiu. Ów zbudowany w I połowie XII w. monastyr, w XIV w. z powodu wielokrotnych grabieży pirackich oraz najazdu Katalończyków, popadł w ruinę. Dzięki darom z Serbii, Bułgarii i Wołoszczyzny, zbudowano solidne mury, wzniesiono wieżę obronną i odnowiono niektóre stare budynki. Po inwazji tureckiej na Konstantynopol i Bałkany monastyr ten wspierali hojnie przede wszystkim gospodarowie z Wołoszczyzny. Pozwoliły one na przetrwanie monastyrowi aż do 1840 r., kiedy to ogromny pożar zniszczył go nieomal doszczętnie.³

Kolejnymi darczyńcami Athosu z terenów Wołoszczyzny byli: Mircea Stary (1386-1418), Aleksander Aldea (1431-1436), Vlad Mnich (1425-1495) czy Władysław II (1162-1163). Szczególnie cenne wsparcie ofiarował Atosowi Neagoe Basarab (1512-1521), który przekazał fundusze na odnowienie monastynu Wielkiej Ławry, hojnie wsparł gruziński monastyr Iwiron, podniósł z upadku główną cerkiew monastynu Dionisiu, zniszczoną przez pożar oraz wybudował w jego posiadłościach nową cerkiew p.w. św. Nifona.⁴ Mnisi monastynu św. Pawła wymieniali go w swoich modlitwach, jako szczególnie zasłużonego darczyńcę dla tego miejsca.⁵ W piśmiennictwie rumuńskim wspomina się także, iż władca ten zaprosił w 1517 r., z okazji poświęcenia monastynu w Curtea de Argeș, patriarchę Konstantynopola, czterech metropolitów greckich i igumenów wszystkich dwudziestu monastyrów z Athosu, obsypując przy tym przybyłych darami.⁶ W następstwie tego wydarzenia, większość monastyrów Świętej Góry miała mieć potem kontakty z różnymi władcami tego księstwa.⁷

W XVI i XVII w. pomoc dla Świętej Góry była nadal kontynuowana – tutejsze monastyny i skity otrzymały pomoc od innych wojewodów wołoskich. W 1542 r. Radu Paisie (1535-1545) odnowił monastyr Stawronikita i hojnie wsparł monastyr św. Pawła. Podobnie, znana rodzina bojarów Craiovești wzięła pod swoją opiekę

² *Biserica ortodoxă română și problema Muntelui Athos*, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 137-160; T. Bodogae, *Situația daniilor în bani făcute de voievozii români la Athos*, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 252-255; T. Bodogae, *Tabloul clădirilor, reparațiilor și picturilor făcute de voievozii români la Athos*, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 256-259.

³ K. Kokkas, *Góra Athos. Brama do nieba*, Częstochowa 2005, s. 206-207.

⁴ Tu, w specjalnym relikwiarzu w formie kościoła z pięcioma kopułami przechowywane są relikwie św. Nifona, zob. K. Kokkas, *Legăturile românești cu mănăstirile Hilandar și Sfântul Pavel de la Muntele Athos*, w: *Cercetări Literare*, 1940, IV, s. 60-109, s. 239.

⁵ E. Turdeanu, op.cit., s. 75.

⁶ E. Turdeanu, op.cit., s. 76.

⁷ T. Bodogae, *Ajutoarele românești la mănăstirile din Sfântul Munte Athos*, Sibiu 1941, s. 71.

monastery św. Pawła i Ksenofontos, przekazując corocznie znaczącą sumę pieniędzy na jego utrzymanie.⁸ W 1643 r. Maciej Basarab (1632-1654) odnowił cerkiew monasteru Wielka Ławra, a w 1637 r. cerkiew i trapezę monasteru Ksenofontos.⁹

Podobne wsparcie Athos otrzymywał od gospodarów Mołdawii. Rozpoczęło się ono wraz z panowaniem Stefana Wielkiego (1456-1504), który w 1472 r. wybudował arsenał w monasterze Watopedi, odnowił monaster Zografu i św. Pawła oraz podniósł z ruin gruziński monaster Gregoriu, który spłonął po napaści piratów. Jego syn – wojewoda mołdawski Bogdan III (1504-1517), w 1508 r. odnowił w całości największą cerkiew Góry Athos w mieście Kareia - Protaton oraz częściowo odnowił monaster św. Pawła. Kolejny gospodar – Piotr Rareș (1527-1538 i 1541-1546) podniósł z ruin monaster Dionisiu, który spłonął w 1534 r. i Karakallu, którego zbudowania uległy siłom pożaru w 1530 r.¹⁰ W 1560 r. gospodar Aleksander Lăpușneanu (1591-1595) podarował fundusze na odnowę monasteru i ikonostasu Kseropotamu, założył trapezę i szpital, a w latach 1564-1568 odnowił monaster Dochiariu, który runął po napaści Turków.

Warto wspomnieć, iż poza odnawianiem monasterów i ich zabudowań, władcy ci przekazywali ogromne roczne daniny finansowe na utrzymanie poszczególnych monasterów oraz pokrywali ich zobowiązania-obciążenia nałożone przez Turków.¹¹

Inną formą pomocy dla Świętej Góry było oddawanie jej poszczególnych monasterów i skitów położonych na terenie Wołoszczyzny i Mołdawii jako tzw. metochii. Wydaje się, iż zwyczaj ten na terenach obu księstw powstał już w XVI w. Zazwyczaj uznaje się, że u jego podstaw leżały dwie przyczyny: autorytet moralny Athosu oraz opinia o mnichach atoskich jako bardzo dobrych administratorach na terenach rumuńskich. Zgodnie z prawem kanonicznym, monasteru obu księstw wyciągane były spod władzy lokalnej tych regionów i przechodziły na własność jakiegoś monasteru ze Świętej Góry. Przekazywano je wraz ze wszystkimi dobrami ruchomymi i nieruchomymi – wioskami, lasami, łąkami, pastwiskami, stawami, młynami, winnicami, skupiskami soli, gospodami czy żywym inwentarzem. Dodatkowo, oddawały one całe swoje przychody temu monasterowi Athosu, którego metochię stanowiły. Igumenem takiego miejsca stawał się zazwyczaj mnich przysyłany z Athosu, który zarządzał nim, zabierał jego przychody i wysyłał na Świętą Górę. Władza świecka z terenów obu księstw nie mogła także odtąd interweniować w sprawy wewnętrzne tych monasterów. Uznaje się iż takich monasterów i skitów podporządkowanych Atosowi, było na terenie Rumunii ok. 40. Ich łączna powierzchnia stanowiła około 8% powierzchni obu księstw. Wiele z nich położonych było w wielkich miastach – Bukareszcie, Jassach, Krajowej czy Galații. Jednym z najstarszych takich miejsc był monaster Plumbuița w obecnej dzielnicy Colentina w Bukareszcie, ufundowany w 1569 r. przez Piotra wojewodę (1568-1577). W 1585 r. Mihnea Poturczeniec (1577-1583 i 1585-1591) przekazał go monasterowi Kseropotamu

⁸ E. Turdeanu, op.cit., s. 72-75.

⁹ G. Vasilescu, *Muntele Athos și România*, [w:] *România și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 420.

¹⁰ T. Bodogae, op.cit., s. 83.

¹¹ T. Bodogae, op.cit., s. 110.

ze Świętej Góry, przekształcając go w monaster grecki.¹² Kolejnymi były najprawdopodobniej: olteński skit Zdraalea - Roaba – fundacja bojarów Craiovești, który podlegał monastrowi Ksenofontos oraz skit Mira (Miera) w Putna (1592).¹³

W 1599 r. Athosowi oddano znany monaster Mihai Voda w Bukareszcie. Wzniesiony w 1433 p.w. św. Mikołaja, w połowie XVI w. popadł w ruinę. W latach 1558-1559 żupanka Caplea ze Stănești, krewna bojara Mogoși, odnowiła świątynię i ofiarowała ją monastrowi Simonopetra ze Świętej Góry. Około 1591 monaster został ponownie odnowiony, otrzymując nazwę Biała Cerkiew Postăvari (Biserica Albă-Postăvari).¹⁴ Dokumenty z 1591 r. mówią, iż biskup Eugeniusz z monasteru Simonopetra z Góry Athos poprosił wówczas wołoskiego wojewodę Michała Walecznego (1558-1601) o wybudowanie nowego monasteru. Po spełnieniu prośby mnicha, gospodar ponownie przekazał cerkiew monastrowi z Góry Athos, co potwierdził w dokumencie z 28 sierpnia 1599.¹⁵ Fundacja Michała Walecznego miała statut staupigii i pozostawała w kanonicznej jurysdykcji (rum. jurisdicția canonică) z patriarchatem w Konstantynopolu.

Zwyczaj ten kontynuowano w 17 w. - Athosowi oddano kolejne monastery, m. in. Golia w Jassach (1606) czy Radu Voda w Bukareszcie (1613). W 1646 r. Athosowi podporządkowano monaster Trzech Świętych Hierarchów w Jassach (Sf. Trei Ierarhi), ufundowany przez wielkiego wojewodę mołdawskiego Vasile Lupu w latach 1637-1639, jeden z najsławniejszych monasterów w dziejach Mołdawii, w którym odbył się synod prawosławny z udziałem Piotra Mohyły oraz wielki ośrodek kultu relikwii św. Paraskiewy. W 1698 roku wojewoda Antioh Constantin Cantemir (1695-1700) wraz z metropolitami i arcybiskupami i bojarami Mołdawii zdecydowali o przekazaniu monasteru Căpriana (obecnie na terenie Republiki Mołdowy) wraz ze wszystkimi dobrami monastrowi Zografu ze Świętej Góry.¹⁶ Wybór tego athoskiego monasteru nie był przypadkowy - wynikał z jego historii, która od XV w. była bardzo silnie związana z Mołdawią. Zmieniło to całkowicie dotychczasową sytuację świątyni - mnisi athoscy, w większości Bułgarzy, bardzo dbali o rozwój religijny, kulturalny i ekonomiczny tego miejsca. Wśród starców przybyłych z Athosu wymieniani są w tym czasie m.in. Nikifor, Cyryl, Dionizy, Ignacy, Eftimiusz, Konstanty, Serafim, Antim. Na wzór form i praktyk monastycznych z Athosu, w II połowie XVII w. w skałach znajdujących się nieopodal monasteru założono skit. W 1777 r. wybudowano w nich także monaster św. Trójcy. Stosunki między mnichami a wojewodami i bojarami

¹² *Biserică Ortodoxă Română și problema Muntelui Athos*, b.a., [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 154-158; T. Bodogae, op.cit., s. 111.

¹³ T. Bodogae, op.cit., s. 112.

¹⁴ C. Tița-Mircea, *Biserica Mănăstirii Mihai Vodă; monumentele Bucureștiului istoric*, București 2006 p. 5.

¹⁵ C. Tița-Mircea, *Biserica Mănăstirii Mihai Vodă; monumentele Bucureștiului istoric*, București 2006, s. 7.

¹⁶ A. Eșanu, V. Eșanu, *Mănăstirea Căpriana. Privire istorică*, [w:], A. Eșanu, V. Eșanu, N. Fuștei, V. Pelin, I. Negrei, *Mănăstirea Căpriana (secolele XV-XX). Studiu istoric, documente, cărți, inscripții și alte materiale*, Chișinău 2003; E. Kocój, *Monaster w Căpriana (Republika Mołdawii)*, [w:] *Bliżej siebie. Polacy i Rumuni a historyczne i kulturowe dziedzictwo Europy*, Suceava 2007, s. 381-389.

mołdawskimi układały się dobrze, a monastyr otrzymywał kolejne donacje, m.in. od Mikołaja Mavrocordata (1709-1710), Michała Racoviță (1703-1705; 1707-1709; 1715-1726) i kolejnych władców z rodu Ghica.¹⁷ W XVIII w. Atosowi oddano m.in. monastiry Św. Spiridon w Bukareszcie (1776), Berzunți w Bacău (1773), Dancu w Jassach (1702).¹⁸

Oddawanie monastyrów Athosowi wzbogaciło także kulturę religijną obu księstw, gdyż mnisi atoscy przybywali do obu gospodarstw, przywożąc ze sobą przedmioty kultu religijnego – relikwie, ikony, manuskrypty, które z kolei odkupywane były przez tutejszych wojewodów i bojarów. I tak np. dwaj mnisi ze *Sfitagora* – Savantie i Gabriel – przynieśli ze sobą do Mołdawii żywot św. Grzegorza Dekapolity i ofiarowali go banowi Barbu Craiovescu.¹⁹ W niedługim czasie ban ten wykupił także relikwie tego świętego z rąk Serbów i sprowadził na Wołoszczyznę, a następnie umieścił je w monastyrze Bistrița, które stało się wielkim ośrodkiem kultu tego świętego.²⁰ Dary mnichów stworzyły z czasem cenny zbiór zabytków kultury religijnej z Athosu w tym kraju. Wokół „darów z Athosu” w poszczególnych świątyniach rozwijał się także kult *świętości*, który nierzadko istnieje do dziś. Z kolei, pozyskiwane w ten sposób fundusze mnisi athoscy przekazywali monastyrom ze Świętej Góry, umożliwiając kontynuowanie życia tutejszej społeczności.

Jeszcze inną formą wspierania Athosu były wyposażanie go w obiekty kultu, ikony, naczynia, szaty liturgiczne oraz księgi do posługi duchowej. Gospodarowie darowali atoskim monastyrom przedmioty i obiekty kultu o wielkiej wartości historycznej i artystycznej. Były to ikony w srebrnych i złotych okuciach, tkaniny i szaty liturgiczne ozdobione złotem i drogimi kamieniami, księgi liturgiczne, w tym także rzadkie manuskrypty kopiowane i drukowane przez mnichów z obu gospodarstw. Jednym z pierwszych znanych darów mołdawskich dla Athosu była znajdująca się w cerkwi monastynu Zografu chorągiew z 15 w., przekazana tutejszym mnichom przez Stefana Wielkiego. Z jednej strony przedstawia ona postać św. Jerzego na koniu; z drugiej strony – scenę *Chrztu Pańskiego*. Obok postaci wyhaftowano modlitwy w języku *slavona*.²¹ W bibliotece tego monastynu znajduje się także druga mołdawska chorągiew z II połowy XV w., na której św. Jerzy siedzi na tronie, a pod jego stopami widnieje pokonany smok oraz postaci dwóch aniołów, którzy wkładają świętemu koronę na głowę.²² Biblioteka monastynu posiada także *Apostoł* – manuskrypt z 1467 r., ofiarowany przez tego samego hospodara.²³ Podobne dary przekazywali w następnych wiekach inni władcy - Cneajna (Chiajna), córka wojewody Piotra Raresza darowała w 1545 r. wraz ze swoim mężem Mircea Ciobanul () monastyrowi Dionisiu

¹⁷ A. Eșanu, V. Eșanu, N. Fuștei, V. Pelin, I. Negrei, *Mănăstirea Căpriană (secolele XV-XX). Studiu istoric, documente, cărți, inscripții și alte materiale*, Chișinău 2003, s. 167-168.

¹⁸ Pr. M. Popescu-Spineni, *Tabloul proprietăților românești închinat Muntelui Athos*, [w:] *Procesul mănăstirilor închinat*, Institutul de Arte Grafice, București 1936.

¹⁹ E. Turdeanu, op.cit., s. 70.

²⁰ M. Păcurariu, *Sfinți daco-romani și români*, Iași 2000, s. 195-199.

²¹ T.T. Burada, *O călătorie la Muntele Athos*, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 281.

²² T.T. Burada, op.cit., s. 284-285.

²³ E. Turdeanu, *Legăturile românești cu mănăstirile Hilandar și Sfântul Pavel de la Muntele Athos*, w: *Cercetări Literare*, 1940, IV, s. 67.

Ewangeliarz oprawiony w srebro.²⁴ W 1572 r. księgę zwaną *Sobranie* (rum. *Culegere*), napisaną z polecenia kira Mitrafona z monasteru Cozia, otrzymał monaster Chilandar. Znaczna ilość ksiąg napłynęła także do monasteru Chilandar w wiekach XVI -XVII w., kiedy na Wołoszczyźnie księstwach działali znani kopiści (m.in. Mardarie z monasteru Bistrița).²⁵

Hospodarowie rumuńscy darowali także świątyniom Athosu cenne ikony, które nierzadko istnieją do dziś. W cerkwi monasteru Zografu znajduje się ikona św. Jerzego, według tradycji miejscowej, darowana mnichom przez Stefana Wielkiego po bitwie pod Benderami, w której dzięki cudownemu wstawiennictwu świętego, gospodar odniósł zwycięstwo nad Turkami.²⁶ W 1643 r. monaster Chilandar otrzymał od Mateusza wojewody i jego żony Eleny ikonę Matki Bożej z Dzieciątkiem w typie Eleusa ubraną w srebro i ozdobioną drogimi perłami i kamieniami. Prawdopodobnie była to kopia znanej ikony ruskiej w tym typie, pochodzącej z okolic Nowogrodu.²⁷

Najsłynniejszym darem Rumunów dla Świętej Góry, którego wartość mierzy się nie artystem, ale wiarą, jest jednak cudami słynąca ikona Matki Bożej „*Prodromița*”, znajdująca się obecnie w skicie Prodromu. Ikona ta cieszy się ogromnym kultem ze strony mnichów atoskich i przybywających do Prodromu pielgrzymów. Jej powstanie powieli znany w tradycji chrześcijańskiej motyw obrazów *nie ręką ludzką uczynionych*. Początki tej ikony przypadają na rok 1863, kiedy to ówczesny starzec Prodromu – hieroschimnich Nifon przybył z Góry Athos do Rumunii w potrzebach dla skitu. Zamówił wówczas w Jassach, u malarza Mikołaja Iordache, ikonę Matki Bożej z Dzieciątkiem, która miała być namalowana według starych reguł tradycji prawosławnej. Według przekazu, malarz dołożył wszelkich starań, aby ikona była wspaniała - pracy towarzyszył ścisły post i modlitwa. Ikona po raz pierwszy objawiła swą moc już podczas malowania oblicza Matki Bożej – malarz, po wykonaniu postaci i szat nie mógł ukończyć oblicza Marii, a pędzel nie pozwalał się dalej prowadzić. Wówczas zakrył ikonę, przez całą noc modlił się i pościł, odprawiał *metanie* i bił pokłony do ziemi. Kiedy rankiem odkrył ikonę, ujrzał ukończone oblicze Matki Bożej. Owe cudowne okoliczności powstania ikony uznał za pracę samych aniołów. Wieść o *nie ręką uczynionym* obrazie rozeszła się szybko po całym mieście; wielu ludzi przybywało, aby ją ujrzeć i modlić się do *cudownej Pani*. Przed wysłaniem na Athos ikona została oprawiona w srebro i uroczyście przekazana skitowi Prodromu.²⁸ Przez lata ikona ta pomagała i nadal pomaga wielu atoskim mnichom i przybywającym tu, nie tylko z Rumunii, wiernym prawosławnym.

Nic więc dziwnego, iż przy takiej hojności gospodarów mołdawskich i wołoskich, wielu z nich uwiecznionych zostało we freskach niektórych monasterów atoskich. I tak np. w cerkwi p.w. *Zaśnięcia Matki Bożej* monasteru Iwiron namalowany jest portret wołoskiego hospodara Radu. W cerkwi monasteru Dionisiu widnieje z kolei portret Piotra wojewody wraz z dwiema córkami. Tu także znajduje się złocony

²⁴ E. Turdeanu, op.cit., s. 80.

²⁵ E. Turdeanu, op.cit., s. 80.

²⁶ T.T. Burada, op.cit., s. 284-285.

²⁷ E. Turdeanu, op.cit., s. 92-94.

²⁸ Gh. Vasilescu, *Icoana Maicii Domnului – Prodromița*, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. G. Vasilescu, București 2002, s. 403-405.

relikwiarz z ciałem św. Nifona, patriarchy Konstantynopola i metropolity Wołoszczyzny w XVI w. Wewnątrz, na wieku, namalowany jest fundator relikwiarza – Neagoe Basarab, który podarował go temu atoskiemu mnastyrowi. W rosyjskim monastyrze Pantelejmona, wspieranym finansowo w końcu XV w. przez Włada Drakulę, na wielkich drewnianych drzwiach prowadzących do cerkwi, widnieją misteryjnie wyrzeźbione herby Mołdawii i Wołoszczyzny. Nad drzwiami cerkwi znajduje się także inskrypcja w języku greckim, mówiąca o podniesieniu cerkwi z ruin w latach 1812-1821 przez władcę Moldo-włachii Scarlata Kalimacha.²⁹ W cerkwi św. Mikołaja monastynu Dochiariu namalowany jest z kolei Aleksander Lăpușneanu i jego żona Ruxandra; w tym władca w stroju mnicha. W trapezie monasteru Filotheu zachował się z kolei portret Macieja Basaraba i jego żony.³⁰

2. MNISI ATOSCY NA WOŁOSZCZYŹNIE I W MOŁDAWII

Mówiąc o kontaktach Athosu z Wołoszczyzną i Mołdawią, nie można nie wspomnieć o roli poszczególnych mnichów ze Świętej Góry, która pozostawiła ogromny ślad na rozwoju kultury religijnej obu księstw. Zarówno początki monastycyzmu rumuńskiego, jak i znakomite okresy jego rozwoju, wiązane są zazwyczaj właśnie z wpływem Athosu.

Tradycja Kościoła rumuńskiego wiąże powstanie pierwszych osad monastycznych na ziemiach Wołoszczyzny z wpływem mnichów athoskich. Szczególnie ważną postacią jest tu dla Rumunów św. **Nikodem**, najprawdopodobniej Grek pochodzący z Prilepu w Macedonii, z rodziny spokrewnionej z rodziną despoty Lazăra i władcy Wołoszczyzny – Mikołaja Aleksandra Basaraba. Przez wiele lat żył on w serbskim monastyrze Chilandar, gdzie uznawany był za wielkiego teologa i duchowy autorytet miejsca. Pod jego rządami we wspólnocie przebywało ponad stu mnichów różnej narodowości – Greków, Serbów, Macedończyków, Mołdawian, Wołochów i Bułgarów. W 1364 r. Nikodem opuścił Górę Athos i przybył na Wołoszczyznę, zakładając monastyr w Vodița, a następnie w Tismana. Tu uformował także wspólnotę mnichów, żyjącą w duchu hezychazmu i według porządku monastycznego panującego na Górze Athos. Wielu jego uczniów zakładało kolejne monastypy na Wołoszczyźnie i w Mołdawii, wlewając w nie ducha atoskiej duchowości.³¹

W XIV w., równoległe do działalności Nikodema, na terenie Wołoszczyzny działał także inny **atoski mnich** - **Hariton**, uznawany do dziś za pierwszego metropolitę ziemi wołoskiej w latach 1372-1376. Był on starcem atoskiego monastynu Kutlomusiu. Po zniszczeniu monastynu przez piratów odbył ok. 6-8 podróży na Wołoszczyznę z prośbą o wsparcie dla monastynu. Dzięki niemu rozpoczęły się oficjalne kontakty

²⁹ T.T. Burada, op. cit., s. 283.

³⁰ M. Beza, *Urme românești la Munetele Athos*, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 239-245; N. Iorga, *Voievozi și boieri români ctitori la Athos*, [w:] *Analele Academiei Române, Memoriale ale Secțiunii Istorice, Seria II, Tomul XXXVI, 1913-1914*; T.T. Burada, op. cit., s. 283-286.

³¹ Ștefan de la Tismana, *Viața preacuviosului părinte Nicodim sfințitul*, București 1883; E. Lăzărescu, *Nicodim de la Tismana și cultura românească*, w: *Romanoslavica, Istorie, XI, 1965*, s. 237-284.

między Górą Athos a wołoskimi hospodarami. Mnisi wołoscy zaczęli przybywać do tego monasteru atoskiego, osiedlali się w jego dobrach i uzyskiwali tu formację duchową. Utrzymywali także silne kontakty z ziemiami, z których przybyli, wpływając na rozwój kultury religijnej w duchu athoskim.³²

Na terenie Mołdawii w XV w., w czasach Aleksandra Dobrego, przebywał także **Grzegorz Camblak**. Swą duchowość uformował z kolei w atoskim monasterze św. Pawła.³³ Wysłany w 1401 r. przez patriarchę Konstantynopola Mateusza I (1397-1410) w celu załagodzenia sporu dotyczącego niezależności cerkwi mołdawskiej do Suczawy, został w niej kilka lat, pełniąc funkcje kaznodziei katedralnej cerkwi w Suczawie, przenosząc ducha athoskiego hezychazmu.³⁴ Z okazji przeniesienia relikwii św. Jana Nowego z Białogrodu do Suczawy, napisał żywot świętego, przyczyniając się do ogromnego rozwoju kultu tej postaci na terenach historycznej Mołdawii, a także Bałkanów.³⁵

W świetle ostatnich badań historycznych wskazuje się także coraz częściej na postać **św. Nifona, patriarchy Konstantynopola**, który wyrzec miał znaczący wpływ na życie religijne na Wołoszczyźnie i w Mołdawii w XVI w.³⁶ Choć informacje o życiu tego świętego nie są w pełni jednoznaczne, uznaje się iż był najprawdopodobniej Grekiem, który w 1466 r., już jako młody mnich w obliczu zbliżającej się nawały tureckiej, udał się na Górę Athos. Żył tu w monasterach Kutlumas, następnie w pobliżu Wielkiej Ławry i Dionisiu. Mądrość i surowe życie duchowe Nifona spowodowały, że cieszył się ogromnym autorytetem i szacunkiem nie tylko atoskiej społeczności, ale i całej prawosławnej oikumeny. Powołano go na funkcję metropolity Tesaloniki, a następnie patriarchy Konstantynopola. Zaproszony przez hospodara Radu Wielkiego (1496-1508) przybył w 1504 r. na Wołoszczyznę, aby zreorganizować tutejszy kościół. W szybkim czasie zwołał sobór całego Kościoła, który uchwalił program jego naprawy i dalszego rozwoju na bazie kanonów i starej tradycji cerkiewnej znanej z Athosu.³⁷

Bez wątpienia, największy wpływ na rozwój życia duchowego obu księstw miał jednak mnich Paisjusz Wielickowski (1722-1794). To głównie za jego przyczyną w II połowie XVIII w. rozpoczął się renesans tradycji hezychastycznej w Kościele prawosławnym w Mołdawii, na bazie kanonów ascezy, wypracowanych na Świętej Górze Athos. Ów mnich, pochodzący z Połtawy na Ukrainie,³⁸ wykształcony w latach

³² A. Elian, *Biserica Moldovei și Munetele Athos la începutul secolului al XIX-lea*, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 193.

³³ E. Turdeanu, *Legăturile românești cu mănăstirile Hilandar și Sfântul Pavel de la Muntele Athos*, w: *Cercetări Literare*, 1940, IV, s. 60-109.

³⁴ A. Naumow, *Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich*, t.1, Kraków 1996, s. 64-65.

³⁵ Szarzej na ten temat: E. Kocój, *Świątynie, postacie, ikony. Malowane cerkwie i monastypy Bukowiny Południowej w wyobrażeniach rumuńskich*, Kraków 2006, s. 323-245.

³⁶ G.I. Moisescu, *Viața Sfântului ifon, patriarhul Țarigradului. Cu prilejul împlinirii a 450 de ani de la mutarea sa către Domnul*, w: *Biserica Ortodoxă Română*, LXXVI (1958), nr 9, s. 861-872.

³⁷ M. Păcurariu, op. cit., s. 188.

³⁸ I. Cieślík, *Starcy Pustelni Optyńskiej*, Kraków; Nowicki Z., *Starzec Paisij*, w: *W drodze*, nr 2 (378), 2005.

1735-1739 w Akademii Mohylańskiej w Kijowie³⁹, rozpoczął własne poszukiwania korzeni i tajemnicy monastycyzmu prawosławnego. W 1739 r. udał się szlakiem wielkich monasterów i skitów ukraińskich oraz mołdawskich. Droga prowadziła go poprzez monastery w Lubeczu i Miedwiedowski⁴⁰ oraz Ławrę Peczersko-Kijowską, skąd po krótkim pobycie wyruszył z kolei do Mołdawii. Region ten wywarł ogromny wpływ na jego rozwój duchowy. Tu, przebywając od 1743 r. kolejno w skitach i monastyrach Dălhăuți, Trăisteni, Poiana Mărului i Cârnu, uczył się języka mołdawskiego, a także zaznajamiał z tłumaczeniem tekstów patrystycznych z j. greckiego i cerkiewno-słowiańskiego. Tu także praktykował pod kierunkiem starca Bazylego z Poiana Mărului, hezychasty przybyłego tu uprzednio z terenów Rosji⁴¹. Lęk przed zbyt wczesnym wyświęceniem na mnicha spowodował, iż w 1746 roku wraz z kilkoma towarzyszami udał się na Świętą Górę Athos w Grecji, gdzie osiadł w pobliżu monasteru Pantokratora (skit Kyparis). Nie mogąc znaleźć ojca duchowego, zdecydował się na prowadzenie życia w samotności. W 1750 roku przybył jednak na Athos starzec Bazyli, znany mu wcześniej z Mołdawii, który przestrzegł go przed niebezpieczeństwem życia w idorytmii i zalecił dalsze praktykowanie monastycyzmu w małej wspólnotcie. W tym samym roku Paisjusz przyjął z jego rąk święcenia mnicha – tzw. małą schimę i przyoblekł mantię, zmieniając zgodnie ze zwyczajem mnichów, imię na Paisjusz, które odtąd nosił już do końca życia. W 1758 r. wybudował skit św. Eliasza, należący administracyjnie do monasteru Pantokratora.⁴² Zorganizował tu wspólnotę mnichów, która w krótkim czasie zyskała wielką sławę i powiększyła się do ogromnych rozmiarów. Już wówczas znamienne było to, iż wokół Paisjusza gromadzili się mnisi i uczniowie różnych etnosów – wspomina się o Słowianach, Grekach i Rumunach znajdujących się w jego atoskiej wspólnotcie. Ta różnorodność nacji skłoniła także Paisjusza do wprowadzenia zwyczaju odmawiania nabożeństw w dwu językach – cerkiewno-słowiańskim i mołdawskim.⁴³

Zwiększająca się liczebność wspólnoty paisjańskiej na Athosie spowodowała, iż trudno było znaleźć dla niej miejsce na Półwyspie Chalcydyckim. W 1763 roku starzec wraz z częścią mnichów postanowili opuścić Świętą Górę i przenieśli się do Mołdawii, gdzie uzyskawszy zgodę od metropolity Kalimacha, osiedlili się w monastyrze

³⁹ Szerzej na temat stosunku Piotra Wielickowskiego do katolicyzmu, a także unii brzeskiej zob. J. Kuffel, *Paisjusz Wielickowski w obronie czystości prawosławnej wiary. Polemika z unią i katolicyzmem*, w: *Krakowskie Zeszyty Ukrainoznawcze*, t.5/6, 1996-1997, s. 165-170; J. Kuffel, *W drodze na Tabor. Theosis w życiu i twórczości św. Paisjusza Wielickowskiego*, Kraków 2005, *passim*.

⁴⁰ Chodzi o monastyr św. Mikołaja Cudotwórcy na rzekę Tiasmin w Miedwiedowie (wówczas na terytorium Rzeczypospolitej).

⁴¹ Grigore Dascălul, *Povestire din parte a vieții preacuviosului părintelui nostru Paisie și arătare pentru adunarea soborului celui împreună cu cuvîntoșia sa care cu pronia lui Dumnezeu și pre urmă neîmpuținată se păzește*, [w:] *Paisianismul – un moment românesc în întâmpinarea primului congres ecumenic internațional „Paisie Velicovski și mișcarea/moștenirea sa spirituală*, Italia, Magnano, 20-23 septembrie 1995, București 1996, s. 118-141. Szerzej na temat postaci św. Bazylego ze skitu w Poiana Mărului zob. w: I. Bălan, *Romanian Patericon. Saints of the Romanian Orthodox Church*, vol. I - „Third-Eighteenth Centuries”, St. Herman of Alaska Brotherhood, St. Paisius Abbey, 1996, s. 422- 434; M. Bielawski, *Polis monachorum*, Bydgoszcz 2001, s. 205-206.

⁴² *Viața cuviosului Paisie de la Neamț*, op. cit., s. 35; M. Păcurariu, op. cit., s. 192.

⁴³ *Viața cuviosului Paisie de la Neamț*, op. cit., s. 35.

Dragomirna.⁴⁴ Wspólnota przebywała tu w latach 1763 do 1775, kiedy to północna Mołdawia została zaanektowana przez Austrię, a następnie podzielona między Rosję a Turcję. W 1775 roku Bukowina dostała się pod panowanie katolickiej Austrii. Paisjusz wraz ze wspólnotą mnichów, liczącą już wówczas ok. 200 braci, przeniósł się do monasteru Secu. W 1779 r. monaster ten był już tak przepełniony, iż część z nich musiała szukać kolejnego miejsca zamieszkania. Wspólnota uzyskała wówczas pozwolenie na osiedlenie się w jednym z najstarszych i najsławniejszych monasterów mołdawskich – Neamț. Tu rozrosła się do ogromnych rozmiarów, tworząc grupę ok. 1000 mnichów różnej narodowości, zyskując także z czasem miano Nowego Athosu.⁴⁵ Jednym z najważniejszych działań wspólnoty monastycznej Paisjusza była translacja chrześcijańskich dzieł patrystycznych. Mnich zetknął się już z nią podczas przebywania we wspólnotach mołdawskich, jeszcze przed udaniem się na Athos. Kładł na nią także bardzo silny nacisk we wspólnocie kierowanej na Athosie, a w Mołdawii działalność ta stała się jednym z głównych zajęć mnichów. We wspólnocie Paisjusza tłumaczono grecką literaturę patrystyczną na język rumuński i cerkiewno-słowiański. Paisjusz tłumaczył także dzieła o tematyce hezychastycznej powstałe na Rusi, m.in. Nila Sorskiego. Dzieła tłumaczone przez mnichów ze szkoły paisjańskiej były następnie rozpowszechniane we wszystkich prowincjach rumuńskich.⁴⁶ Część z tych tłumaczeń była wysyłana do Rosji i innych prawosławnych krajów kręgu bizantyjsko-słowiańskiego.⁴⁷ Paisjusz bardzo dbał o to, aby każdy mnich znał dobrze pisma teologiczne. Traktował je jako szkołę życia duchowego oraz swoisty drogowskaz, który powinien prowadzić zakonnika przez całe życie.

Paisjusz Wielickowski zmarł w 1794 r. Jego dziedzictwo, kontynuowane przez uczniów, których uformował duchowo, pozostało ogromne. W momencie, kiedy hezychazm i modlitwa Jezusowa uległy w XVIII i XIX w. częściowemu zapomnieniu, mnich ten ponownie odkrył i rozpowszechnił tę tradycję zarówno na Athosie, Mołdawii, jak i na terenach Rosji. Uczniowie Paisjusza, po uzyskaniu formacji

⁴⁴ Wspólnota Paisjusza osiedliła się początkowo w skicie Vărzărești k/Galați, w części Wołoszczyzny zwanej Buzău. W tym czasie starzec Paisjusz udał się do Bukaresztu, z prośbą do metropolity Wołoszczyzny o przydzielenie mu monasteru, w którym mógłby osiedlić się wraz z mnichami. Metropolita odmówił jednak spełnienia prośby. Po powrocie do Mołdawii, Paisjusz otrzymał jednak zgodę w Jassach na osiedlenie się wspólnoty w Mołdawii od metropolity Mołdawii – Kalimacha. Zob. też S. Cetfericov, *Paisie Starețul Mănăstirii Neamțului din Moldova. Viața, învățătura și influența lui asupra bisericii ortodoxe*, București 2002.

⁴⁵ Źródła potwierdzają, iż we wspólnocie Paisjusza, podobnie jak wcześniej na Athosie, znajdowali się mnisi różnego pochodzenia – Mołdawianie, Wołosi, mieszkańcy Siedmiogrodu, Ukraińcy, Rosjanie, Białorusini, Serbowie, Grecy i Bułgarzy. Wymienia się Hucuła i Żyda, a także mnichów starowierców-lipowian (którzy przeszli na prawosławie) wyświęconych już po śmierci starca w latach 1806-1812.

⁴⁶ W zbiorach manuskryptów rumuńskich znajduje się ok. 500 dzieł powstałych w szkole paisjańskiej. Zob. V. Pelin, op. cit., s. 89; G. Ștrempel, *Catalogul manuscriselor românești*, (4 volume), București, 1978 (I), 1983 (II), 1987 (III), 1992 (IV).

⁴⁷ Tłumaczone księgi były drukowane głównie na terenie Bukaresztu, Râmnic i w Jassach. Po 1807 roku, kiedy to została utworzona drukarnia w monasterze Neamț, tłumaczenia te zostały ponownie przejrzone, poprawione i wydane. Znaczna część z nich w języku cerkiewno-słowiańskim pozostała także w bibliotece monasteru Neamț i są zachowane do dziś. Szerzej na ten temat zob.: N. A. Ursu, *Dascațul Macarie, autorul Gramaticii românești (1772) și al lexiconului slavono-român (1778)*, w: *Limba română*, 34, nr 5, 1985, s. 445-449; N. A. Ursu, *Școala de traducători români din Obștea Starețului Paisie de la mănăstirile Dragomirna, Secu și Neamț*, [w:] *Românii în reinnoirea isihastă*, Iași, 1994, s. 39-61.

duchowej, rozchodzili się także stopniowo po całym regionie bizantyjsko-słowiańskim, wlewając w istniejące tu wspólnoty monastyczne nowego ducha.⁴⁸ W XIX w. w Mołdawii tradycję paisjańską w kolejnych wspólnotach wprowadzili i rozpowszechnili kolejni mnisi - metropolita Beniamin (Jassy, monastyr w Slatina) czy Józef Asceta, który przeniósł ją do żeńskich wspólnot monastycznych (Văratec, Agapia).⁴⁹ Na Wołoszczyźnie działali dwaj mnisi - starzec Jerzy (Gheorghe)⁵⁰ oraz jego uczeń - św. Kalinik (Calinic), którzy w monastyrze w Cernica pod Bukaresztem,⁵¹ odnowionym przez nich po zawierusze wojennej, kierowali dużą wspólnotą zgodnie z duchowością paisjańską.⁵² Inni uczniowie Paisjusza - mnisi Teofan Cristea i Andronic Popovici udali się na tereny Besarabii i utworzyli wspólnotę monastyczną w Chițcani i Copanca (obecnie Republika Naddniestrzańska). Kompleks monastyczny, po uzyskaniu zgody władz Besarabii, rozbudowywany został na przełomie XIX i XX w., stając się dużym centrum religijnym z bardzo dobrze wyposażoną biblioteką.⁵³ Do dnia dzisiejszego przetrwała nadana mu wówczas nazwa Nowe Neamt (rum. Noul Neamt).⁵⁴

Wśród innych mnichów żyjących w XVIII w., którzy działali na terenie księstw rumuńskich, a także Rosji, wnosząc tu ducha Athos, warto wymienić także Antipe

⁴⁸ To właśnie wśród jego uczniów – zarówno Rumunów, jak i Słowian, powstały także pierwsze żywoty starca, opisujące jego postać i dzieło; wśród nich biografie napisane przez mnicha Vitalie, Mitrofona, Isaaca Dascălul czy Platona; C. Zaharia, *Paisianismul și slujirea ecumenică a Bisericii Ortodoxe Române*, [w:] *Paisianismul – un moment românesc în întâmpinarea primului congres ecumenic internațional „Paisie Velicicovski și mișcarea/moștenirea sa spirituală*, Italia, Magnano, 20-23 septembrie 1995, București 1996, s. 35-45.

⁴⁹ M. Bielawski, op. cit., s. 210-213.

⁵⁰ Mnich ten pochodził prawdopodobnie z Transylwanii i towarzyszył Paisjuszowi od pobytu na Athosie. Szerzej o tej postaci E. Citterio, *Îvățătura spirituală a starețului Paisie. Radiografia (descrierea) unei obști*, [w:] *Românii în reinnoirea isihastă*, Iași 1994, s. 123-124. Zob. także: www.cernica.go.ro

⁵¹ Căndea V., *Locul spiritualității românești în reinnoirea isihastă*, [w:] *Românii în reinnoirea isihastă*, Ed. Trinitas, Iași 1994, s. 20; Citterio E., op.cit, s. 123; Sfântul Ierarh Calinic de la Cernica. Viața, minunile, acatistul (b.a.), București 2007.

⁵² M. Păcurariu, op.cit., s. 110-117; *Viața și acatistul Sfântului ierarh Calinic de la Cernica*, București 2002, s. 3-48.

⁵³ T. Bălan, *Cetățile sufletului. Mănăstiri și schituri basarabene*, Chișinău 2002, s. 141-143.

⁵⁴ **Znaczna część mnichów z paisjańskiej wspólnoty wyruszyła także na tereny Rosji.** Tu, w Petersburgu w 1793 roku, jeszcze przed śmiercią Paisjusza, przetłumaczona i wydana została w języku cerkiewno-słowiańskim *Filokalia* - antologia tekstów religijnych, zawierająca najbardziej znaczące wypowiedzi na temat życia hezychastycznego i Modlitwy Jezusowej, powstające od IV w. Paisjusz wraz ze swoimi uczniami dokonali przekładu tych tekstów, zmieniając jej tytuł w języku cerkiewno-słowiańskim na *Dobrotolubie*. Dzieło to, rozpowszechnione w setkach monasterów Ukrainy i Rosji, przyczyniło się do wielkiego rozwoju monastycyzmu, tradycji hezychastycznej Athosu i odnowienia życia duchowego w Rosji, podupadłego po reformach Piotra I i carycy Katarzyny. Z Rosji idee paisjanizmu przenikały także do wyznawców prawosławia z terenów Rzeczypospolitej. Nie wiemy dotychczas, czy jacyś mnisi ze wspólnoty paisjańskiej z Mołdawii przybyli bezpośrednio na tereny podzielonej Polski. Jest jednak prawdopodobne, iż kontakty między wspólnotami prawosławia z obu terenów istniały. Potwierdzają to zachowane po dziś dzień w monastyrach północnej Rumunii prawosławne druki i księgi z terenów Polski, świadczące o tym, iż w XIX wieku istniały jakieś religijne kontakty między tymi regionami. Ogromny rozwój prawosławia na polskich terenach w okresie międzywojennym, został jednak przerwany wraz z wybuchem nacjonalizmów okresu międzywojennego i II wojny światowej. We współczesnej historii prawosławia w Polsce, postać św. Paisjusza Wielickowskiego jest jednak coraz częściej przywoływana. Zob. m.in. prot. A. Sołowjew, *Ojcowie cerkwi o starcostwie i monastycyzmie*, tł. S. Maria (Jurczuk), Hajnówka 1997, s. 3-5; *Opowieści pielgrzyma*, Poznań 1988; *Opowiadania pielgrzyma*, Hajnówka 2000.

Athoskiego – Wołocha, który przez wiele lat żył w rumuńskim skicie Lacu, w pobliżu monasteru Wielkiej Ławry, a następnie monastyrze Esfigmenu. W 1860 r., jako starzec wielkiej schimy, Antipa powrócił do Mołdawii, zajmując się zdobywaniem finansów na dokończenie budowy skitu Prodromu na Athosie. Działal także na terenach Rosji – w Kijowie, Moskwie i Petersburgu – gdzie otrzymał znaczącą pomoc materialną dla atoskiego skitu zarówno od metropolitów obu miast, starców monasterów, jak i zwykłych wiernych. Szczególna postawa duchowa Antipy sprawiła, iż w krótkim czasie imię mnicha stało się sławne w północnej części Rosji. Antip uformował tu wielu uczniów i uczennic, którzy podążyli śladem jego duchowego rozwoju. Tu zmarł w 1882 r., po 17 latach życia we wspólnocie walaamskiej. Opinia o świętości Antipa rozprzestrzeniła się szybko zarówno w Rosji, jak i Górze Athos i Rumunii, a sam Antipa został uznany świętym zarówno przez Rosjan, jak i Rumunów.⁵⁵

3. RUMUŃSKIE MIEJSCA ŚWIĘTE NA GÓRZE ATHOS

Trudno jest jednoznacznie wskazać, kiedy mnisi z terenów rumuńskich, zaczęli osiedlać się na Athosie. Uznaje się współcześnie, iż pierwsze ślady takiego osadnictwa wskazują na wiek XIV, kiedy to, przy okazji działalności metropolity Haritona, wspomina się o wołoskich mnichach w wielonarodowym monastyrze Kutlomosiu.⁵⁶ Mnichów wołoskich i mołdawskich wymienia się także w tym czasie w monastyrze Zografu, hojnie wspieranym przez Stefana Wielkiego. Trudno jest jednak wskazać, jak liczebna była to grupa. Więcej informacji o rumuńskich mnichach pochodzi dopiero z XVI w., kiedy to wymieniani są w dokumentów monasterów athoskich. I tak np. mnich Visarion, uczeń metropolity Teoktysta II z Suczawy (1508-1528) skopiował *Komentarze do Księgi Hioba* w monastyrze Zografu. Także, w monastyrze Zografu dwaj mnisi z Wołoszczyzny – Paweł i Efrem, skopiowali Tetraewangeliarz w 1562 r., a mnich Cyryl Hluboceanu z Mołdawii, przepisywał liturgiczne manuskrypty w 17 w.⁵⁷ Z kolei, mnich Eustaty z Athosu został wysłany na przełomie 15 i 16 w. do objęcia kierownictwa w mołdawskim monastyrze Putna.

Liczba mnichów z obu tych księstwa wzrastała systematycznie aż do przełomu XVIII i XIX w. Dopiero sekularyzacja majątków monastycznych przeprowadzona przez władcę Aleksandra Jana Cuzo w 1863 r. odbiła się na pogorszeniu stosunków i wywołała potężną reakcją Kościoła Wschodniego, w tym i atoskich mnichów. Odbiło się to także na traktowaniu rumuńskich mnichów na Athosie przez inne narodowości, a zwłaszcza Greków, którzy witali ich tu niechętnie i utrudniali osadnictwo.

Szczególnie dobrym okresem dla mnichów z terenów obu księstwa na Athosie był XVIII w. Wówczas powstały na Athosie dwa skity rumuńskie, które – z przerwami – funkcjonują do dziś. W 1754 r. w opuszczonym skicie Lacu, należącemu do monasteru św. Pawła, osiedlili się mnisi mołdawscy z monasteru Neamț. Dzięki

⁵⁵ M. Păcurariu, op.cit., s. 176-178; L. Stan, *Sfinții români*, Sibiu 1945, s. 73-75.

⁵⁶ P. Tănase, *Schitul românesc Prodromu*, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 391.

⁵⁷ V. Micle, Începuturile culturii românești la Muntele Athos, w: *Telegraful Român*, Sibiu, nr. 19-22/1, anul 146; s. 364-365; I. Bălan, *Schiturile și chiliile românești de la Athos*, w: *Pelerinaj la Muntele Athos*, Roman 1997.

dwóm mnichom -Danielowi oraz Mikołajowi, w 1760 r. skit Lacu został odnowiony. Wsparcie finansowe zbierane w Mołdawii i Rosji, pozwoliło na wybudowanie tu także cerkwi p.w. św. Męczennika Dymitra. W 1843 r. przybyło do Lacu 32 mnichów z monasteru Cernica i Căldărușani, którym oddano do dyspozycji 16 kilii i 16 koleb. W niedługim czasie w skicie żyło prawie 150 mnichów, prowadzących życie idiorytmiczne. Skit podupadł mocno duchowo i materialnie w czasie kryzysu atoskiego w XX w. W latach 70-tych XX w. w skicie żyli jedynie czterej starcy, a w 1977 pozostał tylko jeden – hieromnich Stefan Nuțescu. Obecnie, od lat 90-tych XX w. trwa odbudowa jego dawnej pozycji – do wspólnoty przybyli mnisi z Rumunii, żyjąc według reguł Świętej Góry.⁵⁸

Najśłynniejszym miejscem rumuńskim na Athosie jest jednak od przeszło dwóch wieków skit Prodromu, znajdujący się w pobliżu monasteru Wielkiej Ławry. W latach 1818-1816 opuszczona kilia, zwana „Lilia Vigla Ianicopole”, została kupiona od monasteru przez mołdawskiego duchownika pochodzącego z monasteru Neamț – Justyna i jego uczniów Patapie i Grzegorza. W 1820 r. mnisi uzyskali zgodę na przekształcenie kilii w skit. Z tej okazji Wielka Ławra wydała trzynasto-punktowy regulamin, w którym zawarto prawa funkcjonowania skitu. Jego pierwszym przełożonym był Justyn, duchownik i pustelnik, znany na całej Górze; po nim wspólnotę prowadził mnich Patapie, który przewodzić miał ok. 30 mnichom rumuńskim. Jednak mnisi niedługo cieszyli się nowym miejscem – w 1840 r. najazdy armii tureckich wygnały wielu z nich ze skitu Prodromu. Ich dzieło kontynuowali inni dwaj mnisi mołdawscy – Nifon⁵⁹ i Nektarie, którzy w 1852 r. kupili skit od Wielkiej Ławry. W 1860 r., dzięki pomocy władców Mołdawii i Wołoszczyzny, rozpoczęto budowę na jego terenie cerkwi p.w. Chrztu Pańskiego.⁶⁰

Życie duchowe w skicie Prodromu, podobnie jak na całym Athosie, zaczęło upadać po I wojnie światowej i zmianie kalendarza w 1924 r. Ze stu mnichów żyjących w Prodromu w 1925 r., w niedługim czasie została połowa. Po II wojnie światowej popadł on w duchową i materialną ruinę. W latach komunizmu 1970-1974 nie było tu duchownego, który mógłby tu odprawiać liturgię. Dopiero w 1974 r. przybyła tu pierwsza grupa czterech mnichów z Rumunii, którzy rozpoczęli odnowę życia duchowego. W kolejnych latach wspólnota powiększała się - przybyli tu nowi adepci na czele z mnichem Petroniu Tănase, którzy bardzo przyczynili się do rozwoju religijności w tym skicie. Od 1984 mnich Petroniu przewodzi monastrowi ciesząc się wielkim autorytetem na Athosie – jest teologiem, pisarzem kościelnym i pustelnikiem, a także uznawany jest za wielką osobowość, która wprowadziła ład i harmonię we wspólnocie. Skit cieszy się autorytetem i przyciąga wielu pielgrzymów.⁶¹

⁵⁸ Gh. Vasilescu, *Muntele Athos și românii*, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 425-426; V. Micle, op.cit., 366.

⁵⁹ W latach 1870 Nifon Jonascu wrócił do Rumunii i w pobliżu Jassów założył skit Bucium, w którym wprowadził duchowość atoską. Skit ten istnieje do dziś.

⁶⁰ Pr. S. Porcescu, *Schitul Prodromu. O ctitorie românească la Sfântul Munte Athos*, w: *Revista Mitropolia Moldovei și Sucevei*, Anul LXII, nr. 4, iulie-august 1986; A. Dinescu, *Ctitori și ostenitori la schitul Prodromu*, [w:] *Fundarea schitului român Prodromu*, Ploiești 1891.

⁶¹ Gh. Vasilescu, op.cit., s. 424-425; I. Ișa, *Romanii transilvăni și schitul Prodromu*, *Românii și*

Czasy dawnych gospodarów mołdawskich i wołoskich już dawno minęły. Obecnie Cerkiew Rumuńska wspiera przede wszystkim skit Prodomu i Lacu, jako *narodowe* miejsca święte na Górze Athos. Do nich właśnie przybywają rokrocznie pielgrzymi z Rumunii, modląc się, zasięgając rady starca Petroniu i kłaniając cudownym ikonom. Obecnie skit Prodomu należy do najbiedniejszych *miejszc świętych* Athosu i utrzymuje się głównie z pomocy innych monastyrów atoskich oraz Rumunii. Jednak pamięć o dawnych czasach, kiedy to władcy tych małych księstw hojnie wspierali Athos, przetrwała i żyje w *miejscach świętych* i przedmiotach Świętej Góry. Najpełniej podsumował ją kiedyś jeden z rosyjskich badaczy Atosu i podróżników – Porfirij Uspienski, który napisał: „żaden prawosławny kraj nie uczynił tak wielkich danin i nie przekazał tak wielu darów dla monastyrów z Świętej Góry, jak Rumunia”.⁶² Pozostaje wierzyć, iż wraz z podnoszeniem się tego kraju z ruin komunizmu, powrócą jeszcze kiedyś czasy dawnych, hojnych fundatorów i darczyńców z Rumunii na Athosie.

REZUMAT

RELAȚIILE ROMÂNIEI CU SFÎNTUL MUNTE ATHOS - ISTORIE ȘI CONTEMPORANEITATE

Pentru Români – atât reprezentanți ai Bisericii Ortodoxe Române, cât și mireni, Muntele Athos este un teritoriu sfânt în spațiul religios al Europei.

Contactele actualului teritoriu român cu Sfântul Munte Athos ating tîrziu ev mediu. La început, neoficial, iar mai tîrziu în cadrul principatelor Valahiei și Moldovei, aceste contacte au luat o amploare și mai mare și au crescut ca importanță, devenind un fel de obligație nescrisă pentru domnitorii care sprijineau Sfântul Munte, și care în decursul istoriei au fost unii dintre cei mai generoși fondatori și donatori. Ajutorul Românilor pentru Athos s-a materializat în zidirea de biserici ortodoxe, schituri, paraclise și construcții. Domnitorii plăteau atât tributuri financiare anuale, cât și alte bogate daruri: sprijineau financiar locașurile vechi sau devastate din cauza cataclis-melor și războaielor, trimiteau fonduri pentru zugrăvirea lor cu fresce sau restaurarea frescelor existente. Multe obiecte ale cultului religios de pe Muntele Athos provin de la organizații de ajutor românești, printre ele găsindu-se cele ale Sfântului Gheorghe din mănăstirea Zografu și Icoana Maicii Domnului cunoscută ca făcătoare de minuni, numită Prodomita, care se găsește în schitul Podromu. Una dintre formele de ajutor pentru Athos a fost oferirea mănăstirilor, bisericilor ortodoxe, schiturilor de moșii pe pămîntul Moldovei și Țării Românești (Căpriană, București, Iași, Vaslui, Argeș). Athosul a avut o mare influență în formarea vieții spirituale pe teritoriul României. De la Athos veneau călugări care prin activitatea și statura lor religioasă aveau influență asupra formării spiritualității călugărilor locali și a credincioșilor simpli (sf. Nicodim, sf. Paisie de la Neamț, sf. Antipa Atonitul).

Muntele Athos, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 405-409; P. Tănase, op.cit., s. 391-402.

⁶² Serafim, metropolita prawosławnych Rumunów w Niemczech, [w:] *Românii și Muntele Athos*, red. I. Monahul i prof. Gheorghe Vasilescu, București 2002, s. 7.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВЕТСКОЙ СМИРИТЕЛЬНОЙ РУБАШКЕ*

Станислав КУЛЬЧИЦКИЙ

В июне 2008 г. Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы организовал для историков стран СНГ круглый стол на тему «О формировании гражданского общества в странах постсоветского пространства». Оживленное обсуждение этой интересной темы проходило под руководством акад. РАН А.А.Чубарьяна. Было высказано немало интересных положений, как бесспорных, так и спорных. К числу бесспорных относился вывод о том, что гражданское общество в Советском Союзе отсутствовало.

Вполне согласен с этим выводом, но одного его недостаточно. Ведь было же нечто такое, что скрепляло советских людей в достаточно устойчивую общность. Пропагандисты брежневской эпохи попытались придать советскому народу черты новой исторической общности. Эта попытка не выдерживала критики, особенно после развала СССР. Чем же все-таки был советский народ? Автор попытался сформулировать свой вариант ответа.

Общественно-политическая жизнь Советского Союза была активной и насыщенной – не в пример окружающим странам свободного мира. Она обладала, однако, особенностью, имевшей цивилизационный характер: все структуры и организации, начиная от самой партии большевиков и кончая обществами филателистов или любителей рыбной ловли, оказались намертво связанными между собой. Уничтожив конкурентные политические силы, большевики перестроили по своему образу и подобию, т.е. на принципах «демократического централизма» все общественные структуры. Общество превратилось в монолит, функционирующий по командам из одного центра. Сформулированный до коммунистической революции тезис вождя партии большевиков о том, что нельзя жить в обществе и оставаться свободным от общества, оказался пророческим. В ленинском государстве-коммуне никто не мог остаться наедине с самим собой. Понятие “свободного мира” возникло лишь после того, как это коммунистическое государство появилось на исторической сцене.

У населения постсоветских стран остались разные впечатления о советской эпохе. Одни с содроганием вспоминают прошлое, читая опубликованные документы о преступных действиях государства по отношению к своим

* Материалы круглого стола „Исторические правовые и социально-политические аспекты формирования гражданского общества в странах СНГ”, Chişinău, 10 iunie 2008.

гражданам. Другие с ностальгией перебирают в памяти эпизоды собственной жизни, наполненной всеми красками бытия. И тех, и других – миллионы.

Как отнестись к советскому прошлому, если руководствоваться разумом, а не чувствами? Как функционировало советское общество? Почему столь замедленны общественно-политические процессы, отдаляющие нас от него и приближающие к странам, которые мы стали называть цивилизованными?

Чтобы ответить на эти вопросы с достаточной убедительностью, надо осветить наиболее общие закономерности перехода от традиционного общества к гражданскому в мировом масштабе. Только на этом фоне станет понятно, почему после революционного распада традиционного общества в бывшей Российской империи возникла такая цивилизационная мутация, как советское общество – гражданское общество в советской смиренной рубашке.

Составные части исторического процесса. Анализ развития общества невозможен без определения его взаимоотношений с государством. Выделение государства из общества знаменует собой качественный скачок в цивилизационном развитии. Вместе с тем взаимоотношения государства и общества сразу же приобретают антагонистический характер. Антагонизм преодолевается лишь после долгих столетий исторического развития. Гражданское общество как раз и является результатом этого преодоления.

Чтобы выявить причинно-следственные зависимости в развитии общества и государства, надо ясно представлять себе, какой мы видим ретроспективу, чем определяются динамика и господствующий вектор исторического процесса.

Следует отказаться от телеологического подхода к изучению истории, который изначально заложен в теории общественно-экономических формаций. Очевидно, прошлое превращается в настоящее без заранее определенного вектора. А динамику исторического процесса легко понять, воспользовавшись простой формулой А. Тойнби: «вызов-ответ». Когда коллективы людей оказывались перед вызовом, они должны были достойно ответить, чтобы избежать растворения в небытии.

Первые попытки разобраться в ходе истории были сделаны еще в древности. Желая найти в общественных изменениях какой-то смысл, мыслители античности разработали концепцию исторического круговорота (по аналогии с явлениями круговращения в природе). По их мнению, жизнь человечества двигалась по замкнутому кругу, от расцвета к упадку и наоборот. В средневековой Европе утвердилось провиденциальное понимание сути исторического процесса. Мыслители того времени считали, что все происходит в соответствии с Божественным провидением. В эпоху Просвещения (XVIII век) провиденциализм был преодолен. Господствующая тенденция общественного развития под влиянием стремительного роста техники и экономики стала оцениваться как позитивная. Поэтому исторический процесс ассоциировался с историческим прогрессом.

Оптимистический взгляд на прошлое продержался полтора столетия. Его не смогли поколебать ни мировые войны, ни Великая депрессия 1929–1933 гг. Крах нацистского «нового порядка» интерпретировался как подтверждение

прогноза о позитивной направленности исторического процесса. Лишь в конце XX ст. из-за обострения глобальных проблем перспективы развития человечества стали оцениваться с меньшим оптимизмом.

Исторический процесс является целостным, но его можно представить в виде нескольких достаточно изолированных друг от друга потоков с разной динамикой (прогресс-регресс). Содержание его исчерпывается, повидимому, тремя измерениями – техническим, социально-экономическим и общественно-политическим. Коль скоро общество развивается с разной динамикой в каждом из них, то накапливаются противоречия, которые проявляются в виде кризисов, в том числе – цивилизационных.

По уровню развития техники история человечества делится на три этапа. Обществоведам не хватило фантазии, чтобы обозначить их разными названиями, и они выделили доиндустриальное (аграрное), индустриальное и постиндустриальное общества. Аграрное общество совпадает почти со всей историей цивилизации. Индустриальное общество в странах Запада начало формироваться под влиянием перехода от мануфактурного к фабрично-заводскому производству со второй четверти XIX ст. Переход к постиндустриальному обществу инициировала Вторая мировая война.

Социально-экономическое измерение исторического процесса характеризуется, прежде всего, степенью развития товарно-денежных отношений и рынка. Казалось бы, уже пройдена вся дистанция от натурального к товарному хозяйству, а рынок стал глобальным. Однако торговля в интернет-сети, которая появилась недавно, но успела преобразовать систему товарно-денежных связей, служит примером неисчерпаемости рыночных отношений. Интернет свел к нулю дистанцию во времени между производством и реализацией продукции.

Политическое измерение исторического процесса определяется развитием человечества от первобытной орды к наивысшему достижению цивилизации – гражданскому обществу. Установив это, сосредоточимся на закономерностях формирования общества и государства. Именно в их взаимоотношениях проявится то качество организации общественно-политической жизни, которое мы стали называть гражданским обществом.

Понятие гражданского общества. Этот термин может означать как реальность, так и мечту. Эталоном реального гражданского общества являются страны «золотого миллиарда», в которых развиваются демократические традиции и утвердилось социальное государство. Порой в постсоветской публицистике эти страны называют «цивилизованными».

В «цивилизованных» странах, как и во всех других, немало нерешенных проблем. Однако они обеспечивают не только на конституционном уровне, но и чаще всего – в реальной действительности равенство граждан перед законом, свободу союзов, собраний и демонстраций, право человека на жизнь и свободное развитие своей личности, неприкосновенность личности и жилища, право собственности, предпринимательской и творческой деятельности, а также социальную защиту, включая право на труд, отдых, жилье, медицинскую помощь, достойный уровень жизни.

Пространство «золотого миллиарда» сформировалось за несколько последних десятилетий. Еще недавно высокий жизненный уровень населения стран Запада обеспечивался преимущественно за счет эксплуатации колониальных народов. В более отдаленном прошлом их жизнь подтачивалась социальными противоречиями, которые порой находили разрешение в кровавых революциях.

Люди различаются по многим признакам. В прошлом эти различия были источником войн - межгосударственных, гражданских, межнациональных, религиозных. Хотя с развитием военной техники опасность глобальных войн снизилась, мир по-прежнему сотрясается локальными конфликтами. Их станет меньше, если граждане объединятся в организации, способные влиять на принятие государственных решений. *Систему взаимосвязанных и независимых от государственной власти организаций, которые имеют достаточный политический опыт и собственный экономический потенциал, принято называть гражданским обществом.* Благодаря развитым информационным и транспортным коммуникациям оно действует во времени и пространстве как единый организм. Такое общество в ходе свободных выборов определяет персональный состав политической элиты и через собственные организации влияет на принятие решений государственными служащими. Впервые со времени своего возникновения государство становится реально зависимым от общества.

Формирование традиционного общества. Рассмотрим, каким образом и почему члены общества смогли подняться над государством, само существование которого невозможно без аппарата принуждения и обслуживающих его силовых структур. Благодаря этому обстоятельству государство всегда стояло над обществом, хотя было его порождением и, до некоторой степени, – составной частью.

Традиционное общество стало формироваться, когда первобытная орда уступила место родоплеменным коллективам, т.е. после того, как экономика присвоения (собираательство и охота) уступила место экономике воспроизводства (земледелие и животноводство). Если в экономике присвоения господствовала коллективная собственность на природные ресурсы, то экономика воспроизводства положила начало частной собственности на средства производства и полученную с их помощью продукцию. Являясь монополией личности на владение, пользование и распоряжение имуществом, частная собственность формировала социальные различия. В коллективах с выраженной социальной структурой возникали процессы государствообразования, вследствие чего они получали преимущество перед другими в борьбе за природные ресурсы. Когда с помощью более совершенных средств производства человек обрёл способность производить материальные блага в большем количестве, чем было необходимо для его физического существования, он сам стал ресурсом, пригодным для владения, пользования и распоряжения. Поэтому борьба за территорию нередко становилась борьбой за возможность присвоения рабского труда. Однако в государствообразующем процессе главным объектом присвоения был не военнопленный иноплеменик, которого превращали в раба, а населенная крестьянами-общинниками земля. Древние государства,

включая Грецию и Рим, не стоило бы называть рабовладельческими. Государственные институты античности опирались на свободного земледельца. Этот же земледелец составлял основу войска, без которого государство немислимо.

Ячейки гражданского общества мы находим в афинской демократии V века до н.э., Римской республике, которая рождалась как общность равноправных граждан (*civitas nostra*), древнеславянском вечевом строе. Однако гражданское общество может существовать лишь как целостная система. Афинских граждан нельзя рассматривать отдельно от рабов, трудом которых создавались благоприятные условия для размышлений о демократии. Римская республика добивалась процветания благодаря ресурсам, изымавшимся у неграждан в завоеванных регионах. Вечевой строй древних славян лишь освящал авторитетом традиции рождавшуюся власть князей или новгородской купеческой верхушки.

Традиционное общество в своем ином измерении было аграрным. На этой стадии государство могло существовать в разных формах, но в основе его всегда (за исключением специфических кочевых сообществ) коренилась собственность на землю. Как правило, государственная собственность на землю персонализировалась в личности монарха, т.е. была разновидностью частной собственности. Правилем было и то, что монарх реализовал право собственности на землю путем передачи части правомочностей тем, кто выполнял государственные функции – воинские, административные, судебные и т.п. Часть правомочностей передавалась и крестьянам: им позволялось при условии несения повинностей пользоваться совместно землей, которая в догосударственные времена была их коллективной собственностью. Необходимость понуждения крестьян к несению повинностей со временем развилась в крепостническую зависимость от монарха или его вассалов. Так в Европе возникли многоступенчатые феодальные отношения землевладельцев и землепользователей. Правилом «вассал моего вассала – не мой вассал» ограничивало власть верховного сюзерена. Только после того, как монархи смогли опереться на буржуазные слои, которые возникли благодаря развитию рыночных отношений, сформировался государственный строй, который современники называли абсолютизмом. Французский король Людовик XIV мог с полным правом сказать о себе: «Государство – это я». В России, однако, вместо феодальных отношений возникла холопская зависимость представителей привилегированных сословий (вплоть до патриарха) от царя-самодержца, а крепостная зависимость крестьян со временем выродилась почти в рабство.

На стадии перерастания аграрного общества в индустриальное (социально-экономическое измерение исторического процесса) и традиционного общества – в гражданское (общественно-политическое измерение) государственная собственность перестала быть персонализированной собственностью монарха. Даже в дореволюционной России, которая до конца сохраняла самодержавную форму правления, она отделилась от собственности царской семьи. По указу Павла I (1797) государственные крестьяне, которые трудились на земле, выделенной в собственность императорской семьи, объявлялись отдельным сословием удельных крестьян. От личной зависимости их освободили за несколько лет до ликвидации крепостного права.

Разложение традиционного общества. Понятие «гражданское общество» возникло задолго до его реального воплощения в жизнь. Констатацию этого факта можно выразить иначе: *феномен XX ст., каким является гражданское общество, был обозначен термином, доставшимся в наследство от XVII и XVIII вв.* Это тем более верно, что Г.Гроций, Б.Спиноза, Т.Гоббс, Дж.Локк, позднее - Ж.Ж.Руссо и Ш.Монтескье вкладывали в искомое понятие разное содержание.

Не обнаруживая принципиальной разницы между категориями государства и общества, мыслители все-таки старались развести эти понятия. Т.Гоббс даже попытался утвердить тезис о примате общества над государством, обосновывая его теорией естественного права. Однако этот тезис вполне уживался в его учении с защитой королевского абсолютизма. В отличие от Гоббса Дж.Локк считал единственным источником королевской власти согласие народа, воплощаемое в общественном договоре. Заключая такой договор, говорил он, подданные короля должны создать гражданское общество, чтобы воспользоваться своими естественными правами. Ш.Монтескье пропагандировал идею правления законов, которым обязаны были подчиняться все люди независимо от положения в обществе и государстве. Он полагал, что законы могут предотвратить волюнтаризм правителя или диктатуру объединенных в политические организации граждан. Немецкий философ Э.Кант переводил понятие гражданского общества в сферу этики. Для него это было идеальное состояние общества, когда каждый его член руководствовался высшим моральным законом – категорическим императивом: относиться к другим и к самому себе не как к средству, а как к цели. Категорический императив обеспечивал, по его мнению, свободу каждого человека и его равенство в правах с другими членами общества.

После Американской и Великой французской революций сословное общество начало быстро разлагаться. Оставаясь традиционным, оно становилось классовым. Если ранее буржуазные слои лишь использовались монархами, которые укрепляли личную власть, то теперь они обрели в государстве собственный политический вес. Сообщество предпринимателей обязывалось поддерживать государство налогами в обмен на благоприятные условия своей деятельности. С другой стороны, олицетворяемое монархом государство признало право собственности буржуазии на средства производства и другое имущество, ограничиваясь получением налогов от доходов. Эти тенденции в общественном развитии уловил Г.В.Ф.Гегель. Одним из первых он четко размежевал понятия государства и общества. Гражданским обществом Гегель называл сообщество людей, в котором реализовались частные интересы отдельных индивидов. Государство, как он указывал, вытекало из гражданского общества, но не было тождественным ему. Оно представляло собой политическую организацию, в рамках которой становилось возможным функционирование общества.

Идеи раннего марксизма. После Великой французской революции так называемое «третье сословие» (т.е. плательщики налогов, в отличие от дворянства и духовенства) вышло на первый план. Преобразование этого сословия

в класс предпринимателей было неотделимо от формирования рабочего класса, т.е. лишённых средств производства пролетариев. Уже в огне революции родились течения, поставившие целью разрубить гордиев узел сословных противоречий путём ликвидации частной собственности. А накануне европейских революций середины XIX века появился наиболее известный документ революционного марксизма – «Манифест Коммунистической партии». В нём К.Маркс и Ф.Энгельс призывали рабочий класс установить свою диктатуру и экспроприировать частную собственность на средства производства. В насыщенной революционной грозой атмосфере такие идеи казались простыми и понятными.

Сущность «научного», по заверениям последователей Маркса и Энгельса, коммунизма состояла в экспроприации буржуазии пролетариатом, что выражалось в «Манифесте Коммунистической партии» такой емкой фразой: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». (Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М., 1965. – С.48).

Эта фраза противоречила всей предыдущей истории цивилизации. Ведь именно частная собственность превратила первобытную орду в общественную структуру и положила начало государству. Какие перспективы возникали в связи с ликвидацией частной собственности и связанных с ней товарно-денежных отношений? «Манифест» предполагал, что такой акт явится рождением коллективной собственности. Другими словами, экспроприация собственников должна была превратить вчерашних пролетариев в совокупных владельцев средств производства. Но коллективная собственность была давно перевёрнутой в истории страницей. *Могла ли она послужить стержнем общественного развития в эпоху банков и железных дорог, если существовала лишь в эпоху собирательства и охоты?*

На этот вопрос „Манифест» ответа не давал. На него ответил сам Маркс за четыре года до «Манифеста». По поводу первых адептов коммунистического учения, которых он называл утопистами, 26-летний Маркс в «Экономическо-философских рукописях» заметил: «этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 42. – С. 114). Другими словами, Маркс тогда утверждал, что частная собственность не может быть уничтожена, уничтожается лишь предыдущий собственник.

Накануне революции 1848 года Маркс уже считал, что диктатура пролетариата перевернёт всю жизнь общества и, в частности, наладит плановое производство и распределение материальных и культурных благ между людьми на уравнительных началах. Допускалось лишь различие в организации потребления, связанное с уровнем производства материальных благ. В первой фазе коммунизма материальные блага должны были распределяться по труду (коммунизм производства), а во второй – по потребности (коммунизм потребления). Первая фаза коммунизма стала отождествляться марксистами с социализмом – многозначным и популярным в массах понятием. Немарксисты под социализмом понимали политику государственной помощи наименее

защищённым слоям общества, осуществляемую путём дополнительного обложения налогами зажиточных слоёв.

Когда К.Маркс и Ф.Энгельс работали над «Манифестом Коммунистической партии», они едва вышли из юношеского возраста. После «Манифеста» Маркс прожил еще 35, а Энгельс – 47 лет. Это были годы, насыщенные напряженным трудом. Материализованные в книгах и статьях результаты этого труда заняли достойное место в интеллектуальной сокровищнице человечества. Нашли ли они время, чтобы раскрыть *urbi et orbi*, каким образом произойдет перерастание частной собственности, которой определялась история цивилизации, в собственность коллективную, общественную, коммунистическую?

Они не нашли времени, хотя вдвоем написали два предисловия к переизданиям «Манифеста», а потом один Ф.Энгельс написал еще пять предисловий. Никогда прямо не отказываясь от выдвинутых в «Манифесте» прогнозов, они сосредоточились на исследовании современного им общества, которое называли капиталистическим. Но главный труд К.Маркса «Капитал» содержал в себе фундаментальный постулат, который перечеркивал революционное нетерпение «Манифеста»: «Общество не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» (Маркс К. и Энгельс Ф. – Сочинения. – Т.23. – С.10).

Возникновение социал-демократии. В послереволюционной Европе марксисты стали социал-демократами, т.е. выбрали демократические формы политической деятельности. Такой выбор имел под собой объективные предпосылки. Государство довлело над людьми, но организации граждан (или подданных, которые обретали фактический статус граждан в конституционных монархиях) уже могли влиять на власть. Главное же состояло в том, что социал-демократы убедились: во-первых, предпринимательство является таким же видом творческой деятельности, как и все другие; во-вторых, намного полезнее продвигаться в направлении демократического согласования интересов труда и капитала, нежели пытаться уничтожить капитал, который является таким же необходимым агентом производственного процесса, как и рабочая сила.

Поэтому в своей практической деятельности социалисты не отвергли ни рынка, ни товарно-денежных отношений. Они могли пропагандировать усиление государственного контроля за предпринимательством, перераспределение бюджетных средств в пользу людей с низкими доходами или даже национализацию средств производства. Но эти, как и все другие социалистические меры, были для них лишь методами снижения социальной напряженности. Частное предпринимательство они считали важнейшей сферой занятий, которая давала возможность осуществлять социалистические меры.

Демократический выбор европейских социалистов нашел обобщающее определение в афористическом высказывании ближайшего сотрудника Ф. Энгельса Эдуарда Бернштейна: «То, что привыкли называть конечной целью социализма, для меня ничто, а движение – это все». Сам Энгельс считал ненужным отказываться от революционного марксизма. В этом с ним был солидарен Карл Каутский, под влиянием которого немецкая социал-демокра-

тия приняла в 1891 году Эрфуртскую программу. Конечной целью социал-демократического движения программа провозглашала обобществление средств производства и замену анархии рынка централизованным распределением продукции. Следовательно, средства производства должны были стать общественной, т.е. коллективной собственностью. Эрфуртская программа, как и написанный за 43 года до нее «Манифест Коммунистической партии», не объясняла механизма трансформации собственности. Но эти документы принципиально различались: программа К.Каутского предусматривала добиваться конечной цели социал-демократического движения не революцией, а реформами.

Реанимация идей раннего марксизма в ситуации кризиса. Э.Бернштейн и другие лидеры европейской социал-демократии отказались от догм «Манифеста», поскольку увидели возможность установления социального мира. Основоположники марксизма не спорили по этому поводу со своими учениками, но не смогли переступить через взгляды, которые разделяли до европейских революций 1848-1849 гг. Однако нашлись и такие ученики, особенно в стане российских социал-демократов, которые проигнорировали тезис о невозможности перескочить через естественные фазы развития при помощи революционных декретов. Они подняли на щит догмы раннего марксизма и сделали попытку воплотить их в жизнь, воспользовавшись мировой войной 1914-1918 гг.

Совсем не случайно первая в истории мировая война вспыхнула в начале XX ст. Не случайными были и глубинные причины ее возникновения. Во второй половине XIX в. передовые страны Запада вступили в индустриальную фазу развития, которая характеризовалась появлением высокоразвитого машинного производства. Государственные институты, природа которых не претерпела адекватных качественных изменений, впервые получили возможность мобилизовать колоссальные ресурсы. Эти новые возможности наиболее полно использовались в интересах главной функции государства – военной. Те, кто обладал властью, не замедлили пустить их в ход, чтобы силовым способом решить всегда существующие межгосударственные противоречия.

Качественный скачок в развитии производительных сил особенно убедительно материализовался на поле боя. Война утратила характер локальных кампаний, которые разрешались отдельными битвами профессиональных армий. Она стала позиционной, и фронт обозначился на местности сплошной линией окопов, нередко в несколько рядов. Миллионы солдат в этих окопах надо было обмундировать, вооружить, научить владению оружием и кормить. Следовало постоянно воспроизводить численный состав армий, которые годами уничтожали друг друга.

Новую роль государства в условиях такой войны одним из первых мыслителей XX века отметил Н.И.Бухарин. В его «Экономике переходного периода» (1920) можно найти такие проникновенные строки: «Война 1914-1918 гг. поставила в упор вопрос о государственной власти. С того момента, когда империалистическое государство вбросило на сцену истории десятки миллионов

людей и сразу же обнаружило свое колоссальное значение в качестве *экономического* фактора, анализ государственной власти стал в порядок дня для теоретических и практических дискуссий. Жизнь все в себя всосавшей государственной организации – не жизнь общества, а жизнь *государства* стала на первый план. Если старик Гоббс писал в своем «Левиафане», что нет власти, которая сравнялась бы с властью государства, то его «Левиафан» оказался бы щенком по сравнению с той чудовищной силой, которую обнаружил государственный аппарат финансового капитала» (Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1990. – С.91).

Не удивительно, что вооруженный конфликт планетарного масштаба привел к резкому нарушению равновесия между государством и обществом. Понятно и то, что разрушающее влияние мировой войны оказалось наибольшим в Российской империи, где острота социальных противоречий открыто проявилась в 1905-1907 гг. Бухарин напрасно кивал на страны «финансового капитала». *Всевластие государственных институтов утвердилось как раз в его собственной стране.*

Первую мировую войну следует рассматривать как цивилизационный кризис. Несколько позднее и в другом измерении исторического процесса этот же кризис проявился в облике Великой депрессии 1929-1933 гг. Как и революции конца XVIII и середины XIX ст., катаклизмы первой половины XX века послужили катализатором преобразования традиционного общества в гражданское. Однако в странах, которые не смогли убедительно ответить на вызовы истории, эти катаклизмы вызвали мутацию государства и общества. Европейский континент окрасился в красно-коричневые тона и был ввергнут в новую мировую войну, которая по масштабам и трагическим последствиям значительно превзошла предыдущую.

Для стран «золотого миллиарда» линия раздела во Второй мировой войне сложилась исключительно благоприятно. Они оказались на выгодных стартовых позициях при переходе от индустриальной стадии развития к постиндустриальной и смогли сбросить с себя бремя колониальных империй. Война стала судьбоносной и для народов Советского Союза, которые внесли решающий вклад в разгром нацизма. Вместе с тем *эта победа дала второе дыхание несовместимому с подлинным гражданским обществом советскому политическому режиму.*

Советский фактор в революции. Как сложилась такая несовместимость? Сосредоточимся на анализе происхождения и природы советской власти. Начинать этот анализ следует с ответа на более частный вопрос: чем была Русская революция 1917 года? Надо отделить миф от реальности и по-новому взглянуть на явление, которое недавно называлось Великой Октябрьской социалистической революцией.

Задача деконструкции советского концепта состоит в разделении искусственно соединенных и в соединении искусственно разделенных понятий. Необходимо трехкратное разделение // соединение комплекса всем известных событий. Во-первых, надо отделить Русскую революцию от революций в нацио-

нальных регионах развалившейся в 1917 году империи. Во-вторых, следует соединить в одно целое два искусственно разорванных событий, которые обрели статус самостоятельных революций, поименованных по названиям месяцев старого стиля – Февральскую и Октябрьскую. В-третьих, надо отделить Российскую революцию со всеми ее региональными модификациями от коммунистической революции, которая началась в Центральной России после ее захвата большевиками и перешла почти на всю национальную периферию бывшей империи. Коммунистическая революция была намного более радикальной, чем все известные истории революции. Именно поэтому коммунистические преобразования следует назвать революцией. Но она не имела ничего общего с привычными социальными катаклизмами, в ходе которых менялись власть и собственники. Она была планируемой, а не спонтанной. И она обладала совсем иной длительностью, ибо происходила в виде реформ, навязываемых государством обществу. К слову, техника “реформ сверху” была хорошо известна в России со времени Петра I.

Коммунистическая революция продолжалась два десятилетия кряду, вплоть до Второй мировой войны. Она имела вид двух отдельных штурмов, разделенных достаточно длительной передышкой – новой экономической политикой. Ленинский штурм 1918-1920 гг. уже после его прекращения называли «военным коммунизмом». Сталинский штурм 1929-1932 гг. перешел в стадию стабилизации 1933-1936 гг. и завершился грандиозной «зачисткой» 1937-1938 гг., известной в мировой историографии как Большой террор.

Переход от традиционного к гражданскому обществу мог состояться в России только революционным путем. Империя больше чем на полстолетия отстала с революцией от своих европейских соседей. Из-за этого объективное развитие рыночных отношений сделало авангардной силой в трансформационном процессе не буржуазию, которая пользовалась поддержкой имперских «верхов», а угнетенные «верха» (совместно с буржуазией) народные «низы».

В 1905 году главную роль в революционных событиях сыграли рабочий класс и сформированные им советы. Последние возникли как комитеты по руководству всеобщей стачкой и не имели аналогов в европейской практике (там забастовками руководили запрещенные в России профсоюзы). Крестьянские «низы» были слишком распылены самими условиями сельскохозяйственного производства, чтобы представлять серьезную угрозу империи. Вместе с тем у них имелся особый счет к помещикам и государству – экономический и психологический. Во-первых, крестьяне были вынуждены соглашаться на самые тяжелые условия аренды земли в помещичьих латифундиях, чтобы прокормить свои семьи. Во-вторых, со времени отмены крепостного права прошло не более полувека, и миллионы крестьян хорошо помнили рабское состояние своих родных и близких.

В 1917 году политическая ситуация радикально изменилась. На исторической сцене появился грозный противник империи – то же крестьянство, но впервые объединенное в роты и батальоны, с оружием, навыками вооруженной борьбы и явным нежеланием погибнуть на передовой во имя чуждых ему целей. Советы солдатских и рабочих депутатов стали господствующей политической

силой, особенно в крупных городах с многочисленными тыловыми гарнизонами, где происходила подготовка пополнений для фронта. Быть или не быть монархии – решали руководители думских партий и главнокомандующие фронтами – но с оглядкой на сложившуюся ситуацию. Ситуация оказалась такой, что монархия Романовых пала за восемь дней. После падения самодержавия сложилась невиданная сплоченность политических сил. Страх перед деструктивным советским фактором объединил бывших противников – партии либеральной и социалистической демократии. Этот же страх заставил силы контрреволюции поддержать либеральную демократию.

Советы и большевики. Как отнеслись к советам большевики? В октябре 1905 года в России одновременно появились элементы двух альтернативных самодержавию политических систем – законодательная Государственная Дума и советы рабочих депутатов. Первая из них открывала путь к развитию гражданского общества, вторая – закрывала его. Вождь большевиков В.И. Ленин не случайно ратовал за превращение советов в государственную власть. Советская власть рассматривалась им как прикрытие диктатуры его собственной партии, ибо «авангард пролетариата» (этого лестного названия он удостоивал только большевиков) должен был формировать состав советов на всех уровнях, вплоть до общегосударственного. Это означало, что новая власть должна была конструироваться не по воле избирателей, которые делегировали своих представителей в советы, а по воле той политической силы, которая предлагала избирателям собственные кандидатуры. *Большевики не рассматривали народные массы, которые принимали участие в избирательной кампании в советы, как суверенную силу, которая порождает власть.*

Сразу по прибытии из эмиграции в революционный Петроград в апреле 1917 года В.И. Ленин предложил набор лозунгов, изложенных в форме тезисов. Первая половина «Апрельских тезисов», начиная от ключевого «*Вся власть – Советам!*», объясняла, каким образом большевики могут установить свою диктатуру. Далее говорилось о том, для чего нужна диктаторская власть: для строительства коммунизма. Большевики должны были переименовать свою партию в коммунистическую, принять новую, коммунистическую по содержанию программу, создать государство-коммуну, организовать новый, Коммунистический интернационал. *Программа создания государства-коммуны была выдержана в духе революционного марксизма середины XIX в.: национализация земли, превращение помещичьих имений в советские хозяйства, установление контроля советов за общественным производством и распределением, слияние всех банков в один общенациональный банк.*

Ленин был уверен, что большевики легко вытеснят из советов конкурентные социалистические партии меньшевиков и эсеров. Он не задумывался, выдвигая лозунг «Вся власть – Советам!» в то время, когда последние контролировались конкурентами. Ведь из политических партий только большевики требовали реализовать советский лозунг немедленной экспроприации крупных собственников – буржуазии и помещиков.

И все же влияние большевиков в советах возрастало слишком медленно.

Они тратили на пропаганду больше средств, чем все остальные партии, вместе взятые. Но не все их лозунги устраивали народные «низы». *В Русской революции, как и во всех известных человечеству предыдущих революциях, не было коммунистической составляющей. Поэтому в августе 1917 г. вождь большевиков решил временно отказаться от собственных лозунгов и взять на вооружение только советские.*

Популярность в обществе, которую большевики завоевали после августа 1917 года обычно связывается с их участием в подавлении корниловского мятежа. Однако смена лозунгов ленинской партией повлияла на события несравненно сильнее. В сентябре Петроградский Московский и Киевский советы впервые приняли большевистские резолюции о власти. Опираясь на возглавленный Л.Троцким Петроградский совет, большевики при помощи манипулирования нормами представительства подобрали удобный для себя партийный состав II Всероссийского съезда советов и совершили государственный переворот.

Английский историк Э.Карр не без оснований назвал Русскую революцию большевистской. В конечном итоге именно большевики окрасили ее в свои цвета. Но один из лидеров Украинской революции В.Винниченко с не меньшим основанием назвал большевистский переворот рабоче-крестьянской революцией. *Русская революция начиналась в марте 1917 года как советская и продолжилась в ноябре этого же года тоже как советская.* К этому времени большевики уже начали «перетекать» в советы. Вскоре под прессингом чекистов от советов осталась лишь оболочка. Рабочие и солдатские коллективы обязаны были дисциплинированно голосовать за кандидатов, подобранных большевистскими парткомами. Не удивительно, что Русская революция утасла в середине января 1918 года – с разгоном Учредительного собрания.

Что такое советская власть? Известный американский русист Р.Пайпс сформулировал суть советской власти таким образом: «государственная власть в стране формально принадлежала иерархически организованным, демократически избранным Советам. В действительности же последние являлись только фасадом, за которым укрывался истинный суверен, коммунистическая партия» (Россия при большевиках, М., 1997. – С.183). Здесь игнорируется факт «перетекания» партии в советы. Не стоит говорить о фасаде, коль скоро советы были той же партией, но в ином обличье. Имело ли значение то, что не все депутаты советов состояли членами партии? Ведь парткомы подбирали состав советов, руководствуясь ими же утвержденными нормами представительства беспартийных и коммунистов, социальных слоев, женщин и молодежи, национальных меньшинств.

В.И.Ленин создал намного более совершенную, нежели строение с обманчивым фасадом, систему государственного устройства «РКП(б) – советы». Элементы ее (партийные комитеты и исполнительные комитеты советов) в каждом иерархическом звене представляли собой определенную целостность, но с разными функциями: парткомы осуществляли диктатуру, а на исполкомы советов возлагалась управленческая работа. Благодаря такому размежеванию

функций партия сохраняла за собой политическое руководство, но освобождалась от ответственности за текущие дела. Советы были лишены политического влияния, но на них возлагались в полном объеме распорядительные функции. Термин «советская власть» относился не к советам, а к обоим элементам властного тандема. Советы стали всепроникающей и всеохватывающей властью. Они срастались с организационной структурой партии и придавали ей государственный статус. Но в политическом словаре большевиков понятие «государственная партия» отсутствовало!

Своей компартийной частью тандем власти обращался к членам партии. Поскольку она строилась на принципах «демократического централизма», вожди не зависели от выбора рядовых партийцев, хотя последние регулярно выбирали руководящие органы в соответствии с уставными требованиями. Своей советской частью тандем власти обращался к народу. Население страны не только выбирало персональный состав советских органов, *но и наделялось вполне реальными управленческими либо контрольными функциями.*

Две отдельные, но взаимопроникающие вертикали олицетворяли собой форму и сущность власти. По конституционной форме это была рабоче-крестьянская власть. В ее народности трудно было усомниться еще и потому, что свои руководящие кадры она черпала из народных «низов». По своей внутренней сущности советская власть являлась независимым от народного волеизъявления тоталитарным режимом.

Осуществляя диктатуру, партия не могла обойтись без силового органа с функциями политической полиции. Такой орган возник уже в декабре 1917 года – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Чекисты имели право проводить следствие, выносить приговоры вплоть до смертных, и выполнять их. Формально органы ЧК считались отделами губисполкомов и входили в наркомат внутренних дел. Фактически они подчинялись сами себе – по ведомственной линии. Лишь на вершине иерархической пирамиды их контролировали вожди партии. Эту субвертикаль нельзя считать ни равноценной партийной, ни самостоятельно существующей. Она была не более, чем материализованным воплощением диктаторской функции парткомов.

“Приводные ремни”. Надо отдать должное большевикам: они втянули в активную общественную жизнь и старых, и малых. Политическая активность населения Страны Советов просто-таки зашкаливала. Казалось, что общество выносит свой вердикт по всякому поводу, и он становится решающим в любом деле. Даже деятельность внешнеполитического ведомства сопровождалась массовыми митингами и демонстрациями – “народной дипломатией”. “Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек” – эта песня слышалась всюду, она и сейчас на слуху у старшего поколения.

Но вот какой парадокс... В 1937 году десятки миллионов людей каждую ночь тряслись от страха в своих коммунальных квартирах: не приехали ли за ними? И каждый день эти же миллионы людей с большим энтузиазмом обсуждали на собраниях самую демократическую в мире (без всякого сар-

казма!) Конституцию СССР, гневно клеймили то империалистов, то внутренних врагов народа, которые хотели подорвать их счастливую жизнь.

Мы видим, что между государством и обществом сложились весьма своеобразные отношения. Как же все это работало?

Путем массовых наборов вожди превратили партию в многомиллионную структуру – важнейший «приводной ремень» (как они выражались) от руководства к массам. Такими же «приводными ремнями» были сотни тысяч депутатов советов, комсомол, профсоюзы, творческие союзы, женсоветы, пионерские, культурные, спортивные и всякие другие организации. Чекистская субвертикаль власти тоже имела специфический «приводной ремень» – сотни тысяч секретных сотрудников (сексотов), которые информировали о действиях, настроениях и образе мыслей населения. Каждый оперативный работник располагал собственной сетью сексотов, пополнявшейся путем шантажа, административного понуждения или материального стимулирования.

Все организации строились, как и партия, на принципах «демократического централизма», которые обеспечивали всепоглощающую власть «верхов» при абсолютном бесправии «низов». Именно таким являлось «гражданское общество» советского образца.

Н.И.Бухарин был прав, отмечая колоссальный рост влияния государственного аппарата на повседневную жизнь в развитых странах Запада. Но влияние бюрократических структур возрастало в этих странах одновременно с влиянием независимых от них институтов гражданского общества. В отличие от демократических стран Запада, где государство зависело от общества, в отличие даже от тоталитарных стран, где оно навязало обществу свою диктатуру, государство в Советском Союзе глубоко внедрилось в общество своими «приводными ремнями». Советская власть не случайно дала свое название стране, народу, образу жизни и культуре. Обручами террора, пропаганды и воспитания Кремль скрепил государство и общество в органическую целостность – своеобразное государствообщество.

Эволюция власти. РКП(б) на первых порах сохраняла остатки присущего политическим партиям демократизма. Но ЦК РКП(б) стремился управлять партийной жизнью при помощи тех же диктаторских методов, которыми управлял страной. По инициативе В.И. Ленина X съезд РКП(б) принял резолюцию «Об единстве партии», которая запрещала фракции и группировки. Эта резолюция давала право двум третям членов ЦК и ЦКК исключать инакомыслящих из своего состава. Так было подорвано суверенное право партийных съездов решать вопрос о составе ЦК. С возникновением политбюро и оргбюро значение Центрального комитета РКП(б) в системе власти уменьшилось хотя бы потому, что периодичность его заседаний (пленумов) резко сократилась. С появлением в 1922 году генерального секретаря ЦК в его руках сосредоточилась, по выражению Ленина, «безграничная власть». Оказалось, однако, что та власть, которой обладал И.В.Сталин при своём назначении на пост генсека, отнюдь не была безграничной. Она стала такой позже, когда Сталин подмял под себя все структуры государстваобщества.

Говорить о диктатуре партии в СССР можно лишь с большой натяжкой. Партия действительно являлась тем каркасом, на который насаждались все прочие организации – государственные и общественные. Но она делилась на внутреннюю и внешнюю. Многомиллионная внешняя партия являлась лишь «приводным ремнём» от вождей к массам, как и все другие организации. Внутренняя партия состояла из руководящих работников, обладавших большой властью в силу занимаемой должности. Их можно было называть проводниками, но не носителями диктатуры. Вся политическая и экономическая власть в стране концентрировалась в ЦК партии, члены которого имели одинаковые права.

Мнение ЦК как целостной корпорации оказалось решающим только дважды – при «восстании» большинства членов президиума (политбюро) против первого секретаря ЦК Н.С. Хрущёва в 1957 году и при снятии его пленумом ЦК в 1964 году. В обоих случаях некая внешняя сила в нужный момент собирала разбросанных по стране членов ЦК и формировала их коллективное мнение, чтобы противопоставить его позиции большинства членов президиума или секретариата ЦК.

Политбюро ЦК с момента появления в марте 1919 года не считалось самостоятельным партийным органом, существующим отдельно от ЦК. *Именно это обстоятельство позволяло его членам принимать постановления, которые автоматически, т. е. без утверждения полным составом (пленумом) ЦК становились постановлениями ЦК.*

Съезд считался вершиной властной пирамиды, но оказался таковой на деле только в первые годы после обретения партией статуса государственной структуры. Позднее руководимый секретарями бюрократический аппарат ЦК партии взял на себя все заботы по организации работы съезда, а именно: персональный подбор кандидатов в делегаты, проведение выборов делегатов, подбор тех, кому следовало дать слово на съезде, проверку текста докладов и выступлений, подготовку резолюций. Выборы нового состава ЦК на каждом съезде проводились тайным голосованием, поскольку только такой акцией можно было придать облик политической партии той государственной структуре, в которую она превратилась. Однако в секретариате умели формировать и персональный состав ЦК.

Реальная власть в государстве со времени появления политбюро ЦК и до конституционной реформы М.С. Горбачёва сосредоточивалась именно в этом органе. Это была всепоглощающая власть, проявлявшаяся одновременно во всех сферах жизни общества. «Общественная» собственность на средства производства, которая обеспечивала функционирование государственных органов и повседневную жизнь граждан, оказалась на деле частной собственностью олигархов. Это испытали на себе немногочисленные диссиденты, когда их в качестве карательной меры лишали работы. После ликвидации ГУЛАГа и торжественных заявлений об отсутствии в Советском Союзе политических заключенных борьба с инакомыслием стала проводиться преимущественно экономическими методами.

Принцип равенства прав членов ЦК распространялся и на членов политбюро, поскольку оно не существовало отдельно от ЦК. Члены политбюро ЦК должны были принимать решения большинством голосов. Однако демократический принцип принятия решений противоречил сущности диктатуры, которая всегда требует индивидуального носителя – диктатора. Конституция, главной целью которой является регулирование властных отношений, здесь оказалась бессильной, поскольку игнорировала присутствие в стране государственной партии. Упоминание о партии появилось лишь в Конституции СССР 1936 года, причем в контексте, не имеющем отношения к проблеме регулирования властных полномочий. В соответствующей статье лишь декларировалось, что граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации, а наиболее активные и сознательные из них объединяются в ВКП (б) – передовой отряд трудящихся и руководящее ядро общественных и государственных организаций.

Выявление вождя. Олигархическая система власти была нестабильной по определению. Проблема реального лидерства должна была решаться в борьбе либо по договорённости. При жизни Ленина она не возникала, поскольку никто не отваживался бросить вызов основателю партии, государства и советского строя. После того, как Ленин покинул Кремль, в партийном руководстве разгорелась борьба, которая продолжалась шесть лет (1923 – 1928). Сталин последовательно крушил соперников, заменяя их своими выдвиженцами, и добился в конечном итоге единоличной власти. Столь же острая борьба более четырёх лет происходила после смерти Сталина. Но вот устранение Н.С.Хрущёва от власти произошло уже по договорённости большинства членов ЦК. Принцип договорённости был соблюден и при последующих выборах генеральных секретарей ЦК. Впрочем, договорённость достигалась в «подковерной» борьбе.

Кем бы ни был очередной генсек – диктатором или координатором, в его руках сосредоточивалась поистине безбрежная власть. Но она нисколько не походила на власть европейских абсолютных монархов или российских самодержцев, которая легитимизировалась происхождением, укреплялась исторической традицией и освящалась религией. Это была власть должности, и каждый её носитель был обязан время от времени подтверждать свой мандат, проходя через выборный процесс по партийной и советской линиям. Имея в руках власть, всегда можно было направить избирательный процесс в нужное русло. Однако пример Хрущёва все-таки показывал, что возможность утратить наивысший пост в этой системе власти была реальной.

Сталин хорошо понимал (не в пример Хрущёву) специфику созданного Лениным политического режима. Поэтому он устранял угрозы для своей персональной власти, не останавливаясь ни перед чем. В 1932 году в СССР разразился глубокий экономический и политический кризис, вызванный бешеными темпами капитального строительства (и возникшими вследствие этого в народном хозяйстве диспропорциями), а также и политикой максимального изъятия материальных ресурсов из сельского хозяйства. Сам Сталин позднее назвал этот курс, уже отказываясь от него, «подхлестыванием». На

фоне кризиса назревал, судя по сообщениям чекистов, социальный взрыв в давно голодавшей Украине. Предыдущий стихийный взрыв в расположенной на границе с Европой союзной республике в первые месяцы 1930 года застал Сталина врасплох и вынудил его на полгода прекратить политику сплошной коллективизации. Новые стихийные волнения большого масштаба угрожали сталинской команде устранением от власти. Чтобы предотвратить потерю личной власти, Сталин изъясил в январе 1933 года у крестьян Украины все продовольственные запасы и обрек миллионы людей на голодную смерть.

Проникновение государства в общество на всю толщу последнего и максимальная централизация государственного управления превратили народы Советского Союза, многомиллионную партию, не исключая компартийно-советской номенклатуры, и даже разветвленную организацию чекистов в инертную массу, целиком зависевшую от воли очередного вождя (если он был диктатором) или совокупности членов политбюро ЦК (если вождь был координатором). Время Н.С.Хрущева оказалось переходным от единоличной диктатуры, которая родилась в ситуации массового террора, к олигархической. Хрущев по инерции рассматривал себя как диктатора, в то время как олигархи независимо от персонального состава (за 1957-1964 гг. количество членов президиума ЦК не изменилось, но из прежнего состава в нем остались, кроме первого секретаря, лишь А.И.Микоян и М.А.Суслов) хотели видеть в нем не диктатора, а координатора. Конфликт разрешился предъявлением обвинения Хрущеву в волюнтаризме и устранении от должности.

Члены ЦК РКП(б)-ВКП(б) – КПСС, которые по уставу являлись в своей совокупности формальными носителями власти, могли проявить себя в этом качестве лишь при политическом кризисе, вызванном противостоянием вождя и олигархии. Железобетонная стабильность власти в эпоху Л.И.Брежнева объяснялась тем, что генеральный секретарь не только исключил волюнтаризм в общении с членами политбюро ЦК, но и наладил постоянные рабочие контакты с каждым из членов ЦК. Вместе с тем он игнорировал права Центрального комитета как корпорации власти. Пленумы ЦК созывались раз в квартал, если не реже. Ход их работы, как и ход работы партийных съездов, контролировался по минутам.

Взаимозависимость государства и общества. При Ленине и Сталине главным методом государственного управления был массовый террор. Родившаяся в голове Ленина идея государства-коммуны могли быть реализована только террористическими методами. Именно террор обеспечивал стабильность советской власти.

В ходе коммунистического строительства были уничтожены либо преобразованы все успевшие родиться в стране ячейки подлинного гражданского общества. Государство легло на общество всей тяжестью своих бюрократических структур. Однако даже в эпоху единоличной сталинской диктатуры оно должно было считаться в какой-то степени с нуждами и потребностями общества. Начиная в 1929 году новый коммунистический штурм, Сталин сохранил за рабочими и служащими свободный выбор места работы. Натолкнувшись

в 1930 году на яростное сопротивление крестьянства политике ползучей коммунизации, он согласился на существование осколка частной собственности в деревне под видом личного подсобного хозяйства. Уловив взрыв религиозных чувств в обществе в период малоуспешной на первых порах войны с нацистской Германией, он круто изменил отношение государства к православной церкви.

Те, кто возглавил партию после Сталина, уже не могли использовать в государственном управлении массовый террор. Чтобы удержаться у власти, они должны были заботиться о собственной популярности в глазах населения. Если в сталинском государствеобществе импульсы по “приводным ремням” шли преимущественно сверху вниз, то в последующие десятилетия импульсы снизу стали оказывать серьезное влияние на формирование правительственного курса. Советская власть впервые обрела подобие человеческого лица. Более того, она достаточно эффективно «отмылась» после XX съезда КПСС от многих преступлений сталинской эпохи, вполне обоснованно возложив вину за них на самого Сталина.

Несомненно, что сталинские преступления несли на себе отпечаток его личности. Тем не менее, они имели институциональный характер. Ни Сталин, ни любой другой диктатор, который мог оказаться на его месте, не стали бы причиной смерти десятков миллионов человек, если бы не обладали рычагами безграничной власти – неотъемлемого атрибута ленинского государства-коммуны.

«Гражданское общество» советского типа не имело горизонтальных связей. Десятки тысяч разнообразных организаций, которые вобрали в себя практически всех гражданё представляли собой «приводные ремни» вертикальной конструкции. Они не объединяли, а, наоборот, атомизировали общество, оставляя каждого советского человека один-на-один с государством – все ведающим, всеильным и беспощадным.

Жизнь первого поколения граждан СССР совпала с первыми тремя десятилетиями лет советской власти. Это была эпоха внутренних и внешних войн, строительства ленинского государства-коммуны. Не так уж мало людей помнят слова Уинстона Черчилля, сказанные по адресу советского партнера: принял страну с сохой, а оставил с ракетами. Весь вопрос в том, кому оставил... Чтобы хоть как-то восполнить ушедших в небытие людей, Сталину пришлось запретить аборты.

Первое поколение советских людей ушло из жизни, не оставив воспоминаний, способных вовлечь собственных детей в конфликт с властью. Дети родились уже в этом государстве и считали его нормальным, ибо не знали ничего иного. К тому же с прекращением массового террора у государства-коммуны обнаружилось немало сильных сторон. Можно вспомнить, как в эпоху Н.Хрущева строились жилые массивы, чтобы избавить население от коммунальных квартир. Можно напомнить, как в эпоху Л.Брежнева власть изо всех сил старалась накормить население, поскольку колхозный строй окончательно выдохся. Старшее поколение все это помнит и делает собственные выводы. Ему невдомек, что рыночный механизм хорошо регулирует спрос и предложение, в то время как в условиях командной экономики даже песок в Сахаре может оказаться в дефиците.

Что уж говорить, пока существовал Советский Союз, он внушал уважение окружающему миру не только своей ракетно-ядерной мощью. Некоторые западные мыслители с мировыми именами заговорили тогда о возможной конвергенции противоположных социально-экономических систем. Но прав оказался Михаил Жванецкий со своим бессмертным монологом о государстве. Без всякого содействия со стороны внешних или внутренних врагов, просто в силу полного отсутствия общественной поддержки государство-коммуна не справилось с вызовами постиндустриальной эпохи и развалилось. Всем его обитателям пришлось приспособливаться к миру рыночных отношений.

Распад государстваобщества. То, что происходило на переломе 80-х и 90-х гг., надо назвать антикоммунистической революцией. Она была похожа только на одну из известных истории революций – коммунистическую. Суть ее состояла в саморазрушении тех социально-экономических и политических институтов, которые были созданы советской властью за первые десятилетия ее существования. Коль скоро советский строй был не продуктом естественного развития, а реализованной силовым способом мыслительной конструкцией, он оставил после себя лишь выжженное пространство. Строить новую жизнь людям приходилось едва ли не с нуля. Опыт минувших лет свидетельствует о том, что *возвращение постсоветских стран на магистральные пути развития окажется более длительным, чем период строительства государства-коммуны.*

Не задаваясь целью выявить закономерности формирования гражданского общества в странах постсоветского пространства, остановлюсь лишь на вопросе о том, когда и каким образом ушел в прошлое тот удивительный феномен, который следовало бы назвать государствообществом.

Начало этого процесса можно точно датировать: по инициативе М.Горбачева январский (1987) пленум ЦК КПСС высказался за «дальнейшую демократизацию» внутрипартийной жизни. Делегаты на партийные съезды и конференции должны были избираться тайным голосованием, с выдвижением альтернативных кандидатур. Реформаторы стремились усовершенствовать систему власти, надеясь на то, что в реформированном виде она сможет справиться с системным кризисом советского строя, который обретал с каждым годом все более угрожающий характер. Но они явно не представляли себе, как сложится судьба государственной партии после «дальнейшей демократизации».

Послабления в партийном режиме сразу же сказались на всей общественно-политической жизни. Как из-под земли внезапно появились объединения граждан разнообразного направления. Не только в быту, но и в официальном общении властных структур они получили выразительное название «неформальных». Это были первые живые ростки гражданского общества. Для их появления не нужно было разрешений парткома и управления КГБ.

В июле 1988 года XIX Всесоюзная конференция КПСС одобрила концепцию конституционной реформы, а в декабре этого же года внеочередная сессия Верховного Совета СССР реализовала ее. В докладе на сессии парламента Горбачев так сформулировал цель предстоявшей реформы: «через демократизацию всех сторон жизни соединить интересы личности с интересами коллектива и

всего общества, на деле утвердить человека труда в положении хозяина и на производстве, и в государстве, поставить его в центр всего политического процесса» (Горбачев М.С. К полновластию Советов и созданию социалистического правового государства. – М., 1988. – С.5).

Генеральный секретарь ЦК КПСС заявлял о том, что следовало бы поставить человека труда в центр политического процесса. Где же находился этот человек все семь десятилетий «рабоче-крестьянской» власти? Риторический вопрос...

Именно с утверждения конституционной реформы, т.е. с 1989 года можно начинать отсчет процесса формирования гражданского общества в Советском Союзе. С этого же времени, - и это не простое совпадение, началась антикоммунистическая революция самораспада.

Реформа Горбачева утверждала, по его собственным словам, «полновластие Советов». Иными словами, обрезалась та пуповина, которая связывала советы с партийными комитетами. Теперь «руководящая и направляющая» роль КПСС в общественно-политической жизни должна была реализоваться иначе: через выборы партийных функционеров в советы и их деятельность в полновластных исполкомах советов. Тандем «парткомы – исполкомы советов», который являлся олицетворением диктатуры партии на институциональном уровне, ликвидировался. В результате этого партия утратила статус государственной и оказалась никому не нужной. Тесня друг друга, компартийная номенклатура ринулась в советы. Силовое поле партийной диктатуры удерживало внутренний (союзные республики) и внешний (государства Центрально-Восточной Европы) пояса империи. Поэтому с развалом социально-экономического строя развалились и партия, и советская империя.

Постсоветские и посткоммунистические страны по-разному преодолевают последствия поставленного В.И. Лениным эксперимента. Пока в этих странах нет диктатуры, гражданское общество будет развиваться. Его развитие, в свою очередь, послужит препятствием для установления диктатуры. Население этих стран уже получило в XX веке прививку против безответственных политиков, призывавших идти за ними во имя «светлого будущего». Но подрастает новое поколение, и ему нужно рассказать о прошлом.

Stanislav KULCHITSKY (KYIV, UKRAINE)
THE CIVIL SOCIETY IN "STRAIT-JACKET" OF SOVIET STATE SYSTEM

The article devotes to investigation of the prerequisites and guidelines of traditional society transformation into a civil one. The author focuses his interest at the processes of Russian civil society mutation in post-revolutionary period

Ирена ИЛИЕВА

расширение ЕС 1 мая 2004 г. представляет собой исторический шаг для всего европейского континента и уникальную возможность для усиления сотрудничества с его соседями на Востоке и Юге. Географическая близость породит конвергентные (совпадающие) интересы и обусловит общую деятельность чтобы справиться с вызовами XXI века.

ЕС рассматривает содействие политическому и экономическому развитию своих соседей как лучшую гарантию мира, безопасности и долгосрочного благосостояния.

В этом контексте ЕС желает определить амбициозную политику по отношению к его новым соседям, основанную на таких разделенных ценностях как свобода, демократия, уважение прав человека и основных свобод и верховенство закона. В решениях Совета от июня месяца 2003 г. ясно подчеркивается, что новая политика соседства - это отдельный вопрос от возможного присоединения к ЕС.

Согласно решениям политика соседства охватывает следующие государства: Украина, Молдова, Беларусь, Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Палестинская автономия, Сирия и Тунис. В документе специально упоминается и об усиленном стратегическом партнерстве ЕС – Россия, без того, однако, чтобы Россия была упомянута среди государств-партнеров в политике соседства. На более поздний этап Совет оставляет рассмотрение возможности охвата этой политикой и Южно-кавказских государств. Это стало действительностью на Совете министров иностранных дел в Люксембурге 14 июня 2004 г., когда были приобщены Армения, Азербайджан и Грузия.

Сегодня стран, которые участвуют в ЕПС 16: Алжир, Армения, Азербайджан, Беларусь, Египет, Грузия, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Молдова, Марокко, Палестинская автономия, Сирия, Тунис и Украина.

На остальных соседей ЕС распространяется действие других политических инициатив, таких как ЕЭП (Европейская экономическая политика /ЕАСТ – Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария), страны-кандидаты: Хорватия, Турция и бывшая югославская Республика Македония; потенциальные страны-кандидаты: Албания, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория и Стратегическое партнерство с Россией.

II. Предмет доклада

В настоящем докладе я остановлюсь на основных чертах (характеристиках) европейской политики соседства, ее основных направлениях, инструментах и развитии с фокусом на государства СНГ, которые участвуют в программе. Формат доклада не позволяет представить подробно специфики ЕПС в отношении каждого из государств СНГ.

III. Цели ЕПС

Через ЕПС, предлагающую разделить преимущества углубленных отношений, ЕС намерен внести решающий вклад в содействие правительствам этих государств в реализации задач политико-экономических реформ.

Целью данной политики является уменьшение бедности, создание благоприятного круга путем поощрения свободной торговли, углубления экономической интеграции, правильного управления, экономического и социального развития, модернизации и реформ через установление новых, более интенсивных взаимоотношений, основанных на таких обоюдных их общих интересах и ценностях, как эффективное госуправление, процветание, стабильность и безопасность; демократия, права человека и верховенство закона; на рыночной экономике, устойчивом развитии и реформировании ключевых секторов.

IV. Каковы взаимные пользы и выгоды?

Для стран-соседей благотворным будет извлечение максимальной пользы из всего того, что может им предложить ЕС: экономической стабильности и расширенных рынков, опыта и умения проводить реформы, культурных и других контактов между народами.

ЕПС возникла в ответ на заинтересованность и желание наших соседей от Средиземноморского до Каспийского моря завязать с ЕС более тесные отношения, которые на сегодня являются привилегированной формой отношений.

ЕПС также является откликом на ожидания, надежды и страхи граждан ЕС по поводу сложных мировых проблем сегодняшнего дня: глобализации и разрыва в уровнях благосостояния, упорядочения миграции, безопасности границ, организованной преступности, противостояния терроризму и экстремизму, ухудшения окружающей среды, озабоченности общественным здоровьем и т. д., порожденных бедностью, отсутствием безопасности, миграционным давлением и нехваткой ресурсов в общесоседском пространстве.

Бенита Ферреро-Вальднер, Член Европейской Комиссии по внешним связям и Европейской политике соседства, сказала в октябре 2005 г.: „Европейская политика соседства основывается на послышке о том, что помогая своим соседям, мы помогаем себе... Она использует ценный опыт, который мы уже извлекли из содействия странам, переживающим переходный период..., давая прагматичный ответ на сложные задачи, стоящие сегодня перед Европой”.

ЕПС направлена на создание надежных и безопасных границ, содействие экономическому, социальному и культурному обмену, без возведения „Европейской крепости” и проведения новых разделительных линий.

V. Действие ЕПС

ЕПС действует на основе партнерства и соучастия в осуществлении процесса реформ, реализуемого на основе согласованных приоритетов, отвечающих нуждам и устремлениям стран.

Не случайно еще в решениях Совета от месяца июня 2003 г. рекомендовано начать диалог в начале 2004 г. сначала с Украиной и Молдовой в рамках существующих договоренностей.

Главный инструмент - это Планы действий ЕПС, созданные на взаимной договоренности сторон³. На настоящий момент установлены 12 планов действия. Они основываются на стратегиях реформ в государствах-партнерах и

³ Смотри Приложение № 1

предоставляют рабочую основу для некоторых международных финансовых институтов.

По своей сути Планы действий ЕПС имеют одинаковую структуру, тот факт, что они обсуждались с партнерами, означает, что содержание каждого из них полностью дифференцировано, т.е. соответствует конкретной стране, отвечает специфике ее политической, экономической и социальной ситуации, нуждам этой страны и ее отношениям с ЕС.

Вот примеры политических приоритетов, содержащихся в Планах действий ЕПС: в Молдове – реформа закона о выборах, усиление независимости системы судов и основных свобод, борьба с коррупцией и непрерывные усилия по выработке жизнеспособного решения Приднестровского конфликта; в Украине – усиление независимости судебной власти, борьбы с коррупцией и разработка жизнеспособного решения Приднестровской проблемы.

Европейские инструменты добрососедства и партнерства (European Neighbourhood and Partnership Instruments ENPI) предоставляют финансовую поддержку процессу реформ. Их гибкость должна была бы позволить более лучшее использование фондов и улучшить результаты, в частности, через трансграничное сотрудничество, TAIEX и туининги.

TAIEX (Technical Assistance and Information Exchange Instrument of the Institution Building unit of Directorate General Enlargement of the European Commission) ставит целью предоставить новым государствам-членам, государствам-кандидатам и администрации стран Западных Балкан краткосрочную техническую помощь в содействии с различными политическими целями Европейской комиссии и в сфере сближения, применения и усиления европейского законодательства. Предлагается помощь и государствам, включенным в ЕПС, а также России.

Другой новый инструмент, особо указанный в документе „Усиление Европейской политики соседства” (Strengthening the European Neighbourhood Policy)⁴, - это усиление экономического и торгового компонентов. В него включены, на первом месте, поддержка ЕС в присоединении к ВТО (Всемирная торговая организация) (например, Украины) и предоставление автономных торговых преференций (например, для Молдовы).

VI. Приоритетные направления

- Политический диалог и реформа;
- Экономическое и социальное сотрудничество и развитие;
- Вопросы, связанные с торговлей, рыночной и регулятивной реформой;
- Сотрудничество в области правосудия, свободы и безопасности;
- Отраслевые вопросы, такие как транспорт, энергетика, информационное общество, окружающая среда, НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки);
- Человеческое измерение, в частности, контакты между людьми, гражданское общество, образование, общественное здоровье.

⁴ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament on strengthening the ENP, COM (2006) 726 final, not published in the Official Journal

VII. Поощрение политического сотрудничества и реформ

ЕПС оказывает поддержку внутренним политическим реформам в странах-партнерах по ЕПС и стремится усилить диалог в вопросах политики и безопасности между ЕС и партнерами. В основе политики ЕПС лежат фундаментальные ценности, которые исповедует ЕС, а именно: свобода, демократия, равенство, верховенство закона и уважение прав человека. ЕПС всемерно содействует тому, чтобы эти принципы воспринимались в соответствии с международными стандартами как общие ценности. ЕС, к примеру, уделяет особое внимание проведению свободных и честных демократических выборов в странах-партнерах.

Степень выполнения странами-соседями взятых на себя обязательств на практике варьируется, оставляя большой простор для совершенствования. Беларусь, к примеру, не получит предусмотренных ЕПС дополнительных поощрений до тех пор, пока режим президента Лукашенко не станет уважать демократические ценности.

ЕПС также ожидает от партнеров принятия обязательств по выполнению ключевых приоритетов ЕС в области внешних отношений, в том числе по соблюдению международного права, предотвращению и разрешению конфликтов, поддержке действенного мультилатерализма, сотрудничестве в борьбе с терроризмом и противостоянии распространения оружия массового уничтожения.

ЕС активно выступает в защиту основных прав человека, включительно социальных прав, свободы СМИ и слова, прав меньшинств и детей, равенства полов, права профсоюзов и других центральных трудовых норм, а также против пыток и за предотвращение плохого обращения с заключенными. Данные цели достигаются посредством применения соответствующих законов, соблюдения международных конвенций, борьбы с расовой ненавистью и ксенофобией, всеобщего обучения правам человека. ЕПС также способствует развитию и усилению роли гражданского общества в странах-партнерах по ЕПС.

Уважение прав человека и основных свобод занимает видное место в каждом из совместно принятых Планов действий ЕПС. Они содержат ряд приоритетов, предполагающих воспитание приверженности общим ценностям, включая конкретно оговоренные обязательства о соблюдении прав человека, проведение политических и управленческих реформ, обязательства, выполнение которых будет контролироваться через совместные структуры (подкомитеты), формируемые ЕС со страной-партнером.

ЕС предоставляет поддержку и компетенцию, которые помогают странам подготовить и осуществить ключевые реформы, способствующие демократизации, такие, как законы о выборах, децентрализация и усиление административного потенциала. ЕПС работает и в направлении расширения способности партнеров обеспечить верховенство закона, что включает в себя реформу гражданского и уголовного кодексов, системы судов и исправительных учреждений, а также борьбу с коррупцией и организованной преступностью. Части Планов действий, связанные с политической реформой и правами человека, основаны на принципах международного права, а также международного

стандарта прав человека, выполнять которые ЕС и страны-партнеры обязались в рамках международных (в частности, ООН) и региональных конвенций (например, Совета Европы или Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе) или по двусторонним соглашениям с ЕС. К примеру, все соседи ЕС поставили свои подписи под конвенцией ООН о правах человека.

Планы также охватывают права женщин и детей, как непосредственно, через обязательства об одинаковом обращении, равных возможностях и усилении политической, экономической и социальной роли женщин, так и через меры по борьбе с торговлей людьми.

В Планах действий ЕПС указываются области, в которых возможно усиление диалога между ЕС и его партнерами и обмен информацией в политических и внешнеполитических вопросах в широком спектре областей, охватывающих внешнюю политику и политику безопасности, международные и региональные вопросы, предотвращение конфликтов и урегулирование кризисов, такие угрозы общей безопасности, как терроризм, оружие массового уничтожения и незаконный экспорт оружия, а также по другим темам, выделенным в приоритетные в Планах действий ЕПС конкретной страны.

Зачастую в результате такого сотрудничества страны-партнеры привлекаются к участию в осуществлении аспектов ОВПБ (Общей внешней политики и политики безопасности) и ЕПБО (Европейской политики безопасности и обороны), к совместной подготовке и учениям и даже участвуют в возглавляемых ЕС операциях по урегулированию кризисов. Например, Марокко участвовал в операции ЕС „Алтея” (ALTHEA) в Боснии.

Другая очень конкретная возможность выхода стран на новый уровень политического сотрудничества состоит в том, что их могут пригласить официально примкнуть к заявлениям ЕС по вопросам внешней политики, выражающим позицию ЕС в конкретных внешнеполитических вопросах. Молдове и Украине уже была предоставлена возможность по пунктно примкнуть к таким заявлениям в области ОВПБ.

VIII. Обеспечение правосудия, свободы и безопасности

Одной из первоначальных задач ЕПС было избежать появления новых разделительных линий вдоль границ расширенного ЕС. Неоценимая роль в этом принадлежит деятельности ЕПС в сфере правосудия, свободы и безопасности, в ходе которой ЕС и его партнеры решают все более важные межгосударственные проблемы, такие как устранение миграционного давления, вопросы предоставления убежища и выдача виз, борьба с организованной преступностью, в частности, с незаконной торговлей людьми и наркотиками, терроризм, отмывание денег.

В Планах действий ЕПС, составленных совместно с партнерами, также ставится задача расширить **сотрудничество полиции и системы правосудия**, в том числе с такими организациями ЕС, как Европейское полицейское ведомство (Европол) и структура сотрудничества органов правосудия (Евроюст).

Содействие обеспечению правосудия, свободы и безопасности на всем соседском пространстве также подразумевает решение внутренних системных

проблем. ЕС и его партнеры разделяют заинтересованность в улучшении функционирования госучреждений и в обеспечении эффективного администрирования. Помощь странам в построении здоровых институтов правосудия является важной задачей, поскольку верховенство закона составляет обязательное основание для эффективного политического управления и здорового бизнес окружения. ЕС уже поддержал такую деятельность на местах, в частности, в 2004 - 2005 г.г. в Грузии была организована годовая совещательная миссия содействия совершенствованию системы правосудия страны.

Управление миграцией

На протяжении веков Европа была источником миграции, а ныне стала привлекательным пунктом назначения. Европейское общественное мнение на миграцию реагирует особо чувствительно: люди боятся, что она отразится на занятости и конкуренции за рабочие места. Однако, Европе миграция нужна, ведь ее собственное население сокращается и стареет. Без иммиграции к 2050 г. население Австрии сократится на четверть, а каждому итальянцу будет за 65. Рабочие места будут пустовать, а темпы экономического роста и уровень жизни резко снизятся.

Поэтому Европе нужно привлекать рабочих и умения извне. Значит, она нуждается в эффективном управлении миграцией, которое подразумевает установление точного баланса между закручиванием гаек в отношении нелегальной миграции и привлечением мигрантов, необходимых Европе для обеспечения экономического и социального благосостояния.

Правильное управление миграцией означает поощрение легальной миграции и мобильности, особенно определенных категорий граждан, таких, как студенты, или в тех сферах, где ЕС необходимы квалифицированные работники, но с учетом необходимости смягчения „утечки мозгов” (потери образованных, талантливых кадров) из стран партнеров.

Надо бороться и с нелегальной миграцией, а значит, нужно помочь соседям ЕС улучшить управление границей, усилить безопасность их проездных документов и увеличить их способность эффективно контролировать собственные границы.

ЕПС стремится установить именно такой баланс. Соседи ЕС, которые раньше были крупными источниками миграции, теперь все чаще выступают в качестве транзитных стран для людей, прибывающих из удаленных государств, либо сами становятся странами назначения. (Это особо видно на примере Болгарии после присоединения к ЕС в 2007 г.).

ЕС активизировал со странами-партнерами и, особенно с южными соседями, диалог о миграции. К концу 2005 г. в Иордании, Молдове, Марокко и Тунисе были созданы двусторонние постоянные рабочие группы.

В пределах своего соседского окружения ЕС финансирует проекты по созданию необходимых учреждений, улучшению пограничного контроля, ремонту приемников для просителей убежища и беженцев, по борьбе с нелегальной иммиграцией и торговлей людьми.

Ключевым является и **вопрос управление границами**, ибо, только работая сообща, ЕС и его соседи смогут эффективно управлять общими границами и

упростить законные перемещения через границу. Цель ЕС: облегчить их для людей и товаров, обеспечив при этом высокий уровень защищенности от нелегальных перемещений, а также помочь странам развить собственную способность более эффективно контролировать свои границы. Поддержка ЕС таким реформам имеет множество форм. К примеру, Молдова и Украина получают техническое содействие по управлению общей границы через Миссию ЕС по содействию границе.

Упрощение визового режима и высылка нелегальных иммигрантов

ЕС располагает конкретными инструментами оказания поддержки сбалансированной политике передвижения населения. Например, в 2005 г. между ЕС и Украиной начались переговоры по соглашению об „упрощенных визах”, цель которого: упрощение процесса получения визы украинскими гостями, направляющимися в ЕС, посредством отмены или снижения визовой пошлины, либо сокращения количества документов, представляемых определенными категориями путешественников, таких, как студенты, исследователи, коммерсанты или даже должностные лица, направляющиеся на встречи или курсы.

В ходе упрощения порядка выдачи виз, как это было сделано в случае с Украиной и Марокко, ЕС стремится заключить „договоры о реадмиссии”. В них регламентируются процедуры возвращения нелегальных иммигрантов на территорию конкретной страны-партнера.

IX. Поощрение экономической интеграции и реформ

При правильном осуществлении ЕПС должна и прямым и косвенным образом положительно сказаться на устойчивом развитии в странах-партнерах и принести всем сторонам ощутимую экономическую пользу.

Одним из средств развития торговли и инвестиций в ЕПС является поощрение экономических реформ и экономики открытого рынка. Кроме того, ЕПС предлагает соседним странам перспективу получения в будущем более широкого доступа на внутренний рынок ЕС, в зависимости от того, **насколько эти страны в состоянии согласовать с европейскими свои законы, правила и нормы, регламентирующие данную сферу.**

Экономическое положение в странах общесоседского пространства варьируется: от Израиля, который далеко опережает другие страны ЕПС по показателю ВВП на душу населения, до самой бедной страны ЕПС – Молдовы. На этом пространстве также соседствуют совершенно разные типы экономик – от положительно сельскохозяйственных до постсоветских индустриальных. Объединяющим их фактором является то, что повсеместно экономика в них переживает переходный период. В ряде стран все еще имеются проявления макроэкономического дисбаланса; во многих из них низок уровень дохода на душу населения. Нерешенным остается ряд острых социальных проблем, в том числе проблема снижения высокого уровня бедности в некоторых странах.

ЕПС предлагает специальное средство поощрения оборота промышленных товаров на основе соблюдения требований внутреннего рынка ЕС.

В Планах действий ЕПС предусмотрена перспектива подписания соглашений об оценке соответствия и приемлимости промышленных товаров (СОСПов) в

отношении определенных товаров, чье соответствие нормам ЕС уже утверждено на уровне ЕС. Прежде всего, если страна заинтересована в СОСПе, она должна привести свое законодательство в соответствие с законодательством ЕС и создать необходимые административные структуры для соответствующей отрасли. После выполнения этих предварительных условий заключается договор, который позволяет соответствующим товарам поступать на рынок ЕС без последующего тестирования или сертификации. Это избавляет их от прохождения потенциальных обременительных процедур, которые могут стать значительным нетарифным барьером для торговли и доступа на внутренний рынок ЕС.

Если страны-партнеры хотят быть в состоянии усвоить и приспособиться к конкурентоспособной динамике, порожденной более тесной интеграцией с ЕС, и повернуться лицом к решению внутренних проблем, то им необходим переход к полностью функционирующей рыночной экономике, подкрепленной здоровыми институтами и адекватной социальной политикой.

Планы действий ЕПС имеют более конкретную направленность на здоровую макроэкономическую политику. В них типично отражаются такие вопросы, как фискальная консолидация, государственный долг, управление государственными финансами и денежно-кредитная политика.

К примеру, в Плане действий Молдовы содержится: обеспечение макроэкономической стабильности и снижение чрезмерно регулируемого рынка.

Одним из первых конкретных шагов, реализованных в рамках ЕПС, было предоставление Евросоюзом Украине в декабре 2005 г. статуса „рыночной экономики” с целью применения к ней процедур, защищающих торговлю ЕС. Это значит, что при подсчете размера демпинга и дополнительно взыскиваемых пошлин в „антидемпинговых” процедурах, охраняющих рынок ЕС от осуществления третьими странами демпинга товаров по несправедливо заниженным ценам, используются собственные затраты и цены украинских компаний (а не цены третьих стран или замещающие). Придание стране такого статуса, пусть технического по характеру, является важным шагом к развитию торговли.

Структурные экономические реформы, создающие условия для экономической стабильности и роста экономики, можно поощрять, принимая в качестве отправной точки соответствующие элементы стандартов ЕС или *acquis communautaire*. Усиление сопряжения с ЕС в законодательной и регуляторной сферах должно вести к увеличению инвестиций и экономического роста. Экономический прогресс в конечном итоге зависит от решимости самой страны осуществлять реформы. Но ЕПС помогает таким странам производить изменения, необходимы для более тесной экономической интеграции, предоставляя им усиление финансовое и техническое содействие и предлагая перспективу участия в различных программах ЕС, например в исследовательских и образовательных, улучшая физические связи с ЕС в таких отраслях, как энергетика, транспорт и телекоммуникации.

Ликвидация бедности и решение социальных задач

Борьба с бедностью, экономической уязвимостью и социальной исключенностью должны стать ключевыми элементами в стратегиях реформ всех наших партнеров.

ЕПС подразумевает более активный диалог и сотрудничество с партнерами в социальных вопросах, такие как социально-экономическое развитие, занятость, социальная политика и структурные реформы. ЕС поощряет работу правительств стран-партнеров, направленную на сокращение бедности, создания рабочих мест, содействие в применении центральных трудовых норм и сокращение различий в развитии регионов. В ЕПС могут также содержаться рекомендации об улучшении условий труда, повышении эффективности социальной помощи, реформирования национальных систем социального обеспечения.

Х. Содействия подъему торговли и росту инвестиции

Содействия либерализации торговли и росту инвестиции между ЕС и его партнерами является частью центральной задачи ЕПС. Установление более сетных экономических связей с соседским пространством и внутри его будет способствовать реформам стран-партнеров, улучшению условий жизни их граждан и сделает их более привлекательными для инвесторов. Но торговать – это значит не просто открыть странам-партнерам доступ до рынка ЕС, но и поддержать самостоятельно осуществленные ими реформы, которые помогут им воспользоваться полученными торговыми возможностями.

Контрактные взаимоотношения ЕС с его партнерами предусматривают отказ от количественных ограничений товарообмена с восточноевропейскими странами, а в перспективе – подписание Соглашения о свободной торговле с Украиной. В марте 2007 г. начались переговоры с Украиной за подписание Соглашения о свободной торговле (Free Trade Agreement). По отношению к Восточной Европе намечается переход к более открытой торговле, „привязанный” к выполнению необходимых стандартов и продвижению в осуществлении экономической реформы. Например, в ходе декабрьского саммита 2005 г. в Киеве ЕС подтвердил свою готовность начать переговоры о подписании соглашения о свободной торговле с Украиной после ее вступления во Всемирную торговую организацию. В феврале 2008 г. закончился процесс присоединения Украины к Всемирной торговой организации (ВТО).

В Молдове, к примеру, успехи в улучшении администрации, а конкретно, системы контролирующей и сертифицирующей происхождение товаров, могло бы проложить ЕС путь к получению от ЕС дополнительных торговых льгот. Предложение Комиссии о регламенте, вводящем самостоятельные торговые преференции для Молдовы было одобрено Советом и применяется с 1 марта 2008 г.

Европейская политика соседства стремится открыть рынки, упростив движение произведенных странами промышленных товаров. Основой для этого является сопряжение законов и норм этих стран с законами и нормами Евросоюза.

- Снятие торговых барьеров, таможенная и безвредность пищевых продуктов
Содействие освобождению торговли значит больше, чем просто снижение тарифов или ставок таможенных пошлин. Необходимо решать вопрос о менее очевидных „нетарифных барьерах”.

- Улучшение инвестиционного климата

Сопряжение регулятивных систем также является двигателем реформ и улучшает инвестиционный климат. Использование соответствующих стандар-

тов ЕС в таких областях как право, регулирующее деятельность акционерных компаний, бухгалтерский учет, аудит и корпоративное управление, позволяе ЕС продвигать вперед структурные реформы партнеров и поощрять применение наилучшей практики, необходимой для оживления инвестиции и подъема экономического роста. Странам рекомендуется обеспечить равные условия для всех компаний. Для этого необходимо защитить права на интеллектуальную и промышленную собственность, противостоят подделкам и, через независимые органы надзора, проводить в жизнь политику честной конкуренции.

XI. Установление контактов между людьми

Содействие установлению связей между народами ЕС и их соседями является одним из наилучших средств реализации задач ЕПС. Лучшее понимание культур, истории, мировоззрений и ценностей друг друга – прочная основа развитие продуктивных политических и экономических связей. Как показал всплеск негодование по поводу карикатур на пророка Мухаммеда (мир ему) в начале 2006 г., сегодня более чем когда-либо необходимо улучшать понимание между нашими культурами.

Для достижения этих целей партнеры по ЕПС будут постепенно получать доступ к определенным программам ЕС, в том числе в области образования, обучения и молодежи, исследований, культуры и аудиовизуальной деятельности

- Улучшение качества образования и помощь молодым

„Молодежная” программа Youth адресована молодым людям в возрасте от 15 до 25 лет и включает в себя обмен группами, индивидуальную добровольную работу и прочую деятельность.

Temprus это программа с годовым бюджетом в 40 млн. евро. Она начала свое существование в 1990 г. после падение Берлинской стен. В ее ходе осуществляется проекты модернизации высшего образования и преподавательские обмены, в которых сотрудничают университеты стран-членов ЕС и университеты в странах-партнеров Восточной Европы и Средиземноморья, а также на Западных Балканах и в Средней Азии.

Эразмус Мундус это всемирная программа сотрудничества и мобильности в сфере высшего образования. Она ставит перед собой задачу улучшения качества европейского высшего образования и расширения межкультурного понимания через сотрудничество с третьими странами. В ее рамках из средств ЕС выплачиваются стипендии гражданам третьих стран, получающим магистерское образование в Европе, а также гражданам ЕС, обучающимся в третьих странах.

Студенты и институты из всех государств-партнеров по ЕПС участвуют в программе Эразмус Мундус. Особенно велика активность после создания Erasmus Mundus External Cooperation Window (EMECW).

Кроме того, программа Жан Моне финансирует создание Жан Моне-кафедру в Беларуси в 2007 г. и Жан Моне-информационный и исследовательский центр в Украине.

XII. Установление связей в соседском пространстве

ЕПС планирует связать ЕС и его партнеров, улучшив транспортные связи и обеспечения беспербойности в поставках, например энергоносителей.

- Обеспечение подъема на уровне энергетических связей

ЕС становится все более зависим от иностранных поставщиков. ЕС является крупнейшим мировым импортером нефти и газа и вторым по величине их потребителем. Возможно, что его расположение в окружении крупнейших мировых запасов нефти и природного газа в России, в бассейне Каспийского моря, на Среднем Востоке и в Северной Африке в будущем обусловит возрастание зависимости от импорта этих энергоносителей. Ожидается, что к 2030 г. доля импорта в удовлетворений общих энергетических потребностей ЕС возрастет с 50 % до 70 %.

„Газовый кризис” начала 2006 г., в ходе которого из-за разногласий, возникших между российскими и украинскими газовыми компаниями относительно цен и условий транзита российского газа, пострадал ряд стран-членов ЕС, еще раз подтвердил ЕС необходимость обеспечить бесперебойность собственного энергообеспечения. Оно приобретает еще большую значимость на фоне обострения мировой конкуренции энергетического сектора из-за усиленного роста таких экономических держав-гигантов энергопотребления, как Китай и Индия.

В обеспечении энергетической безопасности ЕС не обойтись без непосредственных стран-соседей, будь то в роли настоящих или будущих поставщиков. Поэтому расширение энергетического партнерства с этими соседями представляет собой стратегический элемент ЕПС.

Ключевые страны транзита энергетического импорта ЕС – Украина и Беларусь, государства Южного Кавказа играют значимую геополитическую роль в доставке ЕС новых запасов энергии из Каспийского региона и Центральной Азии.

Однако стратегическое энергетическое сотрудничество только импортом не ограничивается. Поэтому ЕПС предлагает расширенное сотрудничество в таких областях, как энергетический диалог, сопряжение энергетической политики стран, их законодательств и систем регулирования с целью интеграции рынков энергии, предоставляет партнерам возможность участвовать в соответствующих программах и мероприятиях ЕС с целью усовершенствования энергосетей, включая повышение их надежности и безопасности, а также эффективности энергопотребления (в т. ч. в интересах окружающей среды) и использования источников возобновляемой энергии.

Сотрудничество в сфере ядерной безопасности в частност с Украиной и Арменией – это тоже важная тема.

В декабре 2005 г. между Украиной и ЕС подписан Меморандум о взаимопонимании в области энергетической политики. В нем предусмотрен более активный диалог и как цель интеграция энергетических рынков, которая является особенно насущной, учитывая тот факт, что через украинской транзитный газопровод доставляется 40 % общих поставок газа в ЕС.

В рамках Бакинской конференции министров энергетики в 2004 г. ЕС разработал новую совместную инициативу, направленную на прогрессивную интеграцию энергетических рынков регионов Черного и Каспийского моря с энергетическим рынком ЕС. В ходе ее осуществления сотрудничают как партнеры по ЕПС – Азербайджан, Армения, Грузия, Молдова и Украина.

Заключение

ЕПС основана на концепции о концентричных кругах из государств. Отношения между ЕС и остальными странами строятся на различных подходах: к государствам-кандидатам, потенциальным кандидатам и останальном окружении. Географическо-политическая отдаленность – это только один из критериев для дефинирования соответствующей политики. Желание проведения реформ, сближения с ЕС, как и конкретные действия в этом направлении являются другими факторами, определяющими различные подходы Сообщества к ее окружению. Модель концентричных кругов применяется и в рамках ЕС, как, например, в случае с еврозоной и Шенгенским соглашением. Во внешнеполитическом аспекте она проявляется в Европейском экономическом пространстве, политиках к Западным Балканам, странам Средиземноморья и СНГ. С точки зрения отношений между европейскими региональными межправительственными организациями, модель концентричных кругов используется и по отношению к Совету Европы и ОБСЕ.

В зависимости от различных подходов к его окружению Сообщество создает и соответствующие понятия. Так, по отношению к ЕПС могут быть сформулированы категории „углубленная политическая интеграция” и „углубленная экономическая интеграция”.

Углубленная политическая интеграция означает более честый диалог более высокого уровня, содействие ЕС дальнейшему укреплению институтов, защищающих демократию и верховенство закона, поощрение реализации общих приоритетов внешней политике, таких, как региональное сотрудничество, усиление эффективности работы многосторонних учреждений, отведения угроз общей безопасности (как терроризм, экстремизм, оружие массового уничтожения и т.д.).

Углубленная экономическая интеграция означает значительное финансовое и техническое содействие в реализации оговоренных приоритетов реформ, осуществлении безграницного сотрудничества и реформ, которые, кроме прочего, помогут странам-партнерам использовать широкий доступ к торговле ЕС, предлагаемый участникам внутреннего рынка ЕС (а также содействие в соискании членство в ВТО).

В 2007 г. отмечается прогресс в области торговли и экономической интеграции. В марте 2007 г. начались переговоры с Украиной для заключения Соглашения о свободной торговле (Free Trade Agreement). В феврале 2008 г. закончился процесс присоединения Украины к Всемирной торговой организации (ВТО). Предложение Комиссии о регламенте, вводящем самостоятельные торговые преференции для Молдовы было одобрено Советом и применяется с 1 марта 2008 г. Подготавливаются исследования относительно возможности заключения соглашения о свободной торговле с Грузией и Арменией. Отмечается прогресс в области дружественного права в Молдове, а также модернизация законодательства в материи прав интеллектуальной собственности в Молдове и Армении. Диалог в этой области с Украиной продолжается. В области сотрудничества в правосудии, свободе и безопасности Украина и Мол-

дова подписали соглашения о реадмиссии и визовых льготах с ЕС, которые вошли в силу с 1 января 2008 г. Европейская комиссия начала с Молдовой пилотный проект о сотрудничестве с целью упрощения законной миграции и борьбы с незаконной миграцией. Был создан Общий визовый центр (Common Visa Application Centre) с венгерским лидерством, который включает и Австрию, Данию, Эстонию, Латвию и Словакию⁵.

Важной характерной чертой ЕПС является добровольное сотрудничество между Сообществом и государствами-партнерами. То, насколько глубоким и быстрым становится успех развития отношений партнера с ЕС, зависит от его потенциала и политической воли в осуществлении намеченных реформ. По мере продвижения вперед увеличиваются поощрения и привилегии. Это значит, что как только страны определяют секторы рынка ЕС, в которых хотят получить доступ, и затем с помощью ЕС осуществляют реформы, необходимые для получения такого доступа, они постепенно включаются в транспортные, энергетические, телекоммуникационные и образовательные сети ЕС.

Приложение № 1

Состояние контрактных отношений с ЕС и планов действий

Страны-партнеры ЕПС	Вступление в силу контрактных отношений с ЕС	Доклад по стране-партнеру ЕПС	План действий в рамках ЕПС	Утверждение в ЕС	Совместное утверждение со страной-партнером
Алжир	АА – 2005 г.				
Армения	РСА – 1999г.	Март – 2005г. Второй доклад – 3.04.2008г.	Согласован сентябрь 2006г.	13.11.2006г.	14.11.2006 г.
Азербайджан	РСА – 1999г.	Март – 2005 г. Второй доклад – 3.04.2008г.	Согласован сентябрь 2006 г.	13.11.2006г.	14.11.2006 г.
Беларусь					
Египет	АА – июнь 2004 г.	Март 2005 г.	Согласован в конце 2006 г.		
Грузия	РСА – 1999г.	Март – 2005 г. Второй доклад – 3.04.2008г.	Согласован сентябрь 2006 г.	13.11.2006г.	14.11.2006 г.

⁵ Commission Staff Working Document, Accompanying the Communication from the Commission to the Council and the European Parliament "Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2007", Brussels, 3 April 2008, SEC (2008/403).

Израиль	АА июнь 2000 г.	Май 2004 г.	Согласован в конце 2004 г.	21.02.2005г.	11.04.2005 г.
Иордания	АА – май 2002 г.	Май 2004 г.	Согласован в конце 2004 г.	21.02.2005г.	11.04.2005 г.
Ливан	АА – апрель 2006 г.	Март 2005 г.	Согласован май 2006 г.	17.10.2006г.	19.01.2007 г.
Ливия					
Молдова	РСА – июль 1998 г.	май 2004 г., второй доклад 3.04.2008г. .	Согласован в конце 2004 г.	21.02.2005г.	22.02.2005 г.
Марокко	АА – март 2000 г.	Май 2004 г.	Согласован в конце 2004 г.	21.02.2005г.	27.07.2005 г.
Палестинская автономия	Interim АА июль 1997 г.	Май 2004 г.	Согласован в конце 2004 г.	21.02.2005г.	04.05.2005 г.
Сирия					
Тунис	АА март 1998 г.	Май 2004 г.	Согласован в конце 2004 г.	21.02.2005г.	04.07.2005 г.
Украина	РСА – март 1998 г.	Май 2004 г.	Согласован в конце 2004 г., второй доклад 3.04.2008г.	21.02.2005г.	21.02.2005 г.

РСА – Partnership and Cooperation Agreement
Соглашение о партнерстве и сотрудничестве

THE EUROPEAN NEIGHBORHOOD POLICY

The paper is aimed at presenting the concept of “wider Europe” and the European Neighborhood Policy (ENP) with focus on strengthening stability, security and well-being in the region of the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS).

The priorities of the ENP fall into two broad areas: firstly – shared values and foreign and security policy, secondly – actions which will bring partner countries in a number of priority fields, e.g. economic and social development, trade and internal market, justice and home affairs and connections and contacts.

Fundamental human rights and freedoms lie behind this policy which is intended to promote a commitment to shared values. Political dialogue will be strengthened through the ENP in the above mentioned areas, with effective multilateralism as a constant goal.

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ – КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Людмила БАРБЭ

Национальная идея— это тот стержень на основе чего строится и развивается любое государство. Функции Национальной Идеи состоят в указании вектора движения для части мирового социума, объединенной в рамках национального государства. На протяжении истории может быть осуществлена концептуальная трансформация национальной идеи – от исходного к более современного и широкого понятия. Однако, отсутствие национальной идеи приводит к разладу в государстве, лишает различные силы общества возможности объединить свои усилия во имя развитого, стабильного государства, обеспечивающего свою безопасность и свое будущее. На наш взгляд, это полностью подтверждается на примере Республики Молдова.

В 1988-1990 годах Молдову, как и другие республики СССР, охватило движение национального возрождения (позже переименованное в «Народный Фронт»). Начавшись под лозунгами придания молдавскому языку статуса государственного, признания его идентичности румынскому и его перевода на латинскую графику, движение быстро, хотя и на короткое время, втянуло в свою орбиту широкие слои молдавской городской и сельской интеллигенции и студенчества. Однако, несмотря на массовость этого движения, оно не охватило все общество. Призыв возродить национальное самосознание по-разному был воспринят молдованами, русскими (они образовали свое движение - «Единство»), болгарами («Видрождение»), гагаузами («Гагауз Халкы»). Выдвигаемые Народным Фронтом ценности поддержала титульная нация, но не представители других этносов проживающих в Молдове. Общество разделилось и лидеры не преминули использовать эту ситуацию. Все последующие после декларации независимости Молдовы политформирования, как бы они себя не идентифицировали: правого, левого или центристского толка, делились на две группы. Одни устремляли свой взор на Запад, другие на Восток. В зависимости от концентрации сил на том или ином сегменте, партии или лидеры переходили из одного стана в другой. Неопределенность партий, отсутствие единого вектора движения, национальной идеи, подтверждается и программами правительств пребывавших у власти с 1991 по 2001. Хотя в «рамочных документах» каждого из кабинетов министров содержались в той или иной форме ссылки на сотрудничество с ЕС, позиционирование Молдовы в современной международной архитектуре нельзя назвать определенным. В программах премьеров М.Друк и А.Муравского ничего не гово-

рилось о взаимоотношениях с Евросоюзом. Правительство А.Сангели (1994-1996) задалось целью «расширить сотрудничество с СНГ и ЕС». Стоит отметить, что авторы данной программы не столько проводили параллель между этими союзами, сколько считали их равнозначными с другими международными структурами, такими как ООН, ОБСЕ, Совет по Евроатлантическому Сотрудничеству. Следующий кабинет министров, руководимый И. Чубук (I-е правление), определяет в качестве стратегических партнеров соседей Молдовы: Румынию, Украину и Россию. О Евросоюзе в программе не содержится ни слова. Но появляются новые акценты. Правительство выступает не только за интенсификацию сотрудничества со странами СНГ, но и за расширение связей со странами Азии, Африки, и Латинской Америки (Китай, Турция, Израиль, Кувейт, Арабские Эмираты, Египет)¹.

После парламентских выборов 1998 года к власти приходят партии которые создают Альянс за Демократию и Реформы. Новый кабинет министров И.Чубук (сохранивший практически полностью свой состав) предлагает парламенту совершенно новый взгляд на внешнюю политику страны. Впервые вектор евроинтеграции обозначен в качестве стратегической задачи Республики Молдова. Идея интеграции Республики Молдова поддержана была и следующим правительством И.Стурза, созданного Альянсом по алгоритму². Однако это правительство не было долговременным и вектор был сменен кабинетом министров Д. Брагиша. Он резко переориентирует внешнюю политику государства в сторону СНГ.

После декларации независимости молдавское общество всегда стояло перед выбором: Запад или Восток, СНГ или ЕС? Ответить на эту дилему было не просто. Со странами СНГ связана общая история на протяжении нескольких десятилетий, тогда как с Россией, Украиной, Белорусью дружба насчитывает столетия. Согласно результатам социологического опроса Барометра Общественного Мнения (апрель 2008) 52% респондентов придерживаются мнения, что Россия должна стать главным стратегическим партнером Молдовы. За приоритетное сотрудничество с Евросоюзом выступают только 20,1%, с Румынией – 17,8%, с США – 3,7%, с Украиной -2,6%³. Однако свое будущее жители Молдовы видят в Европе. Согласно результатам социологического опроса Барометра Общественного Мнения, если бы в следующее воскресенье проводился бы референдум относительно будущего страны, то 71,7 % проголосовали бы за интеграцию Молдовы в Европейский Союз⁴. И этот процент значительно возрос за последние годы. К примеру, в 2000 он составлял 38, а в 2003 -51%⁵.

Чем объясняется такой разброс в предпочтениях: видеть в числе стратегических партнеров одних, а соединять себя узами «политического брака» с

¹ И. Чубук руководил кабинетом министров два раза. I-е правление: 24.01.1997 - 22.05.1998, II 22.05.1998 - 12.03.1999

² И.Стурза 12.03.1999 - 21.12.1999

³ Barometrul Opiniei Publice, март-апрель 2008, стр. 87

⁴ Ibidem, стр. 89

⁵ Ibidem, стр. 110

другими? Для многих жителей Молдовы Россия ассоциируется с источником нестабильности. Большая часть молдавского общества считает что приднестровский конфликт инспирирован Россией и что сепаратистский режим в Приднестровье продержался благодаря поддержке определенных сил в Москве. К этому можно добавить и финансовый кризис 1998 года, введенное в 2005 году эмбарго на молдавские фрукты и овощи, а позже и на молдавские вина, газовый кризис. Все это больно ударило по экономике Молдовы и, следовательно, существенно сократил жизненный уровень граждан.

Что касается всего СНГ, то его давно уже сравнивают с классическим чемоданом без ручки - нести тяжело, а бросить жалко. Одни считают Содружество формой цивилизованного развода бывших республик Советского Союза. Другие рассматривают СНГ в качестве структуры аналогичной по целям и задачам Евросоюзу, и в этом случае проект СНГ нельзя считать успешным. Членам Содружества не удалось сформировать даже зону свободной торговли. В геополитическом смысле формирование СНГ в начале 1990-х, считают эксперты, было выгодно прежде всего России. А со стороны Кремля до сих пор не просматривалась четкая политика в отношении ближнего зарубежья. Более явной она становится с осетинским кризисом. Но и здесь имидж России неоднозначный. Вооруженное «принуждение Грузии к миру» Запад характеризует как агрессию. А государства СНГ имеющие на своих территориях замороженные конфликты выражают в этой ситуации огромную обеспокоенность. Учитывая сложность ситуации, правительство Молдовы, хотя и в сдержанной форме, высказала свою точку зрения по поводу признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. «Категорически отвергая любые силовые методы решения конфликтных вопросов, в том числе и вопросов обеспечения территориальной целостности, правительство Республики Молдова, тем не менее, не считает, что международное признание Абхазии и Южной Осетии станет фактором стабилизации обстановки, говорится в декларации. Как и в случае с признанием Косово, этот шаг лишь снижает ответственность конфликтующих сторон в поиске межнационального компромисса, в их умении находить справедливые и современные решения в рамках соблюдения принципов территориальной целостности и обеспечения прав и свобод человека»⁶.

В сложившейся ситуации для Молдовы и для других независимых государств контакты с Западом и Востоком стали вопросом экономического выживания и обеспечения безопасности.

До 2004 года у политических партий страны не было цельной идеологии, связывающей прошлое, настоящее и будущее народа. И эта идеология должна быть связана с такой национальной идеей, которая сплачивала бы одинаково и молдаван и представителей национальных меньшинств, проживающих в Молдове. Поэтому молдавская национальная идея должна быть связана с серьезными реформами одновременно в области демократизации институтов и в области экономики.

⁶ http://www.comunicate.md/index.php?task=articles&action=view&article_id=12

Национальная идея может существовать только в триаде с государством и обществом. Сложная проблема самоидентификации титульной нации и ее сосуществование с представителями национальных меньшинств реальнее всего может быть решена в рамках европейской культуры, европейских ценностей. Процесс консолидации различных этно-социальных групп возможен только на понятной всем идее, отражающей их глубинные представления о справедливом обществе, в котором и отдельная личность и целые народы имели бы возможность для духовного, интеллектуального и физического развития. А европейская цивилизация представляет эту возможность. Эта идея поддержана и на уровне молдавского общества, и на уровне руководства страны. «Для Республики Молдова расширение ЕС не является вызовом, а, скорее, возможностью для процветающего развития страны и реинтегрирования в общую Европу, заявил президента Владимира Воронина на саммите глав государств Центральной Европы в Македонии. Моя страна была и всегда будет европейской страной, которая, несмотря на историческое развитие, смогла сберечь культурные традиции и национальную самобытность, те ценности, которые, мы надеемся, будут возвращены в естественное пространство европейского мультикультурализма и полиэтничности⁷.

Вбирая в себя все виды функционального определения «национальная идея» приобретает многоаспектный, интегрально-системный характер. Национальная идея может меняться в зависимости от исторических обстоятельств, однако она всегда находится в системной зависимости от национальной безопасности. Согласно определению А.В. Возженникова, национальная безопасность включает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах их жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз и опасностей, обеспечивающее их устойчивое развитие. Иными словами национальная безопасность вбирает в себя все виды безопасности личности, общества и государства. Она выражается в потребности личности, общества и государства в устойчивом прогрессивном развитии, учитывая историю, тенденции и законы развития⁸.

Интеграция в ЕС является в Молдове неким «центром притяжения» идейно-концептуальных исканий, отражающих национальные интересы и жизненно важные потребности, взгляды на будущее страны в составе мирового сообщества. В декабре 2002 руководство Молдовы объявляет о выборе европейского пути развития, а в феврале 2005 года, в рамках Европейской Политики Добрососедства, подписывает с ЕС Индивидуальный План Действий. Документ, рассчитанный на три года, предусматривает дальнейшую демократизацию общества и государственных институтов, приведение национального законодательства в соответствии с европейскими нормами, реформы в экономике, сотрудничество в области внешней политике и безопасности.

⁷ Из выступления президента Владимира Воронина на саммите глав государств Центральной Европы 2 мая 2008 года, Охрид, Македония, <http://www.prm.md/press.php?p=1&s=6005&lang=rus>

⁸ Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М.: НПО «Модуль», 2000. Возженников А.В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. М.: ЭДАС ПАК, 2000

В течении последних лет Республика Молдова получила от евросообщества и соответствующую поддержку в реализации Плана Действий ЕС-Молдова (ПДЕСМ). В период с 2000 по 2006 гг. государства, включенные в Европейскую Политику Соседства получили 8,5 млрд. евро, в 2007г. - 1,4 млрд. евро, а на бюджетный период 2007-2013 будет выделено около 11 млрд. евро⁹.

За период 2005-2007 были достигнуты ощутимые результаты в таких областях как политический диалог и реформы, социально-экономическое развитие, торговля, рынок и регуляторная реформа, сотрудничество в таможенной области, сотрудничество в сфере юстиции и внутренних дел, транспорт, энергетика, информационное общество, международные контакты. В контексте политического диалога ЕС и РМ, огромное значение возымело открытие в октябре 2005 года в Кишиневе постоянной миссии Европейской Комиссии¹⁰.

Основным результатом выполнения Плана Действий РМ-ЕС стала интенсификация диалога нашей страны с Евросоюзом по всем направлениям, однако главную оценку выполнению плана дают граждане страны, которые почувствовали реальные результаты в самых разных областях своей жизни. Граждане Молдовы начиная с 1 января 2008 г. получили от ЕС облегченный визовый режим¹¹. До этого, 25 апреля 2008 ЕС открыл в Кишиневе Единный Центр выдачи виз, в котором жители РМ могут получить визы во многие государства не имеющие дипломатических представительств в нашей стране. Это первый такого рода проект Евросоюза. Весной 2008 года было создано партнерство в мобильности и регулировании миграционных потоков между Республикой Молдова и Евросоюзом. В ситуации, когда несколько сот тысяч молдавских граждан находятся в европейских государствах все достигнутые в этой области результаты приобретают особую значимость. Притягательной для граждан Молдовы является свобода передвижения людей, услуг, товаров и капитала.

ПДЕСМ стал действенным инструментом Европейской Политики Соседства¹² и программой для внутренних экономических и социальных реформ. Документ предоставил новые перспективы для развития отношений торгово-экономического партнерства между ЕС и Молдовой. 1 января 2006 года Молдове были предоставлены торговые преференции GSP+, пришедшие на смену прежней системы GSP¹³. С 1 марта 2008 страна получила автономные преференции. Новый режим включил ряд стратегических для молдавских экспортеров товаров, таких как сахар, вино, мясопродукты¹⁴. Это решение Евросоюза яв-

⁹ ADEPT и EXPERT GRUP, *Выполнение Плана действий ЕС-Молдова*, Chişinău, 2008, стр. 35

¹⁰ Делегация Европейской Комиссии была открыта в г. Кишинэу в октябре 2005 года. www.delmda.ec.europa.eu

¹¹ Соглашение ЕС и РМ об облегченном визовом режиме было подписано 19.12.2007, http://www.delmda.ec.europa.eu/eu_and_moldova/pdf/071219%20visa%20facilitation%20agreement%20-%20RO.pdf

¹² Европейская комиссия выработала и отправила на рассмотрение Европарламенту свою стратегию относительно новых соседей ЕС 11.03.2003, http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_en.pdf

¹³ GSP – это преференциальный торговый режим, предусматривающий беспошлинный экспорт широкого спектра товаров

¹⁴ Регламент Европейской Комиссии принятый Советом 21 января 2008г. http://www.delmda.ec.europa.eu/eu_and_moldova/pdf/080121%20ATP%20Regulation%20FINAL%20in%20the%20OJ%20-%20RO.pdf

ляется подтверждением достигнутого прогресса в таможенной области.

За три года реализации ПДЕСМ коренным образом было пересмотрено национальное законодательство. В большей части оно было приведено в соответствии с законодательством ЕС, а значит, в соответствии с международными нормами. К примеру, в области юстиции было пересмотрено законодательство о статусе судьи, судопроизводства, образовании и функционировании Высшего Совета Магистратуры, дисциплинарной коллегии и дисциплинарной ответственности судей. Эти меры обеспечивают определенные условия для создания независимой судебной системы.

Нельзя утверждать, что Молдова за столь короткий период смогла стать полностью демократическим государством. Необходимо введение в действие и обеспечение механизмов для адекватного внедрения новых законов. Но была заложена основа процессов демократизации. А существующая цель – евроинтеграция, является стимулом для дальнейшего развития государства.

Процесс расширения ЕС и евроинтеграция Молдовы рассматриваются гражданами страны как шанс для реинтеграции страны. И об этом неоднократно заявлялось на различных форумах. «Сегодня Молдова ближе, чем когда-либо к мирному решению приднестровской проблемы. Постоянная поддержка наших партнеров из ЕС, а также идея быть частью большой европейской семьи являются важными предпосылками для продвижения в процессе разрешения конфликта, заявил президента Владимира Воронина на саммите глав государств Центральной Европы в Македонии¹⁵.

ЕС, совместно с США, получил статус наблюдателя в переговорном процессе по урегулированию приднестровского конфликта. Таким образом, через новый формат 5+2, был обеспечен баланс мнений¹⁶.

Брюссель назначил так же своего постоянного представителя по приднестровскому урегулированию. Пока новый формат переговоров не дал ощутимых результатов. Но, в нынешней геополитической ситуации, сложившейся после осетинского кризиса, признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии и тенденции нового геополитического раздела, формат переговоров 5+2 может и должен стать самым действенным для обеспечения безопасности Молдовы.

Факторами влияющими на урегулировании приднестровского конфликта является не только политический диалог, но и установленная в результате совместного обращения к Еврокомиссии глав государств Молдовы и Украины миссия по мониторингу молдо-украинской границы, помощь в реформировании различных сфер деятельности, оказанные торговые преференции.

Какие перспективы могут открыться Молдове с ее вступлением в ЕС, можно предположить исследовать пример прибалтийских государств. Во-первых речь идет о комплексном обеспечении безопасности. В рамках новой, меняющейся

¹⁵ Из выступления президента Владимира Воронина на саммите глав государств Центральной Европы 2 мая 2008 года, Охрид, Македония, <http://www.prm.md/press.php?p=1&s=6005&lang=rus>

¹⁶ См.: "Europeanization and Secessionist Conflicts", G.Noutcheva, N.Tocci, B. Kovziridze, M. Emerson, M. Huyseune, 2004

архитектуре государства определили свое место. Повысился жизненный уровень граждан. Литва – схожее с Молдовой по территории и численности населения государство. В 1998 году, до начала переговоров о вступлении Литвы в ЕС ВВП (внутренний Валовой Продукт на душу населения составлял 7060 долларов США, в 2004 (к моменту вступления в ЕС) он достиг 11630 дол., а в 2006 ВВП на душу населения достиг 14550 дол. США¹⁷.

Евроинтеграция стало для Молдовы не только четким определением дальнейшего пути развития, вектором политической ориентации, но и создало условия для консолидации политической элиты молдавского государства. С определением европейского вектора развития программы по внутреннему развитию и внешней политики стали более координированными и синхронизированными. Все преобразования поддерживаются гражданским обществом Молдовы, так как в понимании большинства граждан евроинтеграция страны связана с главными свободами еврообщества, с более высоким уровнем жизни, с относительной стабильностью и безопасностью.

SUMMARY

European Integration - as a national idea of the Republic of Moldova

The functions of the National idea is to identify the vector of movement for global society, united under the nation-state. Conceptual transformation of the national idea can be carried out throughout history from the original to a more modern and larger term. Absence of a national idea denies the various forces of society to pool their efforts in the name of development, a stable country, its security and future.

Up till 2004, the country's political parties had not been a whole ideology, linking past, present and future of the people. And that ideology should be associated with such a national idea, which together would be equal to Moldovans and ethnic minorities who live in Moldova. Therefore, the Moldovan national idea should be linked to serious reforms in the economy.

National idea can exist only in the triad of state and society. The complex problem of identity which includes the entire nation can be solved within the framework of European culture and European values. The process of consolidation of various ethnic and social groups is possible only on clear idea of all, reflecting their deep understanding of the just society, in which both individuals and entire populations would be an opportunity for spiritual, intellectual and physical development. The European civilization constitutes this possibility. The process of EU enlargement and European integration of Moldova is considered by its citizens as a chance to reintegrate the country. In this context, the integration of Moldova into the EU is considered to be «the center of gravity»-ideological and conceptual pursuit, reflecting the national interest and vital needs, views on the future of the country, comprising the world community.

¹⁷ Из выступления Пятраса Ауштрявичюс, Член Сейма Литвы, бывшее главное должностное лицо по переговорам о членстве в ЕС «Путь Литвы в Европейский Союз: уроки и выводы», Львів, 19 мая 2008.

**DATE ISTORICE CU PRIVIRE
LA POPULAȚIA ARMENEASCĂ ÎN SPAȚIUL PRUTO-NISTREAN
(PÂNĂ LA SFÂRȘITUL SECOLULUI AL XIX-LEA)**

Dan HAIDARLI

În procesul dezvoltării sale istorice și culturale populația moldovenească intra în contacte de lungă durată nu numai cu reprezentanții popoarelor învecinate, dar și cu cei veniți din regiuni geografice mai îndepărtate. În calitate de exemplu de legături economice și culturale de acest gen servesc relațiile moldo-armenești.

Date precise cu privire la perioada timpurie de stabilire a armenilor în limitele spațiului Pruto-Nistrean lipsesc. Unii dintre istorici susțineau părerea că populația armenească a apărut aici în perioada de până la secolul al XIV-lea¹. Însă primele mențiuni documentare cu privire la populația armenească, existentă în acest spațiu (și anume în Cetatea Albă), datează de prin anul 1384, când catolicosul Teodoros prin emiterea unui enciclic special a supus biserica armenească din Mancarman (Akkerman, Cetatea Albă) episcopatului din Lvov².

Migranți relativ mai târzii au fost armenii, care s-au așezat în ținuturile de peste Prut ale principatului Moldova (secolele XIV-XVII). În urma persecuțiilor religioase și a dezastrului economic, produse în Armenia din cauza invaziilor hoardelor tătaromongole în secolele XIII-XIV și a armatelor turcești și persane în secolele XV-XVII, refugierea populației armenesti atât în țările vecine, dar și în cele mai îndepărtate, a căpătat proporții considerabile. Ceva mai târziu a mai apărut un factor, care a contribuit la amploarea acestor procese migraționiste – stabilirea unor legături comerciale statornice și crearea unor colonii comerciale.

Începând cu secolul al XV-lea, prin Moldova trecea o cale comercială, care lega bazinul Mării Negre cu Polonia și Germania de Est. Odată cu apariția acestei căi migrarea armenilor în direcția Moldovei se intensifică. Pe timpurile lui Alexandru cel Bun, în anul 1418, aproximativ 3 000 de familii armenesti (circa 15 000 de oameni), salvându-se de persecuții religioase, au trecut din Armenia în Moldova și s-au stabilit cu traiul în orașele Hotin, Iași, Dorohoi, Vaslui, Galați, Botoșani³.

Pe parcursul secolului al XV-lea, domnii Moldovei, Alexandru cel Bun (1400-1432) și Ștefan cel Mare (1457-1504), fiind cointeresați în dezvoltarea comerțului, încurajau instalarea armenilor cu traiul, acordându-le privilegiile comerciale. După anul 1418, treceri mai importante cu traiul a armenilor au avut loc în anii 1475 și 1606⁴. În primul sfert al secolului al XV-lea armenii, care trăiau în limitele ținuturilor moldovenești, situate între Prut și Nistru, – la Orhei, Hotin, Chișinău, Cetatea Albă⁵, – se bucurau de privilegii, oferite de domn pentru îndeletnicirile comerciale și cele meșteșugărești.

În organizarea vieții culturale și economice a armenilor rolul principal îi revenea bisericii. Majoritatea armenilor, care locuiau pe teritoriul principatului, aparțineau bisericii armeno-grigoriene și doar o parte neînsemnată a lor erau de apartenență catolică.

Un rol deosebit de important pentru dezvoltarea comerțului extern al Moldovei îl jucau legăturile armenilor, care locuiau în principat, cu colonia armenescă din Lvov. Toate acestea contribuiau la dezvoltarea legăturilor economice ale Moldovei cu Ucraina, Polonia și Rusia.

Mulți dintre armenii intrați în slujbă la palatul domnesc, dar și dintre acei care au reușit să se îmbogățească, au obținut ranguri boierești. De la armeni își socoteau obârșia neamurile boierești Pruncul, Buiuciu, Solomon, Simeon⁶. Reprezentanții cei mai înstăriți ai comunității armenesti deja în secolul al XVI-lea au primit acces la dregătoriile de frunte de la palat. Dintre aceștia și-au câștigat faima hatmanul Petru Vartic (murit în anul 1548), al cărui nume se pomenește într-o baladă populară moldovenească; Iurașcu Vartacovici, un sfetnic apropiat al domnului Iancu Sasul. De proveniență armean a fost și domnul Moldovei Ion Vodă cel Cumplit (1572-1574), care a avut în popor și un alt nume – Ion Armeanul.

Spre începutul secolului al XVIII-lea, apar primele mențiuni documentare cu privire la breslele profesionale armenesti (ingeritiun). Există mențiuni cu privire la breslele de pielari, cizmari și alți meseriași⁷. Afară de breslele specializate, care-i includeau pe cei ce profesau o meserie, existau bresle unite, alcătuite din comercianți și din diferiți meșteșugari.

Recensământul din anul 1774 a înregistrat, în ținuturile dintre Prut și Nistru ale Moldovei, 62 de familii armenesti, (sau circa 310 armeni de ambele sexe), ceea ce constituie până la 0,3 % din numărul total de familii, inclus în liste (21,6 mii)⁸.

Pe lângă comunitățile armenesti, care existau în limitele ținuturilor moldovenești aflate între Prut și Nistru, mai existau și comunități armenesti, care locuiau pe teritoriul raialelor turcești de pe cursurile inferioare ale Nistrului și Dunării – Chilia, Ismail, Bender, Akkerman. În cadrul recensămintelor populației, efectuate de reprezentanții comandamentului rus în sudul spațiului Pruto-Nistrean în cursul războaielor ruso-turce din a doua jumătate a secolului al XVIII-lea, au fost înregistrați: la Chilia – 112 armeni de sex masculin (în anul 1790)⁹, la Akkerman – 267 de armeni de sex masculin (1774), la Bender – 148 de armeni de sex masculin (1790); la Ismail, în ianuarie 1791, au fost înregistrați 1 400 de armeni de ambele sexe. Afară de acestea, în 1772 au fost înregistrați 268 de armeni de ambele sexe în or. Căușeni¹⁰; în satele din circumscripțiile orașelor menționate recensămintele conțin date cu privire la viețuirea aici încă a cel puțin 1 442 de armeni de ambele sexe, dintre care circa 1 400 de oameni – în circumscripția cetății Ismail¹¹.

Din datele aduse reiese că în acea perioadă populația armenescă a orașelor și satelor din sudul spațiului Pruto-Nistrean, aflate sub jurisdicția autorităților otomane și a celor tătare, constituia nu mai puțin de 4 164 de persoane de ambele sexe (circa 6,9% din populația sedentară locală).

O etapă importantă în stabilirea cu traiul a armenilor în Basarabia și în stânga Nistrului au constituit-o strămutările lor din teritoriul raialelor turcești în Bugeac înspre regiunile de pe cursul de mijloc al Nistrului, care s-au început încă în timpul

războiului ruso-austro-turc din anii 1787-1791. După luarea cu asalt a cetății Ismail de către trupele ruse, de acolo¹², în conformitate cu dispoziția lui M. I. Kutuzov, înspre Bender și Dubăsarii Noi au fost strămutate 91 de familii armenesti. Concomitent, tot aici se strămutau armenii din Chilia, Akkerman, Căușeni. Numărul total al armenilor strămutați a constituit, către sfârșitul anului 1791, circa 4 000 de oameni.

În anul 1809, în orașele basarabene au fost înregistrate 321 de familii armenesti¹³; cele mai numeroase fiind comunitățile armenesti de la Akkerman (Belgorod-Dnestrovskii) – 116 familii, și de la Chișinău – 113 familii; la Orhei – 34 familii și la Ismail – 32 familii. Numărul total al armenilor care locuiau la orașe în acea perioadă nu întrecea cifra de 1800 de oameni.

Spre anul 1817, numărul armenilor a crescut considerabil și a constituit cifra de 2738 de oameni¹⁴ sau 0,25 % din populația Basarabiei.

Colonia armeană din Grigoriopol a fost fondată în stânga Nistrului în anul 1792. Spre mijlocul secolului al XIX-lea Grigoriopolul devine un important centru comercial. Începând cu anul 1802, în Grigoriopol se stabilesc cu traiul și persoane de alte naționalități. Spre anul 1863 în Grigoriopol locuiau 6 477 persoane, printre care prevala populația ucraineană, moldovenească, rusă, iar cea armenescă era în minoritate¹⁵.

În Basarabia, pe parcursul secolului al XIX-lea, armenii locuiau, de obicei, la orașe. Astfel, în conformitate cu datele recensământului din anul 1827, în partea de sud a Basarabiei locuiau 986 armeni, dintre care 704 la Akkerman, 282 la Ismail și în orașelul Tuciov¹⁶.

Pe parcursul secolului al XIX-lea, o bună parte dintre armenii din Basarabia se preocupau cu comerțul. Însă, din datele aduse de P. Keppen¹⁷, reiese că din numărul total al comercianților armenii constituiau circa 9,1 %, pe când evreii – 56,2 %, moldovenii și rușii – 26,7 %, grecii – 9,1 %. Grupuri nu prea numeroase de armeni se așezau cu traiul în sate. Astfel, în recensământul din 1774 în satul Cârhana¹⁸, ținutul Greceni, au fost înregistrate 32 de familii de armeni, refugiați din circumscripția cetății Ismail; în recensământul din 1820 la fel există date cu privire la populația rurală armenescă¹⁹.

Pe parcursul celei de-a doua jumătăți a secolului al XIX-lea, componența numerică a armenilor în Basarabia creștea neînsemnat, iar spre finele secolului a început să scadă considerabil. Astfel, în această perioadă numărul populației armenesti aici era următorul: în anul 1850 – 2 676 oameni, în 1861 – 2 328 oameni, în 1870 – 3 327 oameni, în 1880 – 3 314 oameni, în 1897 – 2 080 oameni²⁰. Spre finele secolului, cota parte a armenilor în populația Basarabiei, de asemenea, a scăzut – dacă în anul 1835 ei constituiau 0,3 % din numărul total al populației, atunci în anul 1897 – 0,1 %²¹.

Spre sfârșitul secolului al XIX-lea populația armenescă se concentra la Akkerman (608 oameni), Chișinău (369 oameni), Bălți (196 oameni), Orhei (197 oameni) și, de asemenea, în satele din districtele administrative ale acestor orașe. În mediul urban locuiau 62,2 % dintre armeni, în mediul rural – 37,8 %²².

Datele aduse caracterizează tendința generală a dezvoltării populației armenesti în regiune – lipsa de creștere numerică în a doua jumătate a secolului al XIX-lea în Basarabia. Cauzele acestei stări de lucruri constau în asimilarea armenilor de către populația moldovenească, proces care a început, mai cu seamă, din anii '30-40 ai

secolului, dar și în migrarea unei părți a armenilor din Basarabia spre Armenia (regiunile Erevan și parțial Nahicevan), ieșită, în urma războiului ruso-persan din anii 1828-1829 de sub suzeranitatea musulmană – ceea ce a pus aici capăt persecuțiilor, cărora a fost supusă populația creștină timp de mai multe secole.

Cu toate că numărul armenilor era relativ nu prea mare, viețuirea lor seculară în limitele spațiului Pruto-Nistorean a lăsat adânci amprente în viața culturală a regiunii. Armenii totdeauna mențineau relații de prietenie cu populația moldovenească, în mediul căreia viețuiau.

Comunitățile armenesti din Chișinău, Bălți, Akkerman, Ismail și din alte orașe au avut un rol important în dezvoltarea economică și culturală a Basarabiei. Acestea au contribuit la consolidarea legăturilor de prietenie moldo-armene.

Note

¹ Bezviconi G. *Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse*. București, 1962, p. 22; Neigebauer, Beshreibung der Moldau und Valachei. Bd. 11. Breslau, 1859, s. 82.

² Bezviconi G. *Ibid.*, p. 22.

³ Pray G. *Disertationes historico-criticae*. Viena, 1775, p. 170.

⁴ Polek J. *Die armenier in der Bucowina*. Czernowitz, 1900, s.101; Защук А. И. *Этнография Бессарабской области* // Записки Одесского Общества Истории и Древности (ЗООИД). Т. V, Одесса, 1863, с. 505.

⁵ Меликсет-Беков Л. М. *Армянские древности в Аккермане (в Бессарабии)*. Тифлис, 1911, с. 9.

⁶ Зеленчук В. С. *Социальное и демографическое развитие армянского населения Молдавии в XIV-XIX вв.* // Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1978, nr. 1, с. 57-59.

⁷ Geilav G. *Statutele breslei tinerilor botoșeneni, ieșeni și româșcani* // Arhiva din Iași, 1896. Vol. III, p. 639.

⁸ *Молдова ын епока феудализмулуй (МЕФ)*. Вол. VII. Партя I, II. Реченсэминтеле популацией Молдовой дин аний 1772-1773 ши 1774. Кишинэу, 1975.

⁹ Киртоагэ И. Г. *Численность и этнический состав населения городов Бендеры, Килия и Аккерман в XVIII – начале XIX в.* // Булетинул Академией де Штиинце а РСС Молдовенешть, 1977. nr. 1, с. 34-42.

¹⁰ Chirtoagă I. G. *Din istoria Moldovei de Sud-Est până în anii '30 ai secolului al XIX-lea*. Chișinău, 2000, p. 118.

¹¹ *Ibid.*, p. 116-120.

¹² Ананян Ж. А. *Армянская колония Григориополь*. Ереван, 1966; Писаревский Г. *Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.* // Записки Московского археологического института, 1909. Т. V, с. 388.

¹³ Popovici I. *O satisfacție a armenilor și a populației armene din Moldova, Valahia și Basarabia* // Arhivele Basarabiei, 1930, nr. 3, p. 296.

¹⁴ Basarabia. Chișinău, 1926, p. 71-72.

¹⁵ *Херсонская губерния*. Вып.1. Херсон, 1910, с. 2.

¹⁶ *Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением карты*. Аккерман, 1899, с. 113, 375.

¹⁷ Кеппен П. *Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г.* С-Петербург, 1857, с. 24.

¹⁸ МЕФ. Вол. VII, п. 2, п. 214-215.

¹⁹ Tomescu C. N. *Cartografia Basarabiei la 1820, 127 sate din Ținutul Orheiului*. Chișinău, 1931, p. 13-14.

²⁰ Зеленчук В. С. *Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в.* Кишинев, 1979, с. 223.

²¹ *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* Т. III, С-Петербург, 1905, с. 2-3.

²² Там же, с. 2-3.

SUMMARY

HISTORICAL DATA ON THE ARMENIAN POPULATION IN PRUTO-NISTREAN SPACE (TILL THE END OF THE XIXTH CENTURY)

In the proposed article there are cited historical data contained in different sources which refer to the evolution of the Armenian population in Pruto-Nistrean space during the XIVth – XIXth centuries. There are examined principal conditions of their habitation, information concerning their religious and professional organization, as well as documentary data on the evolution of their number in the XVIIIth and XIXth centuries and reasons that led to the development of the population and at the end of the XIXth century – to the dramatic decrease in their number within the borders of the Prut and Dniester interfluve.

LEGISLAȚIA MIGRAȚIONISTĂ RUSĂ ȘI EXODUL POPULAȚIEI BASARABENE LA FINELE SECOLULUI AL XIX-LEA – ÎNCEPUTUL SECOLULUI AL XX-LEA

Valeriu SCUTELNIC

În prima jumătate a secolului al XIX-lea politica colonială promovată de autoritățile ruse de ocupație, pământul fertil și inexistența șerbiei au atras în Basarabia un flux masiv de reprezentanți ai unor etnii alogene. Aici s-au stabilit cu traiul bulgari, ucraineni, ruși, polonezi, germani. Imigranții profitau de numeroase înlesniri acordate de guvernul rus: 1) scutirea de prestarea serviciului militar; 2) scutirea de plata impozitelor pentru o anumită perioadă; 3) împrumutarea cu loturi mai mari, în comparație cu băștinașii. Măsurile întreprinse de guvernul țarist urmăreau un scop bine determinat – de a reduce procentul populației autohtone și de a crea un conglomerat pestriț de etnii, astfel diminuându-se caracterul românesc al provinciei anexate în urma tratatului de pace de la București din 16/28 mai 1812.

În a doua jumătate a secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea, în Basarabia se atestă o scădere a fluxului de imigranți, dar și un fenomen nou – strămutarea țăranilor basarabeni dintr-un județ în altul, în căutarea terenurilor agricole libere (de obicei, din județele de nord în cele din sud) și emigrarea în alte gubernii și regiuni ale Imperiului rus. Motivele expuse de către țărani în cererile referitoare la strămutare erau diferite: lipsa mijloacelor de existență, trecerea în alte categorii sociale mai privilegiate (în special în categoria mic-burghezilor – V.S.), împrumutarea inegală. Totuși cauza principală a strămutărilor de populație rurală din Basarabia era politica agrară și de colonizare promovată de guvernul rus în provincie. Lipsa acută de terenuri arabile, creată artificial de către autoritățile țariste, prin colonizări masive și aplicarea trunchiată a reformei agrare, a generat un exod masiv de populație.

Reforma țărănească din anii '60-70 ai secolului al XIX-lea, implementată în Basarabia, ca și în alte gubernii ale Imperiului rus, a rezolvat temporal și parțial, acuta problemă agrară. O consecință a acesteia a constituit-o suprapopularea agrară, în ținutul dintre Prut și Nistru instituidu-se o evidentă inegalitate în repartizarea terenurilor agricole. În satele Basarabiei s-a intensificat procesul diferențierii materiale și sociale a țăranimii, formându-se, pe de o parte, o categorie socială de țărani înstăriți, pe când alții, din cauza lipsei inventarului agricol și a capitalului inițial, își vindeau loturile primite, pauperizându-se. În căutarea unor surse de existență, aceștia erau nevoiți să-și părăsească casele și să se strămute, împreună cu familiile, în alte județe ale Basarabiei, sau în alte gubernii și regiuni ale imperiului.

În anii '60-70, majoritatea emigranților basarabeni se stabileau cu traiul în regiunea Mării Negre, Caucaz și Kuban – în guberniile Cernomorsk, Bakinsk, regiunile Kuban și Terek. Începând cu anii '80, se atestă un val de emigrări masive în Siberia, Asia

Mijlocie, Extremul Orient (în regiunile Semirecinsk, Semipalatinsk, Akmolinsk, guberniile Samara, Orenburg, Tobolsk, Enisei, Irkutsk, Tomsk, regiunea Primorie, în ținutul Amursk și Usuriisk)¹, guvernul rus strădiundu-se să valorifice prin colonizări terenurile arabile din acele regiuni. Totuși emigrarea în Caucaz și Kuban a continuat.

Pînă în anii '80 ai secolului al XIX-lea, țăranii care doreau să se strămute se confruntau cu împotrivirea administrației țariste, deoarece „cadru legislativ existent nu reglementa strămutarea țăranilor pe întreg teritoriul Imperiului rus”². În același timp, guvernul țarist nu putea ignora emigrarea „samavolnică” a țăranilor, fiind nevoit să emită unele legi, ordonanțe și circulare referitoare la strămutarea reprezentanților diferitelor categorii de țărani, preponderent cei de pe domeniul statului și a coloniștilor, pentru a opri plecarea țăranilor de pe domeniile marilor latifundiați. Confruntându-se cu intensificarea strămutărilor țăărănești, autoritățile țariste au fost nevoite să facă unele cedări în privința organizării procesului de migrare în interiorul Imperiului rus.

În anul 1881, guvernul rus a emis un regulament provizoriu care prevedea acordarea unor concesiuni emigranților din partea administrației. Dar și în acea perioadă „permisiunea de a migra o primeau doar persoanele pentru care făcea demers obștea sătească”³ din care ei plecau. În această privință putem remarca corespondența guvernatorului Basarabiei cu *Administrația proprietăților statului din Basarabia* din ianuarie 1883, referitoare la interzicerea strămutărilor „samavolnice” a țăranilor în alte gubernii ale imperiului fără acordul obștii, organelor administrației locale și guberniale⁴.

Începînd cu anii '80 ai secolului al XIX-lea, a fost inițiată activitatea cu privire la elaborarea proiectului de lege referitor la migrare. Legea adoptată în 1889 „*Despre migrarea locuitorilor rurali și mic-burghezilor pe pămînturile domeniiale*” stimula migrațiunea țăranilor avuți, mărginind considerabil strămutările țăranimii sărace de la periferiile imperiului. Legea acorda dreptul administrației locale de a suspenda sau interzice migrarea. Permisieunea pentru strămutare se elibera doar cu consimțămîntul a trei miniștri, cu condiția existenței pămînturilor libere pentru coloniști și a recunoașterii de către guvern a necesității și oportunității strămutării. Țăranii care migrau erau datori să restituie obștii loturile de împrumut, fără recompensare, în schimb erau scutiți de la plata restanțelor la impozite. Ei urmau să dispună de o sumă de 125-300 ruble pentru înființarea gospodăriei la locul nou de trai. Acordarea asistenței pentru deplasarea și aranjarea emigranților la noul loc de trai s-a inițiat concomitent cu crearea *Comitetului căilor ferate din Siberia*, lucru condiționat de necesitatea colonizării și valorificării rapide a raioanelor aferente.

Condițiile emigrării au fost facilitate definitiv prin legile din anii 1896 și 1904. La 15 aprilie 1896, a fost emisă o nouă lege referitoare la migrare, prin care s-a simplificat procedura strămutării în raioanele aferente căii ferate din Siberia. Persoanele care obțineau permisiunea să se strămute primeau un credit pentru întemeierea gospodăriei și beneficiau de înlesniri fiscale ș. a. Emigranții „samavolnici” erau privați de orice înlesniri, fiind împrumutați ultimii, cu loturi de o calitate inferioară. Ajutorul acordat coloniștilor era insuficient. În anii 1893-1900, mărimea ajutorului material varia între 77 și 134 de ruble, în timp ce pentru întemeierea unei gospodării noi era nevoie de circa 250-300 de ruble, în funcție de regiune⁵.

Prin decretul din 2 decembrie 1896 a fost creată *Direcția de migrațiune*, care supraveghea procesul de colonizare, elibera permisiunile pentru strămutare, etc.⁶ Recunoscîndu-se inoportună interdicția strămutărilor libere ale țăranilor și reîntoar-

cerea forțată a „samavolnicilor” la vechiul loc de trai – stipulații specificate în Legea cu privire la migrațiune din 1889 - în varianta finală a legii „*Principiile temporare privind migrațiunea benevolă a locuitorilor rurali și mic-burghezilor*”, aprobată la 6 iulie 1904, au fost evidențiate două tipuri de migrațiune: 1) strămutarea țăranilor cu acordul și concursul guvernului și 2) strămutarea „samavolnică” sau „liberă” - drept al fiecărei persoane de a pleca la noile locuri de trai fără o permisiune specială a guvernului.

Proclamarea principiului „migrațiunii libere” avea un caracter declarativ, tot sistemul de înlesniri (acordarea creditelor obștilor țărănești cu eșalonarea plății pe un termen de 5 ani, stabilirea unor înlesniri pentru achitarea plății de răscumpărare a terenurilor arabile și a impozitului funciar, reducerea tarifului de călătorie pe căile ferate pentru migratorii care se deplasau la noul loc de trai, scutirea temporară de impozitele de stat și de zemstvă etc.) era destinat doar celor ce obținuseră autorizația de a emigra⁷.

Intenția de a susține și chiar de a forța migrarea țăranimii sărace, legalizată de legea din 6 iulie 1904, a fost confirmată și de legea din 10 martie 1906 „*Regulamentul privind aplicarea legii din 6 iulie 1904*” și de unele acte legislative și normative referitoare la realizarea reformei agrare a lui P.Stolîpin, prin care a fost promovat și pus în aplicare principiul „migrațiunii libere” a țăranilor. Prin decretul din 10 martie 1906 migrațiunea a fost declarată „nu numai liberă, dar, în anumite cazuri, ea merita chiar încurajare și concursul guvernului”⁸. Astfel, putem afirma cu certitudine că atitudinea guvernului rus față de migrațiunile în interiorul imperiului se modifică pe măsura ce crește ritmul acestui proces.

Prin anularea restricțiilor la emigrare a țăranilor dincolo de munții Ural (cu excepția delegării preliminare a delegaților pentru alegerea și înregistrarea loturilor de pământ), acordarea adeverințelor de împuternicit pentru călătorie preferențială în Siberia, iar familiilor migratoare a creditului pentru drum și organizarea gospodăriei, guvernul a stimulat strămutarea țăranimii sărace, considerată ca o măsură de rezolvare a problemei agrare în guberniile cu densitate înaltă a populației și de degajare a tensiunilor sociale din mediul rural. Paralel se urmărea scopul de a valorifica, din punct de vedere economic, teritoriul de după Ural⁸.

Afară de legile generale privind emigrația, autoritățile țariste au emis o serie de circulare, ordonanțe ce reglementau procesul migrațiunii în diferite regiuni și gubernii ale imperiului. La 6 martie 1892, Ministerul Afacerilor Interne emitea o circulară⁹ de maximă importanță pentru țăranii care aveau intenția să emigreze în regiunea Altai. În acest document se stipula că „din cauza intensificării emigrației, mai ales în regiunea Altai, o primire ulterioară a emigranților este imposibilă pînă nu vor fi defrișate noi terenuri (...) de aceea s-a hotărît suspendarea temporară a emigrării în acea regiune”¹⁰. Ministerul Afacerilor Interne atenționa administrațiile guberniale ca: 1) toate cererile de strămutare în regiunea data să rămînă fără urmări; 2) să acorde o atenție sporită pașapoartelor pentru plecarea temporară, dar să nu sisteze acordarea unor asemenea pașapoarte persoanelor care pleacă la munci sezoniere; 3) să instituie un control riguros asupra căilor și punctelor de migrare, iar persoanele ce n-au permisiunea autorităților de a se strămuta să fie întoarse¹¹.

Dacă emigrarea în regiunea Altai a fost temporar stopată, apoi în alte regiuni ale Imperiului rus continua. O circulară urgentă, cu nr. 5906, din 7 septembrie 1896, adresată judecătorilor-subprefecți, ispravnicilor județeni și șefilor de poliție din

Basarabia, stipula următoarele condiții pentru emigranții în ținutul Iujno-Usuriisk: a) fiecare familie primea cîte 100 desetine de pămînt și înlesniri la plata impozitelor pe o perioadă de 20 de ani; b) pe parcursul a 3 ani coloniștii erau scutiți de impozitul funciar, atît de cel în natură, cît și de cel în bani; c) în privința prestării serviciului militar aceștia urmau să se supună normelor și rigorilor stabilite în ținutul dat; d) strămutarea se efectua din contul emigranților, dar, după sosirea la Vladivostok, coloniștii puteau primi, pentru întemeierea unei gospodării, un împrumut pentru o perioadă de 33 de ani (primii 5 ani fiind scutiți de rambursare, iar pe parcursul următorilor 28 de ani erau obligați să-l amortizeze prin cotizații de 6%); e) călătoria pînă la Odesa era achitată conform tarifului de circulație pe căile ferate pentru emigranți, iar de acolo pînă la Vladivostok - cîte 90 de ruble pentru persoanele cu vîrstă mai mare de 10 ani, pentru copiii între 2 – 10 ani – cîte 45 de ruble, iar pentru copiii mai mici de 2 ani - cîte 22 de ruble 50 de copeici. Pentru transportarea bagajelor, ce depășeau norma admisibilă (2 puduri – aproximativ 32 de kg pentru fiecare persoană matură) se percepea o taxă de 1 rublă 40 copeici pentru fiecare pud; f) pentru a stimula creșterea numărului de femei ce intenționau să se strămute în ținut, s-a decis acordarea unor privilegii și înlesniri. Astfel, dacă familia era alcătuită din doi bărbați și trei femei, pentru una dintre ele cheltuielile pentru călătorie erau suportate de către stat; g) strămutarea se efectua primăvara pentru ca noii sosiți să-și poată aranja gospodăria pînă la începutul sezonului rece¹².

Potrivit unor date, strămutarea unei familii medii (5 membri¹³), costa aproximativ 450 ruble, de aceea doar familiile ce aveau surse financiare suficiente puteau întreprinde o asemenea călătorie. Administrația locală le recomanda migratorilor să nu ia obiecte voluminoase, ci doar: a) veselă metalică; b) părțile metalice ale uneltelor; c) instrumente și ustensile meșteșugărești; d) semințe (în afară de secară, care nu este rentabilă de cultivat în Siberia); e) haine, încălțăminte, albituri, ș. a. Bagajele urmau a fi bine împachetate și se depozitau în compartimentul pentru bagaje. Migratorilor nu li se recomanda să ia cantități mari de produse alimentare ușor alterabile. Bani achitați pentru călătorie erau încasați în schimbul unei recipise. O condiție necesară era ca fiecare familie care pleca să dețină, după achitarea taxei pentru transportare, o sumă de 300 ruble, considerată suficientă pentru întemeierea unei noi gospodării. Înainte de plecare, toți membrii familiei treceau controlul medical, pentru a nu se permite emigrarea persoanelor contagiate de boli infecțioase. Toată informația privind grupul de emigranți era prezentată, în mod obligatoriu, *Administrației guberniale pentru probleme țărănești*, nu mai tîrziu de 1 noiembrie¹⁴. Fiecare familie primea de la aceasta un set de documente pentru a putea circula liber pînă în regiunea de destinație.

La 10 mai 1896, circulara secretă cu nr. 13, emisă de Ministerul Afacerilor Interne adresată guvernatorului Basarabiei, conținea copia textului legii privind emigrarea, cu unele specificări: 1) emigranții obțineau unele facilități, inclusiv o taxă redusă pentru circulația pe căile ferate; 2) coordonarea procesului migrațiunii era încredințată *Administrației guberniale pentru probleme țărănești*; 3) emigranții se stabileau pe locurile noi de trai numai în cazurile cînd acolo exista pămînt liber, practicabil pentru agricultură; 4) persoanele care aveau restanțe la impozit urmau să le achite la locul nou de trai¹⁵. Ministerul Afacerilor Interne atenționa autoritățile locale să ia măsuri ca emigranții de altă origine etnică decît rusă să nimerească în comunități ruse¹⁶,

scopul fiind evident – *deznaționalizarea*.

Circulara guvernatorului Basarabiei, A.Konstantinovici, din ianuarie 1897, adresată administrației guberniale stipula că prioritate pentru strămutare o aveau: „1) persoanele care n-au primit un lot de pământ, nici de la stat, nici de la comunitățile lor rurale, și în componența familiilor lor erau prezente două persoane apte de muncă; 2) persoanele care au fost recrutate pentru efectuarea serviciului militar. În categoria aceasta erau incluși: a) ofițerii inferiori, ce și-au satisfăcut serviciul militar în forțele armatei terestre cel puțin 10 ani, sau la marină – cel puțin 7 ani; b) persoanele care au fost rănite în timpul războiului; c) persoanele care au ordine, nu mai mici de gradul trei; d) persoanele care au făcut serviciul militar în Siberia sau în regiunile de stepă, apoi s-au întors la baștină; e) persoanele care au făcut serviciul militar în partea europeană a Rusiei, iar familiile lor au emigrat, între timp, în Siberia sau guberniile de stepă ale Imperiului rus”¹⁷.

Pentru a stopa strămutările „*samavolnice*” Ministerul Afacerilor Interne cerea ca obștea, înainte de emigrare, să trimită cîțiva delegați (*hodoki*), avînd la ei documentele necesare și împuternicirea din partea obștii. Ei aveau sarcină să aleagă noul loc de trai și să ceară acordul de primire a emigranților de la autoritățile locale. Totodată se specifica: „țărani care au primit mai înainte permisiunea ministerului, de a se strămuta, o pot face fără nici o restricție”¹⁸.

Emigranții puteau să se deplaseze pînă la locul destinației fie pe cale ferată, fie pe cale maritimă. Principalele rute de circulație pe cale ferată spre Siberia erau: 1) *linia Ekaterinburg – Tiumen, cu branșa spre Celeabinsk din Ekaterinburg*; 2) *Sîzrani – Celeabinsk*; 3) *pe cale maritimă – portul Vladivostok*.

În timpul călătoriei emigranții suportau lipsuri. Condițiile de călătorie erau grele. Ca urmare a foametei și condițiilor neigienice se declanșau epidemii, iar mortalitatea avea un grad sporit. Destul de deplorabilă era situația emigranților după sosirea la locul nou de trai. Cu toate că guvernul a adoptat o serie de acte normative pentru a ameliora situația emigranților, aceștia se confruntau deseori cu numeroase piedici din partea autorităților locale, cu condițiile climaterice deosebite de cele cu care se obișnuiseră în Basarabia. Mulți dintre coloniști nu primeau pământ din cauza lipsei terenurilor care trebuiau să fie defrișate în prealabil. Conform datelor oficiale, cheltuielile minimale pentru construcția unei case, procurarea inventarului agricol, a animalelor de muncă și a semințelor constituiau, în funcție de regiune, 250-500 ruble pentru o familie. Majoritatea migratorilor nu dispuneau de acești bani. Capitalul migratorilor sosiți în Siberia, exprimat în inventar și bani, se estima în medie la aproximativ 103 ruble de familie. Insuficientă era și „faimoasa” asistență guvernamentală. În anii 1906-1910 valoarea creditului acordat constituia, în medie, 125 ruble, sumă ce nu acoperea nici pe departe cheltuielile necesare¹⁹. Emigranții erau privați de cele mai elementare comodități. „Distribuind loturile de pământ în Siberia și Extremul Orient, guvernul țarist nu a luat în calcul o seamă de particularități ca: diferența modului de gospodărire, condițiile climaterice caracteristice pentru noile locuri de trai. Aceasta a constituit o cauză a falimentului politicii de colonizare a guvernului rus, mai ales în ceea ce privește persoanele originare din regiunile sudice ale imperiului, printre care erau și basarabenii”²⁰.

În partea asiatică a Imperiului rus coloniștii au fondat un șir de sate: pe teritoriul actualei regiuni Aktiubinsk a Kazahstanului – Novoserghievka, Bogoslovka (Kliu-

cevaia), Bessarabka, Lugovoie, Cernovodsk, Kara-Habda, Iliinka; în regiunea Alamedinsk din Kirghizia – Moldovanovka; în regiunea Omsk – Kutuzovka, Larga; în ținutul Primorie – Moldovanovka, Olga, Kișinăuka, Moldovan, Iman²¹.

Cu toate că judecătorii-subprefecți informau *Administrația gubernială pentru probleme țărănești* că în anii 1897 – 1900, au fost înregistrate doar câteva cereri de strămutare²², realitatea era cu totul alta. Conform datelor oferite de N.Turceaninov, în 10 ani, din 1896 pînă în 1905, din Basarabia au emigrat 4.858 de persoane, iar în următorii 10 ani s-au strămutat încă aproximativ 60.000 de persoane²³.

Cel mai mare număr de emigranți erau din județele Akkerman și Bender, precum și din județul Hotin – județ în care au fost distribuite țăranilor cele mai mici loturi de pămînt²⁴. Din județul Tiraspol, în anii 1904-1912, au migrat în Siberia 1.261 de familii sau peste 7.500 de persoane, constituind circa 3,4% din efectivul populației rurale a județului din anul 1905. Majoritatea migratorilor (45,2%) au plecat în regiunea Akmolinsk (centrul regiunii – or. Omsk), 28,1% – în regiunea Turgaisk, 14% - în regiunea Tiumen, iar restul în regiunea Semipalatinsk, Extremul Orient, gubernia Samara și în alte teritorii²⁵. Analiza statutului social-economic al migratorilor denotă că majoritatea era constituită din țăranii fără pămînt sau cu pămînt puțin.

Ca urmare a ruinării, mulți dintre coloniști, peste o perioadă de timp, se întorceau în Basarabia. Datele statistice demonstrează că în perioada anilor 1896 – 1914 s-au întors în Basarabia circa 28.464 persoane²⁶ sau 43% din numărul emigranților. În județul Tiraspol, în perioada anilor 1904 – 1912 s-au reîntors 440 de familii, ceea ce constituia 33,4% din totalul migratorilor din județ în Siberia, în perioada menționată. Specificînd cauzele revenirii la baștină, circa 50% din cei reîntorși au indicat factorii economici, inclusiv: insuficiența resurselor financiare și a brațelor de muncă pentru întemeierea unei noi gospodării (16,1%); recolta proastă (20,9%); lipsa terenurilor agricole libere, calitatea joasă a solului și apei, clima aspră (circa 10%) etc. Printre cei mai frecvenți factori erau enumărați, de asemenea, lipsa documentelor (adică, este vorba de țăranii care migrau samavolnic – 12,3%), boala și decesul membrilor familiei (7,5%), iar 16,4% au revenit temporar la baștină pentru soluționarea anumitor probleme²⁷.

În concluzie, putem afirma că atitudinea autorităților țariste și legislația rusă referitoare la emigrație a evoluat în a doua jumătate a secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea în dependență de intensitatea procesului migrațiunii. În anii '60-70, guvernul rus a luat o atitudine tranșantă față de emigranții basarabeni, în special față de emigranții „samavolnici”, emițînd o serie de legi și ordonanțe cu caracter restrictiv. Începînd cu anii '80 ai secolului al XIX-lea, autoritățile de la Sankt-Petersburg au elaborat o serie de acte legislative ce reglementau procesul de emigrație, punctul culminant constituindu-l legile din 6 iulie 1904 și 10 martie 1906, prin care emigrarea populației nu numai că era dirijată, dar și într-o oarecare măsură, era stimulată. Cu toate acestea, politica de migrațiune, promovată de guvernul țarist în provincia dintre Prut și Nistru, a suferit, în cele din urmă, eșec. Contradicțiile sociale la sate, la finele secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea, nu numai că nu s-au atenuat, dar au căpătat o intensitate și mai mare în comparație cu perioada de pînă la 1868.

Note

1. В.Зеленчук, *Население Бессарабии и Поднепровья в XIX веке*, Кишинев, 1979, p.121.

2. А.Анфимов, *Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881 – 1904*, Москва, 1980, p.18.

3. В.С.Зеленчук, *op. cit.*, p.122.
4. Arhiva Națională a Republicii Moldova (în continuare ANRM), F.2, inv.1, d.1860, f.1-6.
5. С.Сиделников, *Аграрная политика самодержавия в период империализма*. Москва, 1980, p.24.
6. Ion Jarcuțchi, *Unele considerente privind migrarea țăranilor din județul Tiraspol în Siberia la finele secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea*, în *Revista de Istorie a Moldovei*, nr.4, 2005, p.100.
7. С.Сиделников, *op. cit.*, p.216.
8. Ion Jarcuțchi, *op. cit.*, p.101,103.
9. ANRM, F.8, inv.1, d. 2087, f.95-96.
10. *Ibidem*, f.96.
11. *Ibidem*, f.100.
12. ANRM, F.329, inv.1, d.100, f.1,1rev.
13. В.Зеленчук, *op. cit.*, p.109.
14. ANRM, F.329, inv.1, d.100, f.1, 1rev.
15. *Ibidem*, f.17-18.
16. *Ibidem*, f.18.
17. *Ibidem*, f.13.
18. *Ibidem*, f.16
19. С.Сиделников, *op. cit.*, p.260-262.
20. Ю.Иванов, *Земельный аспект столыпинской реформы в Бессарабии*, în *Вопросы экономической истории Молдавии эпохи империализма и капитализма*, Кишинев, 1972, p.263.
21. В.Зеленчук, *op. cit.*, p.121-122.
22. ANRM, F.329, inv.1, d.136, 190, 196.
23. Н.Турчанинов, *Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 год*, СПб, 1910, p.10-11.
24. Ю.Иванов, *op. cit.*, p.262.
25. Ion Jarcuțchi, *op.cit.*, p.104.
26. Н.Турчанинов, *op.cit.*, p.11.
27. Ion Jarcuțchi, *op. cit.*, p.105.

RÉSUMÉ

Un phénomène important, caractéristique pour la Bessarabie à la fin du XIX-ième – commencement du XX-ième siècle, qui a eu des répercussions concernant aux processus d'ordre socio-économique et a influencé la dynamique de la population rural de la province, a été l'émigration massive de la paysannerie bessarabienne dans les autres région de l'empire russe. La principale cause de la permutation du peuple rurale de la Bessarabie consistait dans la politique agraire et de colonisation promue par le gouvernement russe en province. La manque des terrains arables, crée artificiellement par les autorités tsaristes, par des colonisations massives et l'application tronquée de la réforme agraire, produit cet exode de population.

L'attitude d'autorités tsaristes et la législation émigrationniste russe a évalué pendant la deuxième moitié du XIX-ième – commencement du XX-ième siècle en dépendence de l'intensité de processus de la migration. Pendant les années '60-70 les émigrants bessarabiens se confrontaient avec l'opposition de l'administration, le gouvernement russe prenant une attitude tranchante envers les émigrations "samovolnice", en émettant une série de lois et ordonnances avec un caractère restrictif. Commencant avec les années '80 du XIX-ième siècle les autorités de Sankt-Petresburg ont élaboré une série d'actes législatifs qui réglementaient le processus d'émigration, le point culminant le constituant les lois du 6 juillet 1904 et 10 mars 1906, par lesquelles l'émigration de la population n'était pas seulement dirigée mais et stimulée. Les dates statistiques relèvent que de l'année 1896 jusqu'à 1905 de Bessarabie ont émigré approximatif 5000 de personnes, que dans le suivant décennie se sont déplacés encore approximatif 60000 de personnes.

CÂTEVA DATE DIN ISTORIA SATULUI BAHMUT, RAIONUL CĂLĂRAȘI

Valeriu POPOVSCHI

Ca și majoritatea localităților din Moldova, satul Bahmut din actualul raion Călărași are o vechime de câteva sute de ani.

În literatură se întâlnesc păreri diverse referitoare la data întemeierii satului, fapt care, evident, nu trebuie să ne mire. Spre exemplu, în *Enciclopedia sovietică moldovenească* s-a strecurat ideea, conform căreia satul Bahmut ar fi fost întemeiat în anul 1773¹. Această opinie se bazează, probabil, pe ceea ce se spune la capitolul dat în *Dicționarul statistic al Basarabiei*, apărut, după cum se știe, în perioada interbelică, și anume că localitatea în cauză este atestată, inițial, aproximativ în 1773². De aceeași părere sunt și autorii enciclopediei *Sovetskaia Moldavia*³.

Însă cercetările efectuate ulterior în domeniul respectiv combat totalmente această părere și dovedesc că acest sat este atestat documentar cu mult mai înainte de anul 1773, mai exact, la 20 martie 1584 cu denumirea de Pojarna⁴.

Așadar, satul Bahmut (Pojarna) a fost întemeiat pe timpul celei de-a treia domnii a lui Petru Voievod Șchiopul (1582-1591) sau și mai devreme, la 3 iunie 1429, pe timpul lui Alexandru cel Bun, după cum se menționează în lucrarea colectivă *Localitățile Republicii Moldova. Itinerar documentar-publicistic ilustrat*⁵ și în monografia *Ștefan cel Mare și Sfânt în contextul epocii sale și al posterității* semnată de Demir Dragnev, Igor Cașu, Emil Dragnev și Virgil Pâslariuc⁶. Deci el ar putea celebra 424 (sau 579) de ani de la apariția pe harta țării.

Denumirea de Pojarna vine, desigur, de la dealul Pojarnei (sau de la valea cu același nume), unde este așezat satul. Acest deal, după cum scrie N. Dăscălescu în cartea *Regiunea codrilor Basarabiei*, se află „între Rădeni și Sipoteni, având o înălțime de 400 de metri și o lungime a culmii de 10 km”⁷. Despre faptul că satul Bahmut este așezat la poalele dealului Pojarnei (sau în valea Pojarnei, de unde vine, repetăm, și denumirea lui inițială) scrie și Zamfir Arbore în binecunoscutul său *Dicționar geografic al Basarabiei*, editat la București în 1904: „Bahmut este un sat mare din județul Bălților, situat în valea Pojarnei, aproape de stația Cornești a căii ferate Ungheni – Bender. Face parte din volostea Cornești...”⁸.

Cum și în ce împrejurări satului i s-a schimbat denumirea din Pojarna în Bahmut mai rămâne de precizat. În această ordine de idei, un interes deosebit îl prezintă informația ce se conține în *Revista de istorie a Moldovei* (1991, nr. 1) privind satul Bahmotești, atestat documentar (tot pe teritoriul actualului raion Călărași) la 11 aprilie 1619⁹. Probabil că aceste două sate, Pojarna și Bahmotești (Bahmut), erau atât de aproape unul de altul, încât cu timpul s-au contopit și numele de Bahmotești (Bahmut) s-a extins și asupra satului Pojarna. Credem că anume astfel poate fi explicat

faptul schimbării denumirii localității din Pojarna în Bahmut.

Pe de altă parte, în amintita monografie *Ștefan cel Mare și Sfânt în contextul epocii sale și al posterității* semnată de Demir Dragnev, Igor Cașu, Emil Dragnev și Virgil Pâslariuc se menționează că denumirea inițială a satului Bahmut a fost Bahmatăuți¹⁰. (Oare de ce n-am putea presupune și faptul că localitatea Bahmatăuți, adică Bahmutul de la 1429, care începând cu anul 1584 s-a numit Pojarna, în 1619 a revenit la denumirea sa inițială, deja puțin modificată, de Bahmotești, adică de Bahmut, după cum se numește și în zilele noastre?).

Dar iată și alte câteva date interesante referitoare la istoria satului în cauză. În secolul al XVIII-lea s. Bahmut număra câteva zeci de gospodării țărănești și făcea parte din ținutul Orheiului¹¹. În acest sat, după cum scrie Gheorghe Bezviconi în cartea sa *Boierimea Moldovei dintre Prut și Nistru*, la începutul secolului al XIX-lea a deținut mari întinderi de pământ moșierita Elena Roset, soție de medelnicer, care mai avea moșii în satul Greblești din același ținut al Orheiului, precum și în satul Târnova din ținutul Hotinului¹². În perioada respectivă, din cauza condițiilor grele de viață, în primul rând din cauza lipsei de terenuri agricole, grupuri mari de țărani au început să părăsească satul, ajungând să se stabilească cu traiul până și pe pământurile Kazahstanului.

Din *Dicționarul statistic al Basarabiei*, citat mai sus, aflăm că în 1887 în sat a fost ridicată din piatră biserica „Sfântul Nicolae”¹³.

În 1897, conform unui recensământ înfăptuit de organele administrației țariste, la Bahmut locuiau 790 de oameni (400 de bărbați și 390 de femei) – toți creștini ortodocși¹⁴.

După cum scrie Zamfir Arbore în *Dicționarul geografic al Basarabiei*, la începutul secolului al XX-lea, adică prin 1900-1904, numărul caselor din Bahmut atinge cifra de 203, iar cel al locuitorilor – de 1527¹⁵. Țăranii din sat posedau, în total, circa 480 de desetine de pământ, iar moșierul Ciolacu era posesorul a peste 1700 de desetine de pământ¹⁶.

Din același *Dicționar statistic al Basarabiei* aflăm că pe la începutul perioadei interbelice (1920 – 1923), în sat erau 248 de clădiri, locuiau 933 de oameni (463 de bărbați și 470 de femei), exista o cooperativă agricolă, o cooperativă de consum, poștă, telefon, post de jandarmi, funcționa o biserică ortodoxă (este vorba de biserica „Sfântul Nicolae”), o școală primară mixtă, două cârciumi, o moară de aburi și că în apropiere se construise o gară de tren¹⁷. Atunci cel mai bogat om se considera nobila Elisabeta Malițchi, proprietatea căreia (peste 1500 de desetine de pământ) era administrată de un oarecare Liciu¹⁸.

Din 1938 până în 1940, apoi din 1941 până în 1944, la Bahmut a funcționat cu succes și un cămin cultural, care a jucat un rol enorm în viața cultural-spirituală a comunității¹⁹. Creat de Fundația culturală regală „Principele Carol”, căminul a purtat numele reginei Maria a României, și a avut sediul în clădirea școlii primare și a fost condus atât de către directorul acestei școli, Gheorghe Zotti²⁰, cât și de preotul din localitate Serghie Lozanu²¹.

În anii totalitarismului sovietic, bahmutenii, fiind deposezați de pământul cu care fusese împroprietărit în urma reformei agrare românești, și-au desfășurat activitatea, în marea lor majoritate, în sovhozul local „Voshod” („Răsăritul”), iar astăzi, cei peste 1300²² de membri ai comunității suportă, alături de întreaga populație,

toate consecințele unei îndelungate și dificile perioade de tranziție prin care trece Republica Moldova. Însă în pofida vitregiilor timpului ei privesc cu încredere în viitor. Totodată, iubindu-și foarte mult baștina, ei cinstesc cu sfințenie faptele moșilor și strămoșilor, inclusiv memoria celor 29 de localnici căzuți pe câmpurile de luptă ale celui de-al doilea război mondial: Afanasie Bădărău, Alexandru Bădărău, Ion Brosov, Ion Budăianu, Nicolae Budăianu, Ion Butacu, Vasile Cărauș, Ion Cepoi, Toader Cercel, Gheorghe Ciupercă, Gheorghe Daniliuc, Alexie Duca, Vasile Emanuil, Alexandru Garbovțan, Pavel Grosu, Condratie Isac, Gheorghe Moraru, Toader Movileanu, Gheorghe Musteață, Gheorghe Peca, Zahar Puia, Pavel Ralea, Valentin Smochină, Petru Tărăță, Toader Toma, Alexandru Tricolici, Alexie Tricolici, Vladimir Țărâlungă, Nicolae Udrea²³.

Nu sunt dați uitării nici cei 40 de locuitori ai Bahmutului și ai Gării Bahmut răpiți de deportările staliniste, lista cărora, de altfel, este publicată în interesanta și valoroasa lucrare cu titlul sugestiv *Cartea memoriei*, apărută recent (1999 – 2001) la editura „Știința” din Chișinău. Iată numele acestor 40 de bahmuteni, care au fost băgați în închisori, reprimați sau deportați, fără nici o vină, tocmai în regiunea Kurgan de dincolo de munții Ural din Federația Rusă: soții Petru Ambrosie (n. 1913) și Alexandra Ambrosie (n. 1918) împreună cu fiicele Liuba (n. 1939), Maria (n. 1943) și Ana (n. 1947); soții Petru Chirică (n. 1899) și Maria Chirică (n. 1908) împreună cu fiica Claudia (n. 1936 sau 1938) și cu fiii Ion (n. 1933 sau 1934) și Mihail (n. 1940 sau 1941); soții Mihail Matvievici (n. 1884) și Anastasia Matvievici (n. 1890) împreună cu fiii Gheorghe (n. 1922) și Boris (n. 1926); soții Ion Grosu (n. 1911) și Alexandra Grosu (n. 1916); soții Șmil Brodschi (n. 1883) și Riva Brodschi (n. 1896); Zinovia Martea (n. 1896) împreună cu fiicele Agripina (n. 1920), Maria (n. 1928), Valentina (n. 1930) și Ana (n. 1932) și cu fiul Vladimir (n. 1936); Olimpia Popescu (n. 1914) împreună cu fiicele Ana (n. 1936), Claudia (n. 1938) și Maria (n. 1943) și cu fiul Ion (n. 1941); Nadia Babaru (n. 1921 sau 1922) împreună cu fiica Maria (n. 1942) și cu fiul Mihail (n. 1944); Maria Balan (n. 1898) împreună cu fiica Liuba (n. 1927 sau 1936) și cu fiul Dumitru (n. 1923 sau 1929); Anastasia Obadă (n. 1867) împreună cu fiica Axenia (n. 1901), cu nepoata Nina (n. 1933) și cu nepotul Victor (n. 1935); Alexandru Mihailov (n. 1892)²⁴.

Interesant e că și în lucrarea *Localitățile Republicii Moldova. Itinerar documentar-publicistic ilustrat*, citată anterior, se publică o listă a locuitorilor satului și gării Bahmut deportați în GULAG-urile sovietice²⁵, care diferă, însă, de cea publicată în *Cartea memoriei*, incluzând numele a încă nouă persoane: Eugen Bârsan, Ana Bolotova, Nadia Coca, Maria Danu, Gheorghe Picireanu, Elena Plăcintă, Anatol Tataru, Gheorghe Tataru și Liuba Tataru. Prin urmare, numărul total al bahmutenilor înghițiți de deportări ar atinge cifra de 49.

Și o ultimă constatare în ordinea respectivă de idei: în sat, ca prin minune, totuși, s-a păstrat până în zilele noastre un local ce prezintă o valoare deosebită din punct de vedere arhitectural. Este vorba de casa boierului Vichentie Malschi, întemeietorul și ctitorul bisericii „Sfântul Nicolae”, despre care am amintit mai sus. Construită cam în același timp cu biserica (adică prin 1885 – 1887) și calificată drept monument de istorie, această măreață casă se află, însă, într-o stare deplorabilă și se distruge. Iată de ce oamenii locului speră că, odată cu sosirea unor vremuri mai bune, curtea boierului Vichentie Malschi și a fiilor săi Lev și Alexandru, neapărat va fi renovată,

căci constituie, repetăm, un monument istoric de valoare.

Bineînțeles, în articolul de față ne-am referit doar la unele aspecte, mai mult sau mai puțin relevante, din istoria satului Bahmut din actualul raion Călărași, sat mare și frumos, care merită, ca și toate celelalte localități străvechi ale Moldovei, să i se dedice o monografie specială.

Note

¹ *Enciclopedia sovietică moldovenească*, vol. I. – Chișinău, 1970, p. 370.

² *Dicționarul statistic al Basarabiei*. – Chișinău, 1923, p. 16.

³ *Sovetskaia Moldavia. Enticlopedia*. – Chișinău, 1982, p. 38.

⁴ A se consulta, în acest sens, lucrarea lui Vladimir Nicu *Localitățile Molovei în documente și cărți vechi*, vol. I. – Chișinău, 1991, p. 24.

⁵ *Localitățile Republicii Moldova. Itinerar documentar-publicistic ilustrat*, vol. I. – Chișinău, 1999, p. 157.

⁶ Demir Dragnev, Igor Cașu, Emil Dragnev, Virgil Păslariuc. *Ștefan cel Mare și Sfânt în contextul epocii sale și al posterității*. – Chișinău, 2004, p. 183.

⁷ N. Dăscălescu. *Regiunea codrilor Basarabiei*. – Chișinău, 1936, p. 10.

⁸ Zamfir Arbore. *Dicționarul geografic al Basarabiei*. – București, 1904, p. 12.

⁹ Vezi: *Revista de istorie a Moldovei*, 1991, nr. 1, p. 34.

¹⁰ Demir Dragnev, Igor Cașu, Emil Dragnev, Virgil Păslariuc. *Op. cit.*, p. 183.

¹¹ *Documente privind relațiile agrare în secolul al XVIII-lea*, Moldova, vol. 2. – București, 1966, p. 477.

¹² Gheorghe Bezviconi. *Boierimea Moldovei dintre Prut și Nistru*, vol. 2. – București, 1943, p. 61.

¹³ *Dicționarul statistic al Basarabiei*, p. 16.

¹⁴ *Naselionnâie mesta Rossiiskoi imperii v 500 i bolee jitelei*. – S. Petersburg, 1905, p. 4.

¹⁵ Zamfir Arbore. *Op.cit.*, p. 12

¹⁶ *Ibidem*.

¹⁷ *Dicționarul statistic al Basarabiei*, p. 16.

¹⁸ *Localitățile Republicii Moldova. Itinerar documentar-publicistic ilustrat*, vol. I, p. 159.

¹⁹ Arhivele Naționale ale României. – București, Fond *Fundațiile culturale regale*, dosar 2209, ff. 1-17 verso. Vezi, de asemenea: Valeriu Popovschi. *Reflecții cu privire la activitatea unor cămine culturale din Basarabia la sfârșitul perioadei interbelice și în anii războiului* // *Revista de istorie a Moldovei*, 2006, nr. 1 – 2, p. 55 – 56.

²⁰ Arhivele Naționale ale României. – București, Fond *Fundațiile culturale regale*, dosar 2209, f. 2. Vezi, de asemenea: Valeriu Popovschi. *Op. cit.*, p. 55.

²¹ Arhivele Naționale ale României. – București, Fond *Fundațiile culturale regale*, dosar 2209, f. 4, 5, 14, 17 verso. Vezi, de asemenea: Valeriu Popovschi. *Op. cit.*, p. 56.

²² *Localitățile Republicii Moldova. Itinerar documentar-publicistic ilustrat*, vol. I, p. 157.

²³ *Ibidem*, p. 160.

²⁴ *Cartea memoriei. Catalog al victimelor totalitarismului comunist*, vol. I. – Chișinău, 1999, p. 380 – 381.

²⁵ *Localitățile Republicii Moldova. Itinerar documentar-publicistic ilustrat*, vol.I. – Chișinău, 1999, p. 161.

SUMMARY

SOME DATA FROM THE HISTORY OF THE VILLAGE OF BAHMUT, THE DISTRICT OF CĂLĂRAȘI

In this article the author presents some data and information, more or less relevant, concerning the history of the village of Bahmut from the district of Călărași of the Republic of Moldova.

RESTABILIREA SISTEMULUI DE ÎNVĂȚĂMÂNT SUPERIOR ÎN RSS MOLDOVENEASCĂ (1944-1945)

Ruslan ȘEVCENCO

După instaurarea în RSS Moldovenească în martie-august 1944 a **regimului sovietic**, în republică s-a făcut simțită o lipsa acută de cadre în diferite domenii. În ce privește sistemul de învățământ, pentru a satisface necesitățile republicii cu pedagogi, în 1944-1945 în RSSM au fost restabilite 2 institute pedagogice (la Chișinău și Tiraspol) și creat Institutul Pedagogic din Bălți. În republica agrară se impunea și deziderarea învățământului agricol. Ca urmare, la Chișinău și-a reluat activitatea Institutul Agricol, în care au trecut cadrele din fostul Institut Agricol din Tiraspol. În același 1944, a fost restabilit Conservatorul republican. Încă în 1940-1941 în republică se preconiza înființarea la Chișinău a Institutului de Medicină. Toate acestea au fost realizate în a doua jumătate a anului 1945, datorită faptului că unul din institutele de medicină din Leningrad, evacuate pe perioada de război la Kislovodsk, nu avea sediu propriu și, după adresarea conducerii republicane de partid, a fost transferat la Chișinău (istoria deschiderii la Chișinău a Institutului Pedagogic și a Universității de Stat va fi prezentată de autor în articole separate).

Problemele legate de deschiderea instituțiilor de învățământ superior (în continuare – ÎÎS) în Moldova de după război sunt reflectate în literatura științifică editată în perioada sovietică, însă, doar tangențial. Lucrări speciale, consacrate activității lor, în perioada menționată lipseau. Din acei puțini autori, care totuși au reflectat fie și superficial această problemă putem menționa pe O.Andrus¹, T.Crăciun², Z.Fedco și N.Petrovskaia³, D.Antoniuc⁴, I.Ciornâi⁵, Gh.Bărcă⁶.

După destrămarea URSS la tema menționată au fost publicate doar câteva lucrări: două monografii, consacrate istoriei Universității de Stat de Medicină⁷ și articolul lui P. Patron despre Universitatea Agrară⁸. Însă o analiză a procesului de restabilire a rețelei ÎÎS din Moldova în anii 1944-1945 după 1991 nu s-a efectuat.

A doua instituție de învățământ superior din numărul celor care au început să activeze în perioada de după război a fost Institutul Agricol din Chișinău (după Institutul Pedagogic). El a fost restabilit în conformitate cu Hotărârea Sovietului Comisarilor Norodnici (SCN) al URSS nr.753 din 24 iunie 1944. Prin această hotărâre Comisariatului Unional al Poporului pentru Agricultură, Comitetului Unional pentru Școala Superioară (CUȘS) li s-a permis reluarea activității Institutului Agricol menționat, având în componență 4 facultăți: 1) agronomie; 2) pomicultură și legumicultură; 3) zootehnie; 4) viticultură și vinificație. Pe lângă Institutul Agricol s-a înființat secția pregătitoare (150 locuri). SCN al RSSM a fost însărcinat să ofere Institutului încăperi de studii, cămine, iar CUȘS – să-l completeze cu cadre⁹. În

conformitate cu această hotărâre, Institutului Agricol, școlilor profesionale agricole și școlilor medii le-au fost alocate materiale de construcții și manuale: 15000 metri cubi de sticlă pentru ferestre, 2 tone de cuie, 30 tone de ciment, 25 000 de caiete, 10 000 de creioane, țesături din bumbac ș.a. în sumă totală de 100 000 ruble¹⁰.

În baza acestei decizii SCN și CC al PC (b)M au adoptat la 27 iulie 1944 Hotărârea nr.159 „Cu privire la reluarea activității Institutului Agricol din Chișinău”. Având în vedere faptul că blocurile de studii ale Institutului, în care acesta a fost amplasat în Chișinău în 1940-1941, erau distruse, gospodăriile experimentale de studii – devastate, iar capitala republicii – Chișinăul, se mai afla sub controlul armatelor germano-române, Institutul și-a început activitatea în capitala temporară a republicii – orașul Soroca, în clădirea școlii profesionale agricole locale, având în componență cele 4 facultăți menționate și 27 de catedre¹¹. Planul general de admitere era stabilit la nivel de 200 persoane. Și-a reluat activitatea și Școala profesională agricolă din Soroca (contingentul de elevi – 90 persoane), care temporar era condusă de directorul interimar al Institutului Anatolii Nichiforov¹². Comitetul județean de partid Soroca și Comitetul raional de partid Soroca au fost însărcinate să stabilească și să îndrepte la secția pregătitoare a Institutului Agricol persoanele cu 8-9 clase ale școlii medii (sau 6-7 clase de liceu); la anul I al Institutului – cele, care au absolvit școli medii și licee tehnice (335 persoane). Încă 110 persoane, care așteptau școala de 7 ani, urmau a fi trimise la Școala profesională agricolă din Soroca. Institutului i-a fost oferită gospodăria „Vasilkovo”, care aparținea acestuia înainte de război și gospodăria auxiliară cu animale și averea Școlii profesionale agricole. Pentru Institut au fost alocate 2 autocamioane, 4 tractoare „U-2”, 2 tractoare „SHTZ”; 2 combine, utilaj agricol. Până la 15 septembrie 1944 se planifica reîntoarcerea la Institut a foștilor lui studenți, care nu au absolvit studiile, a lectorilor Institutului Agricol din Frunze. Nou-veniții trebuiau asigurați cu 50 apartamente, lemne (2000 metri cub), cu produse alimentare, urma să fie deschisă cantina, reparat blocul de studii și căminele. Institutul avea sarcina să pregătească agronomi-agricultori, agronomi în viticultură și vinificație, agronomi în pomicultură și legumicultură, zootehnicieni de calificare superioară¹³.

Procesul de reîntoarcere a profesorilor și studenților din Frunze, unde au fost evacuați încă în 1941, a derulat foarte încet. Autoritățile republicane au cerut de la reprezentanții lor în regiunile Federației Ruse și în republicile Asiei Mijlocii informația privitor la cei evacuați din Moldova în timpul războiului. Cum s-a stabilit, studenții și cadrele profesoral-didactice ale Institutului se aflau în diferite regiuni ale URSS. Câțiva profesori ai fostului Institut Agricol lucrau la Institutul Agricol din Frunze (V.Andreev, M.Pavlov, E.Malâșev ș.a.). Tot acolo își făceau studiile 40 de studenți ai Institutului Agricol. Însă marea parte a profesorilor și studenților se aflau în or. Sverdlovsk (astăzi – Ekaterinburg – R.Ș.), Bașkiria, regiunile Saratov și Celeabinsk ale Federației Ruse; o parte dintre ei deja lucrau după specialitate, alții nu¹⁴. Conducerea RSSM a fost nevoită să elaboreze lista persoanelor care trebuiau rechemate din alte republici și să le convingă să revină în republică.

Când selectarea cadrelor profesoral-didactice în general s-a încheiat și în septembrie 1944 s-a început anul de studii, conducerea Comisariatului de Agricultură a republicii, în frunte cu viitorul prim-secretar al PC (b)M Nicolai Coval, a decis că

noul colectiv de profesori poate să pregătească mai mulți studenți decât se planifica inițial. Deja la 1 noiembrie 1944, șeful Secției de pregătire a cadrelor RSSM Șugailo (numele în document lipsește – R.Ș.) a informat Secția de școli a CC al PC (b)M că planul de pregătire a studenților, care constituia 200 studenți (câte 50 la fiecare facultate) s-a majorat până la 325 persoane (facultatea de agronomie – 80; de zootehnie – 85; de pomicultură și legumicultură – 70; de viticultură și vinificație – 90), iar numărul total de studenți a crescut până la 480¹⁵.

Luând în vedere faptul că fostele stații experimentale se aflau atunci în ruine, SCN al RSSM și Biroul CC al PC (b)M au luat la 17 martie 1945 hotărârea cu privire la reluarea și organizarea activității stațiilor experimentale de cercetări științifice ale Institutului. În numărul acestuia se înscriu: stația culturilor de câmp; stația experimentală agricolă „Chetrosu” (500 ha, 7 puncte de sprijin); stația experimentală de zootehnie „Costiujeni” – în baza gospodăriei experimentale de studii a Institutului (300 ha); baza experimentală de selecție; stația experimentală biologică de creștere a peștilor. Principala bază științifico-experimentală a Institutului a fost numită Stația republicană experimentală de pomicultură și viticultură a Comisariatului de Agricultură al republicii. Institutul trebuia să-și desfășoare activitatea sa științifică și de instruire la toate aceste baze. Pentru cercetările științifice ale Institutului Agricol Comisariatele finanțelor și agriculturii trebuiau să aloce 400 000 de ruble. Controlul asupra cheltuielilor respective urma să fie exercitat de vicedirectorul Institutului pentru stații de cercetări științifice și experimentale, a cărui funcție a fost instituită prin aceeași hotărâre¹⁶.

Însă în pofida hotărârii SCN și CC al PC (b) M, din 27 iulie 1944, Institutul Agricol, amplasat inițial în clădirea de pe adresa str.Leovskaia (astăzi Șciusev – R.Ș.), 109, mult timp nu putea să obțină blocul de studii (str.Sadovaia, 121, astăzi A.Mateevici, 111- R.Ș.), unde, în conformitate cu hotărârea SCN RSSM din 13 aprilie 1945 trebuia amplasat lagărul prizonierilor de război. La 24 aprilie 1945, noul director al Institutului, P.Gherasimovici, s-a plâns șefului Secției școlilor al CC al PC (b)M S. Cojuhari că clădirea menționată, care atunci se afla încă în stare semidistrusă, nu este reîntoarsă Institutului și în cazul amplasării acolo a lagărului, toți profesorii, care locuiau în această clădire, vor fi dați afară, iar depozitele, plantațiile diferitelor culturi agricole – distruse. Gherasimovici cerea ca prizonierii să fie atrași numai pentru restabilirea clădirii date. Despre toate acestea Cojuhari a raportat primului secretar interimar al CC al PC (b)M N.Salogor, menționând că în cadrul Institutului deja își fac studiile 345 studenți, iar după 1 septembrie 1945 aceștia vor fi în număr nu mai puțin de 650. În afară de această, el a accentuat că blocul aparținea Institutului și în 1940-1941. De aceea Cojuhari l-a rugat pe Salogor ca hotărârea SCN din 13 aprilie 1945 să fie anulată, iar clădirea să fie întoarsă Institutului Agricol¹⁷.

Către luna aprilie 1945, Institutul Agricol dispunea de un corp didactic destul de experimentat. În cadrul acestuia activau 10 doctori habilitați, 2 profesori universitari, 1 doctor în științe, profesor universitar, 10 doctori în științe, conferențieri; 2 conferențieri¹⁸. Totodată, în pofida eforturilor conducerii republicii, studenții erau în mare parte din alte regiuni ale URSS. Astfel din cei 345 de studenți numai 9 erau moldoveni (291 ruși, 16 ucraineni, 29 reprezentanți ai altor naționalități)¹⁹. Considerând că activitatea Institutului oricum este totuși derulată, Biroul CC al PC

(b)M a organizat în cadrul lui și cursurile directorilor de stații de mașini și tractoare (5-21 iunie 1945), conduse personal de directorul Institutului P.Gherasimovici²⁰.

Intensivă a fost și activitatea studenților și profesorilor privind restabilirea blocurilor Institutului. Aceștia, cu forțele proprii, au restabilit 2 cămine, cantina, peste 20 de apartamente pentru profesori²¹. Însă ordinea în clădirile restabilite lipsea. Cum menționa la 20 august 1945, instructorul Secției organizatorice a Comitetului orășenesc de partid Chișinău Krebs în informația sa pentru secretarul comitetului respectiv I.Slepov, în cămine se menține murdărie, îmbrăcămintea este spălată în camerele de locuit, lipsește chiar mobila elementară (205 studenți dispuneau de numai 3 mese, 20 saltele ș.a. În pofida faptului că la acel moment Institutul dispunea de peste 28 000 de cărți, biblioteca încă nu a fost organizată, iar catedrele, laboratoarele, stațiile experimentale și cele de studii rămăneau neutilate. Având în vedere faptul că hrana studenților și profesorilor era organizată la un nivel insuficient, Comisariatul Comerțului al Moldovei planifica deschiderea pe lângă Institut a unui magazin specializat²².

Conducerea Institutului a întreprins măsuri pentru a introduce ordinea cel puțin în ceea ce privește procesul de studii. Frecvența studenților, care la începutul anului de studii era la un nivel foarte scăzut, deja spre aprilie-mai a ajuns la 80%. Către 1 iulie 1945, numărul de studenți a crescut până la 362. Mai mult, în aprilie 1945 a fost organizată cu succes și prima promoție – 9 studenți²³.

Însă reușitele atestate au fost considerate de Procuratura republicii destul de modeste. În urma controlului efectuat de lucrătorii acestei instituții, s-a stabilit că informația prezentată de organele de partid privind situația în care se află Institutul nu corespunde realității. Zeci de colaboratori ai Institutului nu se prezentau deloc la serviciu, însă măsuri disciplinare față de ei nu se luau. În loc de a prezenta (conform legislației de atunci în vigoare), în judecată materialele privind aceste persoane directorul Institutului P.Gherasimovici numai în 2 cazuri a anunțat muștrări aspre²⁴.

Biroul CC al PC (b)M a reacționat prompt la aceasta. Pentru a consolida controlul asupra procesului de pregătire a cadrelor și în scopul de ridicare a disciplinei, la 17 iulie 1945, în Institutul Agricol a fost restabilită funcția de secretar eliberat al organizației primare de partid²⁵.

În plus, la 17 august 1945, Biroul CC și SCN al RSSM au adoptat Hotărârea „Cu privire la măsurile pentru restabilirea și întărirea în continuare a Institutului Agricol „M.V.Frunze”. Acest document prevedea „în scopul asigurării activității normale” restabilirea până la 1 ianuarie 1946 a primei părți a blocului principal de studii, care trebuia să asigure admiterea studenților. Totodată conducerea Institutului trebuia să atragă o atenție deosebită la admiterea studenților din rândul tinerilor locali. Documentul cerea ca la începutul anului 1946 în Institut să fie organizată prima conferință științifică. Comisariatul pentru agricultură al republicii trebuia să aloce în apropierea blocului principal de studii un spațiu pentru construcții, să ofere Institutului clădirile distruse pentru asigurarea acestuia cu materiale de construcții. Institutului urmau a-i fi întoarse clădirile pe străzile Kiev (astăzi 31 August 1989 – R.Ș.), Ostrovskogo (astăzi – Alexandru Lăpușneanu – R.Ș.), Jukovskogo, 13 (astăzi Nicolae Iorga – R.Ș.), clădirile arhivei Comisariatului pentru afacerile interne al

republicii. Pentru restabilirea clădirilor dărmate, Institutul trebuia să fie asigurat cu forță de muncă, în special din rândul prizonierilor. Conform hotărârii, Comitetul republican pentru planificare era obligat să aloce Institutului 300 tone de var, 100 000 de cărămizi, 100 kg de cuie, 150 tone de cărbune, 200 metri cubi de lemne, utilaj agricol, inclusiv din cele aduse din România. Comisariatul pentru comerț trebuia să asigure Institutul cu produse alimentare. Institutului i-a fost permis să editeze anuarul „Însemnări științifice” (până la 20 c.a.). Totodată, CC al PC (b)M și SCN au cerut permisiunea CUȘS să deschidă în cadrul Institutului Facultatea de Veterinarie, deja la 1 septembrie 1946 cu planul de admitere de 50 persoane la anul I, iar SCN și Ministerului de Agricultură al URSS au solicitat să îndrepte pentru necesitățile republicii 1 autobuz, 6 autocamioane, 2 autoturisme, utilajul didactic și de laborator, 10000 unități de carte (literatură științifică și didactico-metodică), 10 burse personale, inclusiv 5 burse „Stalin” (500 ruble fiecare) și 5 burse „Miciurin” (400 ruble fiecare). De menționat că bursa medie era stabilită în mărime de 110-130 ruble. Banca comercială centrală trebuia să aloce Institutului un împrumut de 300 000 de ruble, iar Comisariatul unional pentru comerț extern – utilajul agricol necesar²⁶.

Au fost întreprinși primii pași și pentru a începe activitatea doctoranturii. În conformitate cu Hotărârea SCN al URSS nr.2221 din 29 august 1945 „Cu privire la planul de admitere în doctorantura instituțiilor de învățământ superior și a instituțiilor de cercetări științifice în a.1945” și nr.2538 din 5 octombrie 1945 „Cu privire la măsurile pentru restabilirea și dezvoltarea în continuare a viticulturii și pomiculturii în RSS Moldovenească” în Institutul Agricol, începând cu 1 septembrie 1945, pe lângă Facultatea de Viticultură și Pomicultură a fost deschisă o doctorantură cu 5 locuri (acest număr mai târziu s-a majorat). Pe lângă aceeași facultate, conform Hotărârii din 5 octombrie 1945, a fost deschisă Catedra de Vinificație. Însă în loc de 11 persoane, care trebuiau admise în doctorantură în anul 1945, doctoranzi au devenit numai 7 persoane – la profilurile „viticultură”, „pomicultură”, „protecția plantelor”, „pedologie”, „selecția culturilor de câmp”²⁷.

Pentru a stimula creșterea numărului de abiturienți în Institut din rândul tineretului care reprezenta populația locală, în deosebi cea sărăcă, SCN RSSM și Biroul CC al PC (b)M au luat încă două hotărâri, care au fost sancționate de secretarul CC al PC (b) unional Gh.Malenkov²⁸. Conform uneia dintre ele, din 27 iulie 1945, Comisariatele pentru învățământ și agricultură trebuiau să deschidă de la 1 octombrie 1945 pe lângă Institutul Pedagogic, Institutul Învățătoresc din Tiraspol și Institutul Agricol din Chișinău facultăți pentru pregătirea tineretului în ÎÎS cu termenul de studii de 3 ani. La aceste facultăți erau admise persoanele cu vârsta 16-32 ani, în general dintre moldoveni, cu studii primare, având recomandarea organelor de partid, comsomoliste și sindicale, executivelor raionale și orășenești. Se prevedea ca până la 15 august 1945 să fie aprobate termenele examenelor de admitere, în limitele 15 august – 15 septembrie (conform ordinului CUȘS nr.349 din 12 iulie 1945, anul de studii 1945/46 se începea la 17 septembrie); până la 15 septembrie urmau să fie aprobate planurile și programele de studii, iar de la 1 octombrie 1945 să fie organizată admiterea studenților la facultate la toți anii. Studenții facultății erau asigurați cu hrană, cămin și alte tipuri de deservire la nivelul studenților ÎÎS. Comitetele județene, orășenești, raionale de partid, comsomolul, syndicatele erau obligate să acorde ajutor

IÎS în selectarea și admitere studenților la facultate. Pentru admitere au fost organizate comisii de mandate, în care intrau reprezentanți ai IÎS, organizațiilor de partid, comsomoliste, sindicaliste. Comisariatele finanțelor, comerțului, învățământului, agriculturii erau obligate să elaboreze până la 15 septembrie 1945 sistemul de achitare a salariilor, să asigure traiul profesorilor de la facultate. Finanțarea lor se efectua din contul bugetului republican²⁹. La facultatea menționată din cadrul Institutului Pedagogic erau admise 200 persoane, din cadrul Institutului Învățătoresc din Tiraspol – 100, din cadrul Institutului Agricol – 120. Conform unei indicații speciale, între cei admiși prevalau copiii celor înrolați în Armata Sovietică, soldaților și ofițerilor, invalizilor. Planul de admitere a fost îndeplinit³⁰.

Prin altă decizie, de această dată - dispoziția SCN URSS nr.14855-p din 10 octombrie 1945, SCN RSSM i s-a permis să organizeze în anul de studii 1945/46, pe lângă Institutele Pedagogic și Agricol, secții de pregătire cu termen de instruire 1 an pentru admiterea în IÎS (planul de admitere în anul 1945 – 250 persoane). CUȘS al URSS a aprobat planurile de studii și programele secțiilor. Acestea se finanțau din contul bugetului republican³¹. În Institutul Agricol la această secție au fost admise 82 persoane (7 – la anul I; 35 – la anul II; 40 – la anul III), dintre care 35 moldoveni³². Reieșind din faptul că numărul de abiturienți moldoveni a rămas foarte mic, Comisariatul pentru agricultură a propus CC al PC (b) să prelungească pe termen de 1 an activitatea secțiilor de pregătire³³.

În urma executării acestor hotărâri la Institut au început să vină sute de abiturienți, admiși la studii. Însă în pofida hotărârii Biroului CC al PC (b)M din 17 august 1945, clădirile prevăzute pentru transferarea lor Institutului Agricol, rămăneau la foștii stăpâni - Comisariatele afacerilor interne și al sănătății. Ca urmare, în octombrie 1945 în căminele Institutului (200 locuri) locuiau 375 persoane. Se cerea construcția unui nou cămin cu 300 de locuri și 400 de paturi³⁴. Situația a fost salvată numai de faptul că planul admiterii a fost redus de la 250 la 200 locuri, dar și el nu a fost îndeplinit – la 30 octombrie 1945 la Institut au fost admiși numai 174 de noi studenți³⁵. În decembrie 1945, situația s-a agravat și mai mult – la Institut își făceau studiile 641 de studenți; plus la aceasta, pe lângă Institut funcționau cursuri pentru directorii stațiilor de mașini și tractoare și șefii secțiilor raionale de zootehnie (46 persoane)³⁶.

Conservatorul moldovenesc a început activitatea la 10 noiembrie 1944. Hotărârea conducerii republicii cu privire la deschiderea lui din motive necunoscute pentru noi a fost adoptată cu o lună mai târziu. La 16 decembrie 1944 a fost adoptată Hotărârea CC al PC (b)M și SCN RSSM cu privire la reluarea activității Conservatorului Moldovenesc, școlii de muzică cu termenul de studii de 10 ani (200 elevi) și școlii profesionale de artă (80 persoane)³⁷.

În componența Conservatorului au fost incluse inițial 6 catedre – 1) marxism-leninism; 2) teorie și compoziție (șefii acestor catedre nu erau numiți – R.Ș.); 3) pian (șef – Guz); 4) instrumentelor cu coarde (șef – Dailis); 5) instrumentelor de suflat (șef – Gerșfeld); 6) vocal (șef – Dolev) (numele șefilor de catedre în documente lipsesc – R.Ș.). Lectorii angajați la muncă în cadrul Conservatorului, mai înainte își făcuse studiile și au lucrat atât în conservatoarele României, Franței, Austriei, cât și în conservatoarele Kievului și Odesei, iar unele – și în Chișinău. În total Conservatorul,

împreună cu școala de muzică de 10 ani, care pregătea viitori studenți pentru acesta, dispunea de 27 profesori³⁸. În cadrul instituției își făceau studiile 108 studenți. Din cei 108 erau 40 vocaliști, 4 pianiști, 10 violoniști, 9 teoreticieni, 6 dirijori, 6 suflători. În școala de muzică își făceau studii încă 125 de copii, dintre ei – 44 moldoveni. Din cei 125 studenți 61 își făceau studiile în clasa de fortepian, 33 – violoniști, 6 – violonceliști, 1 – contrabasist; 7 – flautiști; 3 – oboiști, 5 – clarinetiști, 4 – goarnă, 2 – trombon; 1 – trompetă, 2 – baian³⁹. Așa cum menționau în informația pe numele lui N.Salogor instructorul CC al PC (b) M S.Kucevin și directorul Conservatorului Kazanak (numele în document lipsește – R.Ș.), majoritatea absolută a studenților erau din Chișinău, 2- din Tiraspol, din raioane aproape nu erau. Conducerea Conservatorului nu a reușit să organizeze admiterea conform cerințelor, și ea a avut loc în mod haotic. Ca rezultat, deja în ianuarie 1945, studenții au început să părăsească Conservatorul. 5 din ei au fost exmatriculați, 10 – atenționați în legătură cu admiterea lor condiționată⁴⁰. În pofida faptului că numărul de profesori a ajuns până la 30 de persoane, între ei se afla numai o persoană de origine băștinașă. Lipseau profesorii de istorie generală a muzicii, muzică rusă, estetică muzicală, pedagogie, ritmică ș.a. Aceste obiecte erau foarte importante – muzica rusă și istoria generală a muzicii trebuiau fi predate în toți cei 5 ani de studii în cadrul Conservatorului. Unele catedre, spre sfârșitul lui decembrie 1947, abia au început elaborarea planurilor de studii (catedrele de vocal, fortepian, instrumente cu coarde)⁴¹.

O situație foarte grea exista și în privința asigurării studenților cu manuale, care practic nu erau la biblioteca. Această subdiviziune a Conservatorului se afla în stare dezastruoasă și nu putea oferi ajutor studenților. Nu au fost utilizate încăperile în care locuiau studenții – nu existau paturi, lenjerie, lavoare. Clădirea Conservatorului necesita o reparație serioasă, pentru a cărei efectuare încă în septembrie 1944 a fost planificată alocarea a 500000 de ruble⁴². Clădirile conservatorului și ale căminului ei nu se încălzeau. Din acest motiv o mare parte a studenților locuiau în apartamente private și suburbiile orașului. În această situație studenții nu frecventau lecțiile, în afara disciplinelor „de specialitate”. A intrat în practică și neprezentarea profesorilor la lecții, iar lemnarul Conservatorului a fost condamnat la un termen de privațiune de libertate pentru beție⁴³. Pe de asupra, directorul Conservatorului D.Gerșfeld s-a certat cu un grup de lectori, care l-au acuzat de furtul utilajului prețios și al unor cadouri, care veneau în Conservator. Din partea sa, Gerșfeld nu era satisfăcut de activitatea Conservatorului, pe care îl conducea⁴⁴. Informația despre certurile lui Gerșfeld cu profesorii instituției sale au ajuns la urechile lui N.Salogor, care a cerut de la director să înceteze insultările colaboratorilor și să treacă la selectarea cadrelor didactice și corpului de studenți⁴⁵.

Membrii Biroului CC al PC (b) M, fiind foarte îngrijorați de situația internă din Conservator, au discutat-o la ședința din 17 ianuarie 1945. Menționând meritele direcției în „munca organizațională serioasă”, membrii Biroului au trecut la critică. S-a menționat că planul de admitere a studenților nu a fost îndeplinit (din 150 de studenți au fost admiși numai 108), dintre care moldoveni erau numai 31. Nu a fost completat cu cadre corpul profesoral-didactic. Munca politică în masă și disciplina muncii era slabă (370 lecții nu au fost frecventate pe motive nereserioase)⁴⁶. De aceea Biroul CC a cerut de la D.Gerșfeld completarea suplimentară a Conservatorului și

școlii de muzică cu studenți și elevi. Pe lângă Conservator trebuia să fie creată o școală-internat cu 65 de locuri, alocând pentru această instituție de studii, la indicația executivului orășenesc, încăperi pentru studii și asigurând elevii cu hrană. Direcția pentru problemele artelor a fost însărcinată să deschidă la Tiraspol, Bender, Bălți, Soroca școli de muzică cu termenul de studii de 7 ani, să formeze pe lângă Conservator școala de muzică profesională cu 100 de locuri. Biroul CC al PC (b)M s-a adresat către CUȘS cu rugămintea de a trimite în Moldova pentru Conservator lectori și instrumente muzicale. Comitetul republican de stat pentru planificare trebuia să asigure Conservatorul cu materiale de construcții, iar conducerea Conservatorului în termen de până la 15 martie – să încheie elaborarea planurilor de cercetări științifice, să creeze pe lângă Conservator cabinetul de folclor pentru studierea folclorului muzical moldovenesc⁴⁷.

Adresarea către conducerea unională a adus, din punct de vedere formal, unele rezultate pozitive. Prin dispoziția SCN al URSS nr.4713-p din 22 martie 1945, CUȘS i s-a permis deschiderea pe lângă Conservatorul de Stat din Chișinău a școlii profesionale de muzică cu planul admiterii la primul an de studii a 100 de studenți⁴⁸. Totodată, în conformitate cu Hotărârea SCN al RSSM și Biroului CC al PC (b)M din 17 august 1945, pentru pregătirea cadrelor naționale în domeniul artelor, pe lângă Conservator a fost deschis studioul de operă⁴⁹. S-a îmbunătățit situația și cu admiterea. În anul de studii 1945/46 la anul I au fost admiși deja 49 de persoane la 50 locuri, iar la secția pregătitoare – 74 persoane (planul – 50)⁵⁰.

Totuși deciziile conducerii unionale erau îndeplinite insuficient. Chiar în octombrie 1945, clădirile pentru școlile de muzică din or.Bender, Bălți, Tiraspol nu au fost oferite de către autoritățile locale, iar cadrele pentru aceste școli încă nu au fost selectate⁵¹. Trebuie de luat în considerație și faptul că cadrele muzicale pentru Moldova se pregăteau și în afara hotarelor republicii. În școala coregrafică din Leningrad (astăzi Sankt-Petersburg) își făceau studiile 20 de studenți, îndreptați din Moldova⁵², care în condițiile de atunci nu puteau găsi după absolvirea școlii serviciu în Moldova. Situația se agrava și prin faptul că viața studenților rămânea dezorganizată. Numărul de studenți în toamna a.1945 a ajuns la 170 de persoane, plus la această 93 persoane își făceau studiile în școala de muzică și la secția pregătitoare, însă conservatorul nu putea în nici un fel să soluționeze problema căminelor. Trei clădiri, alocate cu această destinație de către SCN al Moldovei, au fost preluate de direcția funciară orășenească⁵³.

Restabilirea sistemului de învățământ pedagogic superior a devenit o pagină aparte în istoria învățământului superior din Moldova. În 1944-1945, în Moldova au fost deschise 3 ÎȘS cu acest profil – 2 învățătoresți (la Bălți și Tiraspol), și Institutul Pedagogic din Chișinău.

Pregătirea pentru deschiderea lor în republică s-a început încă în iunie 1944, ca urmare a Hotărârii SCN URSS nr.726 din 16 iunie 1944, prin care CUȘS a fost obligat să trimită în Moldova pentru activitatea în ÎȘS pedagogice 6 doctori în științe (2 – pentru predarea bazelor marxism-leninismului, 2 – pentru predarea literaturii, câte 1 – pentru predarea istoriei moderne și istoriei URSS)⁵⁴. Autoritățile repubblicane au început căutarea foștilor profesori și studenți ai ÎȘS existente în republică înainte de 22 iunie 1941 pentru a-i reîntoarce la aceleași funcții. Fostul director al Institutului

Pedagogic din Tiraspol A. Baranovski s-a aflat în rezerva armatei, fostul șef de catedră P.Kikot – era șeful unei unități de studii dintr-o școală medie din regiunea Stalingrad, studenta A.Bronfman lucra în calitate de profesoară a unei școli medii din regiunea Saratov ș.a.⁵⁵ Reprezentanții republicii îi convingeau să se întoarcă acasă, asigurându-le loc de muncă în Moldova.

În conformitate cu hotărârea SCN al RSSM din 24 iulie 1944 „Cu privire la restabilirea rețelei instituțiilor de învățământ superior și mediu special al sistemului Comisariatului norodnic de învățământ al RSSM”, în republică a fost deschis Institutul învățătoresc din Tiraspol și secția fără frecvență a Institutului Pedagogic din Chișinău. Această decizie a intrat în vigoare numai după semnarea de către I.Stalin a dispoziției nr.16779p din 16 august 1944, prin care a fost confirmată deschiderea Institutului din or.Soroca și a fost fixat contingentul de studenți – 320 de persoane. Prin aceeași dispoziție Institutului pedagogic și Institutului învățătoresc le-au fost alocate câteva trenuri pentru reevacuarea lor, 1500 kg de hârtie pentru scris și 1000 kg de hârtie pentru tipar, țesături din bumbac – în valoare de 200000 de ruble, au fost repartizate bonuri acestor ÎÎS și Institutului Moldovenesc de cercetări științifice pentru mărfuri industriale în valoare de 40000 de ruble⁵⁶. În componența Institutului învățătoresc din Tiraspol au fost incluse facultățile care existau în cadrul lui și în anul de studii 1940/41 – 1) de istorie; 2) litere; 3) geografie; 4) fizică și matematică. Numărul de studenți a ajuns la 209 persoane⁵⁷.

Asupra ÎÎS moldovenești, care se aflau atunci încă în etapă de organizare, imediat a fost stabilit un control riguros. În conformitate cu hotărârea CUȘS de pe lângă SCN URSS nr.378 din 19 august 1944, „în legătură cu lipsa măsurilor necesare pentru crearea rezervei corpului profesoral-didactic”, subestimării rolului de selectare și pregătire a cadrelor științifice și didactice, în scopul de studiere și evidență a lor, Comisariatele de învățământ ale republicii și directorii ÎÎS trebuiau să efectueze controlul și evidența cadrelor acestor instituții, să organizeze concursul pentru ocuparea funcțiilor, Comisariatul - să selecteze și se prezinte spre aprobare până la 15 septembrie 1944 candidaturile pentru suplinirea funcțiilor de directori ai ÎÎS, cu pretendenți la această funcție – candidaturile pentru ocuparea funcțiilor șefilor de catedră, să elaboreze listele studenților- absolvenți ai a.1945, care aveau o perspectivă, să elaboreze planurile pentru studenții din anul viitor de studii, să elaboreze măsurile pentru creșterea nivelului de calificare a profesorilor și să prezinte toate acestea spre aprobare; să interzică transferarea profesorilor dintr-o ÎÎS în alta; să completeze în termen de 3 luni dosare personale ale studenților și profesorilor; să organizeze elaborarea și editarea „Însemnărilor științifice”, inclusiv conform ramurilor științelor; anual să prezinte dări de seamă privind activitatea științifico-pedagogică, inclusiv avize privind activitatea conducerii ÎÎS; trimestrial – rezultatele măsurilor întreprinse pentru studierea cadrelor; până la 1 martie 1945, să efectueze evidența personală a corpului profesoral-didactic al ÎÎS ș.a.⁵⁸ Deja spre sfârșitul a.1944 – începutul a.1945 în organele responsabile au început să vină informații asupra unor profesori ai ÎÎS, care îi acuzau de colaborare cu administrația română (spre exemplu, lectorii Ostrovskii și Karaghioz din Tiraspol ș.a.⁵⁹).

Considerându-se întemeiat că măsurile acestea nu sunt suficiente pentru pregătirea cadrelor calificate, mai ales dintre moldoveni, precum deja s-a menționat, prin hotă-

rărirea SCN al RSSM și Biroului CC din 27 iulie 1945 în republica au fost create Facultăți pentru pregătirea tineretului la admiterea în ÎÎS. În cadrul Institutului Învățătoresc din Tiraspol la această facultate s-au înscris 100 persoane (40 – la a.I, câte 30 – la a. II și III). Facultatea și-a început activitatea din 1 octombrie 1945. Pentru funcționarea normală a Institutului în anul de studii 1945/46 au fost alocate 116 900 ruble⁶⁰.

În a.1945, în republica a continuat procesul formării ÎÎS cu profil pedagogic. În corespundere cu Hotărârea SCN din URSS din 14 martie 1945 „Cu privire la măsurile de ajutor pentru școlile RSSM” SCN al republicii la 12 iunie 1945, a adoptat Hotărârea „Cu privire la deschiderea Institutului Învățătoresc din Bălți”, care și-a deschis ușile la 1 octombrie 1945. În componența lui au fost create 2 facultăți – 1) de istorie și filologie; 2) geografie și științele naturii⁶¹. În cadrul lui nu erau profesori cu grade și titluri științifice și didactice, în afara de 1 conferențiar. Nimeni dintre profesorii locali niciodată nu au lucrat în ÎÎS. Alte neajunsuri erau comune pentru ÎÎS de atunci – lipsa manualelor, încăperilor utilizate în mod necesar ș.a.⁶²

În vara anului 1945, ambelor Institute – din Bălți (care atunci numai se forma) și din Tiraspol – le-au fost aprobate planurile de admitere: pentru cel tiraspolean- 150 de persoane, pentru cel din Bălți – 120. Însă, precum informa în iunie 1945 prim-secretarul interimar al CC al PC (b)M N.Salogor membrilor Biroului Politic al PC (b) Unional Gh.Malenkov și V.Molotov, din cauza promoției foarte mici în școlile moldovenești în primii ani de după război (1945 – 45 persoane, în 1946 se aștepta 100, în 1947 – 300) planul de admitere nu poate fi îndeplinit cu forțele proprii. De aceea el a exprimat rugămintea să formeze pe următorii 5 ani cursuri de pregătire pentru tineretul moldovenesc, care dorește să devină în viitorul apropiat student la ÎÎS. În primul an de studii în cadrul Institutului Învățătoresc din Tiraspol, conform documentului, erau admise 120 de persoane, la a.II – 90, a.III – 60, în cadrul Institutului Învățătoresc din Bălți – respectiv 90-90-60. Rugămintea lui Salogor a fost susținută de către organele unionale prin dispoziția SCN al URSS nr.14855p din 10 octombrie 1945, însă termenul de studii în cadrul acestor studii era limitat cu un an. Așteptările lui Salogor, cu toate aceste măsuri, s-au confirmat – la secția pregătitoare a Institutului Învățătoresc din Tiraspol au fost admise 116 persoane (la 125 locuri) (mai ales a copiilor țăranilor, colhoznicilor și muncitorilor de pe malul stâng al Nistrului), la cea din Bălți – 110 (la 120 locuri)⁶³.

O altă problemă cu care s-au ciocnit autoritățile republicane, a fost părăsirea masivă a studiilor de către studenți. Dacă Institutul Învățătoresc din Bălți a început anul 1945/46 de studii cu 209 studenți, spre sfârșitul acestui an au rămas numai 176 de studenți. Cauzele acestui fenomen se explicau atunci prin condițiile grele de trai, boli, nereușite, plecarea din republică în alte regiuni ale URSS. Din aceleași motive se simțea și lipsa acută de profesori (mai ales la obiectele „igiena școlară”, „cartografie”, „topografie”). Cu toate acestea, Institutul menționat mai târziu a organizat chiar și prima sa promoție (15 persoane). La următorul an de studii au promovat 195 de studenți, însă 15 dintre ei au părăsit Institutul. În cazul dat situația era comentată de organele de resort ca rezultat al lipsei experienței de muncă individuală și a faptului că predarea obiectelor se efectua în majoritatea absolută a cazurilor în limba rusă, de aceea a suferit și însușirea materialului predat de către studenți⁶⁴. Pentru a incita interesul studenților pentru obiectele predate, conducerea ÎÎS uneori efectua cele mai

neasteptate măsuri. Spre exemplu, direcția Institutului Învățătoresc din Tiraspol a atras studenții la „cercetarea crimelor, săvârșite de ocupanții germano-români”⁶⁵.

În mod urgent erau angajați la muncă lectorii din Federația Rusă, Ucraina, în clădirile ÎIS continua reparația, însă cabinetele și laboratoarele încă nu au fost organizate⁶⁶. În pofida faptului că în cadrul Institutului Învățătoresc din Tiraspol a fost organizată și secția moldovenească, se simțea lipsa acută de profesori pentru această subdiviziune. Situația s-a înrăutățit după admiterea în a.1945, când numărul de studenți a ajuns la 400, în condițiile când căminul Institutului putea asigura cu locuri numai 200 de persoane. Directorul Institutului T.Crăciun a fost nevoit să se adreseze la 3 august 1945 la CC al PC (b)M și SCN al RSSM cu rugămintea de a asigura Institutul cu încăperi pentru studii, cămine, materiale de construcție, lemne, cărbune ș.a.⁶⁷

În aceste condiții conducerea institutelor pedagogice ignora complet colaborarea cu școlile din sate, în care trebuiau să fie trimiși studenții pentru efectuarea practicii pedagogice. Din acest motiv, precum se menționa în hotărârea SCN RSSM și Biroul CC al PC (b)M din 18 iunie 1945, nivelul de cunoștințe al studenților este foarte scăzut. Institutul Pedagogic din Chișinău și cel Învățătoresc din Tiraspol au fost obligate să distribuie pe absolvenții săi, împreună cu învățătorii, veniți în republică din regiunile estice ale URSS, în școlile raionale și satești, evidențiindu-i pe acei dintre ei care nu lucrează după specialitate⁶⁸.

Institutul de Medicină se planifica să se deschidă în RSSM încă în a.1940-1941, însă atunci această idee nu a fost realizată⁶⁹. În vara a.1945, conducerea republicii a revenit la această chestiune, făcând o adresare către CC al PC (b) Unional și SCN al URSS cu rugămintea de a organiza la Chișinău Institutul de Medicină. Anume atunci la CC al PC (b) Unional se discuta problema amplasării Institutului de Medicină din Leningrad, temporar amplasat la Kislovodsk. Biroul CC a propus să-l amplaseze la Chișinău și acest Institut, având în vedere numărul nesemnificativ de medici de care dispunea atunci republica și imposibilitatea de a pregăti cadrele în Moldova. Problema privind existența la Chișinău chiar a două institute de medicină a fost soluționată peste un timp. Biroul CC a fost de acord să se limiteze numai la Institutul din Kislovodsk. Reprezentanții Institutului au venit la Chișinău pentru a studia situația pe loc. Ca urmare, aflând despre situația catastrofală privind locuințele, colaboratorul Institutului Sonocia (numele și funcția nu sunt indicate – R.Ș.) s-a adresat către Biroul CC al PC (b)M cu rugămintea de a elibera pentru savanții Institutului 130 de apartamente, urmând să-l informeze cum merge reparația apartamentelor⁷⁰. Problema amplasării Institutului cu toate căminele și apartamentele pentru profesori și studenți într-adevăr a fost foarte acută în oraș, în care 76% dintre clădiri au fost distruse complet. Biroul CC și Comisariatul de resort au propus ca variante posibile clădirile Punctului de Filtrare a Comisariatului de Interne, Hotelului în care era amplasată Școala sovietică și de partid, clădirea școlii nr.4, însă toate acestea au fost respinse din diferite motive⁷¹.

În hotărârea adoptată de SCN al RSSM și Biroul CC al PC (b)M la 2 iulie 1945, conducerea republicii s-a adresat din nou către SCN al URSS „în scopul pregătirii cadrelor dintre populația băștinașă”, „întăririi organelor de protecție a sănătății și îmbunătățirii deservirii populației”. Astfel Institutul de Medicină din Kislovodsk a

fost amplasat în clădirea de la colțul str.Moghiliovskaja (astăzi P.Movilă – R.Ș.) colț cu Șmidtovskaia (astăzi Columna – R.Ș.), 151 și Kievskaja colț cu Ostrovskogo (actualmente străzile 31 August, 1989 și Alexandru Lăpușneanu – R.Ș.), unde se afla școala nr.4. Conform hotărârii, catedrele clinice trebuiau să fie amplasate în spitalele nr.1 și nr. 4. Căminul studențesc (500 locuri) a fost amplasat în fostele clădiri ale școlii de miliție. Pentru apartamentele lectorilor Institutului erau transmise clădirile de la Leovskaia (astăzi Șciusev – R.Ș.), 110, cu 12 apartamente, Kievskaja, 104 (3 apartamente); Inzova (astăzi S.Lazo – R.Ș.), 13 și 38; Meșcianskaia (astăzi Sfatul Țării – R.Ș.), 5 (ultima trebuia să fie restabilită) ș.a.⁷²

La 28 august 1945, vicepreședintele SCN al URSS V.Molotov a semnat dispoziția nr.12875-p, care permitea Comisariatului unional pentru problemele protecției sănătății să transfere la Chișinău Institutul de Medicină din Kislovodsk, redenumindu-l în Institutul de Medicină din Chișinău și stabilind contingentul de admitere – 200 de persoane. SCN al RSSM era obligată să găsească clădire pentru Institut, Comisariatul Unional al Căilor Ferate – să aloce 40 de vagoane pentru transportarea lectorilor, studenților și utilajului. Cheltuielile pentru această transportare trebuiau să fie achitate de Ministerul unional al sănătății. Începerea anului de studii se planifica pentru 1 octombrie 1945⁷³. Însă eliberarea clădirilor, indicate în hotărârea din 2 iulie 1945, se efectua foarte lent, unele instituții, cărora aparțineau aceste clădiri, renunțau să le părăsească (Inspekția comercială), clădirile se eliberau numai parțial, sau, în cazuri de eliberare completă, nu se reparau și chiar fără nici o permisiune se transmiteau în posesia altor instituții (clădirea Asigurărilor de Stat pe str.Lenin (astăzi bd. Ștefan cel Mare și Sfânt),145. Comitetul republican pentru planificare a eliberat bonuri pentru materialele de construcții, însă marea parte a lor nu putea fi obținută din motive necunoscute (vopsea, armătura electrică, alebastru ș.a.)⁷⁴.

În pofida acestor împrejurări grele, anii II-V ai Institutului au început studiile la 26 octombrie 1945. Planul de admitere la a.I a fost supraîndeplinit – la 200 locuri au fost admiși 270 de studenți. La 20 noiembrie 1945, Institutul dispunea de 966 studenți, iar la 20 decembrie – de 1100, și de un corp profesoral-didactic, venit din alte republici unionale: 16 doctori habilitați în medicină, 12 doctori în medicină, 89 conferențieri și asistenți, au fost atrași la predare și 61 medici din spitalele Chișinăului⁷⁵.

La 26 noiembrie 1945, Biroul CC al PC (b)M a adoptat o nouă hotărâre „Cu privire la măsurile de ajutor Institutului de Stat de Medicină din Chișinău”. În document se constata că Comisariatele, trusturile și întreprinderile s-au angajat să ofere ajutor multilateral Institutului – Comisariatul de construcții civile – să repare blocurile de studii și căminul, Direcția orașenească Apă-Canal – rețelele de canalizare, Trustul de combustibil – să aducă 200 tone de cărbuni, 300 metri cubi de lemne; Comisariatul pentru afacerile interne – să creeze stelaje pentru cărți; Comisariatul pentru gospodărie comună – să plaseze cablu de electricitate în clădiri, Uniunea Pictorilor – se efectueze prezentarea artistică a clădirilor și căminului; Comisariatul sănătății – să elibereze scaune, fotolii etc., să organizeze roentgeno-și radiografie profundă; Comisariatul industriei forestiere – să elibereze 2200 de scaune, 800 de mese, 150 de dulapuri (în perioada octombrie 1945-martie 1946); Comitetul de stat pentru planificare – materiale de construcții și 200 tone de cărbune; Editura de Partid – 500 kg de hârtie; Comisariatul de comerț – câte 80 paltoane și costume (în perioada

decembrie 1945 – ianuarie 1946); Direcția de cooperatie industrială – să trimită meșteri pentru reparația încălțămintei și îmbrăcămintei; Comitetul executiv Chișinău – să amplaseze studenții, pentru care nu s-au găsit locuri în cămine în apartamente private și să elibereze încă 8 apartamente. Biroul CC a hotărât să se adreseze cu o rugămintă către Comisariatul unional al sănătății pentru ca acesta să aloce 5 mil. de ruble: 3 mil. pentru procurarea utilajului științific și de studii; 2 mil. – pentru procurarea mobilei și pentru literatură străină (2000 ruble anual)⁷⁶.

Institutul a primit ajutor și din Moscova – către 1 ianuarie 1946, el a obținut utilaj în valoare de 58000 de ruble, iar spre sfârșitul trimestrului I al a.1946 – suplimentar la aceasta 300 de mese, 160 de mese mari pentru studenți, 400 de taburete, 20 de vagoane de mobilă diferită⁷⁷.

Institutul a deschis imediat și doctorantura (2 persoane), ordinatura (13 persoane), destinate pentru calificarea tinerilor savanți⁷⁸.

În ÎÎS republicane deja în a.1945/46 a început să crească numărul de studenți-moldoveni (la Institutul Agricol în comparație cu anul de studii 1944/45 numărul lor aproape s-a triplat, iar la Institutul de Medicină numărul lor a constituit 45 de persoane (circa 25%), iar la Institutul Învățătoresc din Bălți – 71% dintre studenții noi admiși⁷⁹.

Studenții erau atrași la muncă și după lecții – la organizarea consultațiilor, participarea în cadrul Societăților științifice studențești. De aceea profesorii de obicei se aflau la serviciu până seară târziu. La ședințele Societăților se ascultau rapoarte, membrii lor efectuau expediții științifice (culegerea cântecelor populare, elaborarea materialelor didactice ș.a.). Studenții participau în activitatea diferitelor cercuri, secții sportive, mitinguri, adunări. Toată activitatea cu privire la restabilirea ÎÎS, completarea lor cu cadre didactice, selectarea studenților, cercetările științifice, munca educativă era condusă de organizație de partid, create în 1944-1945 în frunte cu secretarii eliberați ai organizațiilor primare⁸⁰. Tot ei conduceau și organizarea campaniei electorale în Sovietele Supreme ale URSS și RSSM. Institutul de Medicină a înaintat în calitate de candidat în deputați ai Sovietului Suprem al RSSM pe studenta a.III N.Șișkina, participantă în război. Studenții au participat activ la elaborarea listelor de alegători (cei mai buni au fost Barladean de la Institutul Pedagogic din Chișinău, Kosâreva de la Institutul de Medicină; Ianov și Gazareanț (Institutul Agricol). Au fost create câteva zeci de grupe studențești pentru studierea Constituției. Unele organizații primare, însă, au fost destul de pasive (Institutul de Medicină), lucru pentru care au fost criticați de către Comitetul raional Krasnoarmeisk din Chișinău în hotărârea acestuia⁸¹.

CC al PC (b) M avea o atitudine critică față de activitatea comitetelor raionale și organizațiilor primare de partid în acest domeniu. Precum a declarat N.Salogor la adunarea orășenească de partid din Chișinău (23 noiembrie 1945), aceste structuri partinice nu face parte din esența funcționării ÎÎS, în pofida faptului, că situația care s-a creat în acestea cere implicarea directă a lor. Chiar și în cazul unor instituții a căror situație internă a fost discutată de multe ori, organele locale nu luau măsuri (Comitetul raional Krasnoarmeisk din Chișinău nu a luat atitudine față de situația din Institutul Pedagogic), de aceea activitatea educativă în ÎÎS era lăsată în voia soartei⁸². La plenary a VI-a a CC al PC (b)M (11-13 noiembrie 1945) același N.Salogor

a constatat că lucrătorii comitetelor raionale și orașenești de partid puțin frecventează ÎÎS și adunările lor, nu se interesează de viața acestora. Aceeași atitudine indiferentă o au și multe Comisariate, care nu asigură ÎÎS cu produse alimentare și industriale, cu utilaj, scaune, mese ș.a. pentru cămine, nu montează geamurile căminelor etc⁸³.

În concluzie trebuie de menționat că în anii 1944-1945 atenția organelor sovietice și celor de partid a fost concentrată asupra problemelor de organizare a activității ÎÎS, care atunci se afla la etapa de început, asupra creării în aceste instituții a ordinii relative, asigurării lor cu cele mai necesare lucruri. În documentele acestei perioade sunt puțin prezentate rezultatele activității științifice și celei de studii. Situația începe se se schimbe din 1946-1947, de aceea noi considerăm perioada anilor 1944-1945 (problemele, legate de deschiderea Universității de Stat din Moldova, inaugurat spre sfârșitul a. 1946, eveniment pe care îl vom elucida în alt articol) ca etapă aparte. Rolul lui decisiv în istoria învățământului superior postbelic (1944-1991) din Moldova sovietică rămâne, în viziunea noastră, indiscutabil. El a pus, cu toate problemele apărute, bazele pentru activitatea stabilă în următoarele decenii a instituțiilor de învățământ superior din Moldova. Acest proces autorul are intenția să-l reflecteze în alte lucrări.

Note

1. Андрус О., *Очерки по истории школ Бессарабии и Молдавской ССР первой половины XX века*, Кишинев, Шкоала Советикэ, 1951.

2. Крэчун Т., *Очерки по истории народного образования в МССР, Кишинев, Шкоала Советикэ*, 1950; Idem., *Развитие школы и педагогической мысли в Молдавии*, Кишинев, Лумина, 1985; Idem., *Дезволтаря ынвэцэмынтулуй ын РСС Молдовеняскэ ын периоада динтре аний 1917-1950* // *Ынвэцэторул Советик*, 1953, №8; Idem., *Народное образование в Молдавской ССР за 40 лет* // *Ученые записки КГУ*, т.74, 1964.

3. Федько З., Петровская Н., *Интеллигенция Молдавской ССР (1940-1975)*. Кишинев, Штиинца, 1979; Idem., *Участие интеллигенции в развитии экономики и культуры Молдавской ССР (1940-1975)*. Кишинев, Штиинца, 1980.

4. Антонюк Д., *Динамизм культурного строительства в Советской Молдавии: опыт партийного руководства*. Кишинев, 1984; Антонюк Д.и др., *Строительство социалистической культуры в Молдавии (1917-1960)*. Кишинев, 1987.

5. Чорный И., *Ынвэцэмынтул супериор – уна дин импортантеле реализэрь але Молдовей* // *Ынвэцэторул Советик*, 1967, №11, п.28-33.

6. Бырка Г., *Восстановление и развитие сети высших учебных заведений в Молдавской ССР (1944-1946)* // в сб.ст. *Из истории революционного движения и социалистического строительства в Молдавии*, Кишинев, Карта Молдовеняскэ, 1963, сс.169-188; Idem., *Подготовка кадров высшей и средней квалификации в Молдавской ССР*, Кишинев, Штиинца, 1981.

7. *Istoria Universității de Stat de Medicină și Farmacie „N.Testemițanu” (1945-1995)*, Chișinău, 1996; *Istoria Universității de Stat de Medicină și Farmacie „N.Testemițanu” (1945-2005) (în 2 volume)*, Chișinău, 2006.

8. Patron P., *Dezvoltarea învățământului agricol superior în Republica Moldova* // *Научные работы Государственного Аграрного Университета Молдовы*, Т.1, Кишинев, 1992, с. 3-7.

9. *Arhiva Organizațiilor Social-Politice ale Republicii Moldova (în continuare – AOSP RM)*. F.51, Inv.2, D.37, F.77.

10. Ibidem, F.82.

11. *Arhiva Universității Agrare de Stat din Moldova (AUASM)*. F.1, D.27, F.1-2; D.28, F.35; AOSP RM. F.51, Inv.2, D.9, F.343.

12. AOSP RM., F.51, Inv.2, D.9, F.343.

13. Ibidem., F.344-346; Бырка Г. *Восстановление и расширение...*, с. 173.

14. Бырка Г., *Подготовка кадров высшей и средней квалификации ...*, с. 24; AOSP RM. F.51, Inv.1, D.314, F.45; Inv.2, D.106, F.82, 168.
15. AOSP RM., F.51, Inv.2, D.150, F.2, 11; Бырка Г. *Восстановление и расширение...*, с. 173, 179.
16. AOSP RM., F.51, Inv.3, D.12, F.152-154.
17. *Ibidem.*, D.267, F.33-35 (cu verso).
18. *Ibidem.*, D.224, F.43-44.
19. *Ibidem.*, D.267, F.61.
20. *Ibidem.*, D.17, F.378.
21. *Ibidem.*, F.12; Inv.1, D.57, F.85-86.
22. *Ibidem.*, D.46, F.16-16 (verso); Inv.2, D.267, F.81 (verso), 82(verso)-83, 86 (verso).
23. *Ibidem.*, Inv.3, D.267, F. 80a(verso) – 82.
24. *Ibidem.*, D.160, F.50.
25. *Ibidem.*, D.21, F.354.
26. *Ibidem.*, D.23, F.223-227.
27. *Ibidem.*, D.36, F.115; Бырка Г., *Восстановление и расширение...*, C.178.
28. AOSP RM., F.51, Inv.3, D.53, F.1-2.
29. *Ibidem.*, D.21, F.486-487.
30. *Ibidem.*, F.488; D.267, F.70, 125.
31. *Ibidem.*, D.36, F.173; D.267, F.116-117.
32. *Ibidem.*, D.267, F.150.
33. *Ibidem.*, F.99.
34. *Ibidem.*, F.74-76.
35. *Ibidem.*, F.116-117.
36. *Ibidem.*, F.12, Inv.1, D.41, F.95.
37. *Ibidem.*, F.51, Inv.2, D.10, Partea II, F.101; Бырка Г. *Восстановление и расширение...*, C.173.
38. AOSP RM, F.51, Inv.2, D.142, F.78; Inv.3, D.10, F.328; Бырка Г. *Подготовка кадров высшей и средней квалификации ...*, C.19.
39. AOSP RM. F.51, Inv.2, D.142, F.18-19.
40. *Ibidem.*; Inv.3, D.10, F.328-330.
41. *Ibidem.*, F.330-332.
42. *Ibidem.*, Inv.2, D.142, F.20-21; Inv.3, D.10, F.333, 336-337.
43. *Ibidem.*, Inv.3, D.10, F.334-337.
44. *Ibidem.*, F.288, 339.
45. *Ibidem.*, F.288.
46. *Ibidem.*, F.323-324.
47. *Ibidem.*, F.324-326.
48. *Ibidem.*, D.35, F.158.
49. *Ibidem.*, D.23, F.267.
50. *Ibidem.*, D.267, F.116-117.
51. *Ibidem.*, D.252, F.13.
52. *Ibidem.*, F.8 (verso).
53. *Ibidem.*, D.3, F.266-267; Бырка Г. *Восстановление и расширение...*, с. 179-181.
54. AOSP RM, F.51, Inv.2, D.37, F.85.
55. *Ibidem.*, D.104, F.19; D.106, F.115 (verso), 136; D.150, F.17 (cu verso).
56. *Ibidem.*, D.37, F.205-206.
57. Бырка Г., *Восстановление и расширение...*, с.173, 179, 181; AOSP RM. F.51, inv.2, d.150, f.12.
58. AOSP RM, F.51, Inv.2, D.150, F.17 (cu verso)-18 (cu verso).
59. *Ibidem.*, Inv.3, D.242, F.4 – 4 (verso)
60. *Ibidem.*, D.21, F.487-488; D.267, F.66.
61. Arhiva Ministerului Educației a Republicii Moldova. Fondul Cancelariei. Anul 1945. D.3, f.59; Бырка Г. *Восстановление и расширение...*, с.174.
62. AOSP RM, F.51, Inv.3, D.27, F.181; D.267, F.167-169.

63. *Ibidem.*, D.36, F.173; D.53, F.1-2; D. 271, F.11, 125.
64. *Ibidem.*, D.271, F.1-2, 4-5.
65. *Ibidem.*, F.7.
66. *Ibidem.*, F.11; D.267, F.84 (cu verso).
67. *Ibidem.*, D.267, F.84 (cu verso) – 85 (cu verso).
68. *Ibidem.*, D.19, F.254-255, 259.
69. Șevcenکو R., *Politica statului sovietic privind formarea sistemului învățământului superior din RSS Moldovenească (1940-1941)* // Anale Științifice ale USM. Seria Științe Socioumanistice, 2006. Vol. III, P.209.
70. AOSP RM, F.51, Inv.3, D.66, F.19.
71. *Ibidem.*, D.21, F.6-7.
72. *Ibidem.*, F.33-34.
73. *Ibidem.*, D.36, F.112.
74. *Ibidem.*, D.66, F.17-18.
75. *Ibidem.*, D.37, F.230; F.12, Inv.1, D.41, F.95.
76. *Ibidem.*, F.51, Inv.3, D.29, F.359-362.
77. Бырка Г., *Восстановление и расширение...*, с. 176.
78. *Там же.*, с. 178.
79. *Там же.*, с. 182.
80. *Там же.*, с. 185, 187; AOSP RM, F.51, Inv.3, D.27, F.665, D.29, F.362.
81. AOSP RM, F.12, Inv.1, D.32, F.44, 46, 48, 67.
82. *Ibidem.*, D.21, F.68-69.
83. *Ibidem.*, F.51, Inv.3, D.3, F.215-216.

RESUMAT

RESTORATION OF UNIVERSITY EDUCATION SYSTEM IN THE MOLDAVIAN RSS (1944-1945)

This article analyses the process of higher education institutions activity restoration in Moldova 1944-1945. It reflects the difficulties that were met by university education in the republic. Also it is described the methods of party and soviet guidance of the Republica taken for development and organizational consolidation of universities from that period.

ИЗ ИСТОРИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА УКРАИНЦЕВ МОЛДОВЫ

В. СТЕПАНОВ

Украинское население Молдовы является исторической этнической группой, на протяжении длительного времени испытывающей, с одной стороны, влияние молдавского окружения, а с другой постоянную подпитку со стороны соплеменников-мигрантов из разных регионов Украины.

В средневековье большое значение в жизни отдельной крестьянской семьи и каждого ее члена играла община – *громада*. Ее роль была особенно важна в период феодализма. Выжить в тех условиях без круговой поруки односельчан было очень сложно. Община просуществовала практически вплоть до конца XIX в.

В XIX в. село возглавлял староста – уважаемый и зажиточный хозяин. С эволюцией общественных отношений роль старосты приобретает все более административные черты. В литературе XIX в., например, зафиксированы случаи, когда, при каких либо, возникших спорах между односельчанами старосте вменялось в обязанность, в том числе, улаживать конфликты. В подобных случаях иногда прибегали к помощи жребия. Бывало решение спорных вопросов осуществлялось старостой в «шиньке» (питейном заведении) – під горівку. В подобном случае решение в пользу того или иного спорщика, зачастую зависела от выставленного угощения. Распространение получила форма суда на сходе громади.

В XIX – первой половине XX в., в системе ценностей высокое место занимало общественное мнение. С ним считались, к нему прислушивались. Одной из распространенных форм наказания являлось общественное порицание, высмеивание. Отношение к ворам по нормам обычного права в народе было непреклонным. «Мошенник, воришка клеймится титулом “мотовильник”, “ворог”, становится посмешищем старых и малых, ставится в пример как олицетворение зла, на них не только не возлагается общественной службы, их даже не принимают в общих сходах, при обсуждении общественных вопросов, или, по меньшей мере, пренебрегают их мнением. Такое общее презрение постигает не только закадычных, отменных воров, но и тех, злые деяния которых фактически не доказаны. Очень нередки случаи, когда пойманных на месте преступления воров в пылу гнева убивали до смерти ².

Негативное отношение к подозреваемой в ведьмачестве носило не только индивидуальное начало, но и коллективное поругание. Порой доходило до самосуда. Не случайно, согласно нормам обычного права, лиц обвиненных в колдовстве запрещалось даже хоронить в границах кладбища. Их хоронили за оградой. Например, по свидетельству старожилов с. Воронково Резинского р-на

в годы голода и засухи в среде односельчан пошел слух, о том, что дождя нет в связи с тем, что женщину, которые односельчане считали ведьмой, похоронили в пределах кладбища. Сход селян решил перезахоронить тело, за его оградой.

Обращают на себя внимание сообщения об особом отношении к старшему поколению, к которому обычно обращались за советом и помощью. Этих людей уважительно называли мудрецами. В одном из письменных источников, авторство которого принадлежит учительнице М. Ермолиной говорится о том, что «они (старики) решают трудные вопросы в жизни крестьянина, которому приходится постоянно наталкиваться на них и обращаться за решением к старшим и более опытным»³.

Нормы обычного права широко охватывали практически все стороны повседневной и праздничной жизни украинского крестьянина. Его нормы регламентировали правила поведения в местах общего собрания, в календарной обрядности, в системе семейных отношений.

В XIX – первой половине XX в. продолжали сохраняться *коллективные формы взаимопомощи*, например, таких, как коллективный сбор урожая. Обще-распространенными для всех жителей Бессарабии и Левобережного Поднестровья были работы за угощение – *клаки*. Такого рода работы, в которых принимали участие все соседи, родственники, а порой и вся магала села (клака, толока, поміч) являются традиционными для общественных взаимоотношений.

Если работа не носила безвозмездный характер или человек работал на себя в праздник, это считалась грехом. Считалось, что те, кто трудятся в праздничный день, обязательно будут наказаны. Например, считалось, что «на Кирика-шкеопу (Кирилла-хромого – В. С.) по народному верованию нельзя работать, в противном случае можно повредить ногу или руку и нарушитель того праздника делается хромым, калекой. В день Фоки нельзя даже разводить огня, иначе сгорит дом и т. п.»⁴. Мало того, нарушителей наказывали сами односельчане.

Уже к концу XIX в. Бессарабия вошла в состав территорий Российской империи с самой высокой плотностью населения. Увеличение количества населения естественно вело к обезземеливанию малоимущего крестьянства и появлению такой социальной категории, как батраки, которые шли в наем или посезонно или постоянно.

В процессе капитализации сообщества XIX в. *элементы регионально-профессиональных правовых форм взаимоотношений* между имущими и неимущими приобретали специфические формы. Один из авторов того времени П. Рябков в своей объемной статье «Рыболовство в Херсонской губернии. Опыт статистико-экономического исследования». В объемной статье автором описаны поднестриевские земли, рассматриваются отношения между рыбаками и хозяевами берега, откуда велся лов рыбы, и т. п.

Малоземелье вынуждало местное крестьянство заниматься дополнительными заработками. Одной из таких форм заработка были *фальчи* – уборка хлеба или травы. *Фальча* – мера немногим более десятины (фальча имела 2880 кв. саженей и относилась к десятине примерно как 6:5).

Различались фальчи по контракту и вольные. Хозяева земли и их уполно-

моченные, понимая, что рабочая сила летом очень дорогая, занимались вербовкой крестьян осенью. Бедное русинское население продавало свою силу на будущее лето за половину положенной суммы. Часто крестьяне брали деньги в счет будущих фальч, не имея возможности заплатить подати.

Вольные фальчи, иначе называемые *забирки*, не были связаны с подписанием контрактов, и крестьяне на них зарабатывали значительно больше. «Это показывает, как велика эксплуатация рабочих рук агентами, занимающимися законтрактовкой рабочих», – писал П. Несторовский. Он оставил красочное описание быта русинов-фальчевников: «В таком обозе есть что-то старинное, чумацкое. Для полноты картины недостает только чумацких волов, которых буковинцы и другие русины для таких длинных поездок никогда не берут, заменяя их лошадьми»⁷. Разбиваясь на мелкие группы, *фальчевники* разводили костер, на котором готовили «всегдашнее вечернее блюдо простолюдина-бессарабца – мамалыгу... Спят тут же у повозок на голой земле, даже в дождливую пору»⁸. Малоимущие русины, которых было значительное большинство, батрачили. Батраки были сроковыми и годовыми. Первые вербовались на 8 месяцев (с 1-го марта по 8-е ноября), работали они на помещиков за пределами Хотинского уезда⁹.

Социальные взаимоотношения в украинской общине представлены сложной устоявшейся системой отношений, основанных на социальной и половозрастной структуре традиционно сложившихся в обществе норм поведения. Например, коллективные танцы – джок/жок (название, заимствованное от молдаван), как правило, сопровождалось присутствием старшего поколения, подсказывающего правила поведения молодежи, причем юношей учили старики, а девушек, пожилые женщины.

Возрастной и социальный статус жителя украинского села XIX в. можно было определить по определенной орнаментике или отдельным элементам традиционной одежды¹⁰.

Определенный надзор осуществлялся и на вечорницах (посиделках), обычно проводимых под присмотром старших. Так молодежь практически не употребляла спиртного (в том числе и на посиделках), особенно девушки. Шинки, обычно посещали женатые мужчины. По воспоминаниям респондентов целого ряда украинских сел: Унгры, Стурзовка, Мусаит и др. если молодые парни (парубки) забредали в шинки, то старшие их просто выгоняли оттуда (межвоенный период).

Современные этнические культуры прошли сложный путь развития. XIX в. характеризуется еще и активизацией женского начала в социальной жизни, в том числе и в семье. Известно, что в силу хозяйственно-экономического уклада украинская и молдавская семьи характеризовались таким понятием, как малая семья.

На формирование семейных отношений оказывали влияние социальное положение молодых. В процессе работы в экспедициях автору приходилось фиксировать информацию о том, что в XIX – начале XX вв. имели место случаи, когда родители решали судьбу своего ребенка, выдавая его замуж или жениха на ком, считали более выгодным для усиления хозяйства и обеспечения большего достатка. Однако, следует отметить, что это были скорее случаи исключительные.

В малой семье гораздо больше функций перекладывается на плечи хозяйки, многие хозяйственные вопросы решает именно женщина. Вероятно, такой сильный гендерный образ украинская женщина приобрела именно в условиях доминирования мужского казачьего начала, когда мужчина долгое время находился в ратных походах. Таким образом, длительное отсутствие мужчины дома привело к некоторому усилению прав женщины. Сказалось и то, что Новороссийскому краю были свойственны более мягкие формы социальной зависимости крестьян.

Получается, что доминирование мужчины-хозяина – мужа, главы семейства начинает проявляться, когда он находится дома, работает с землей и не отлучается надолго от семьи.

Исследователь и писатель XIX – начала XX вв., П. А. Несторовский, говоря о положении женщины в традиционной русинской семье, обратил внимание на патриархальность, прочно сохранившуюся в ней и ставившую женщину в полную зависимость от мужа: «Она его помощница, но отнюдь не равноправный спутник жизни». Хозяйкой дома женщина могла стать лишь в случае потери своего мужа, при малолетних детях. Причем, как отмечал П. А. Несторовский, ее авторитет как матери стоял не так уж высоко. «Случаи неповиновения ей, особенно со стороны взрослых сыновей, готовых смотреть на мать как на юридически неполноправное лицо, бывают нередки»¹⁵.

Дочь, по его словам, не была уравнена в правовом отношении с сыновьями, что практически исключало наследование ею земли. Лишь воля отца «может наделить ее родовым имуществом в виде земельного наследства», что, впрочем, нередко нарушалось сыновьями после смерти родителей.

Согласно историографическому анализу, проведенному молдавским исследователем XX в. П. В. Советовым, можно выделить несколько точек зрения на проблему. Ряд румынских исследователей: К. Диссеску, Н. Йорга, К. Попеску отождествляли систему права Валашского и Молдавского феодальных государств, считая господствующим для обоих государств преимущественное наследование мужчин. Г. Фотино, А. Ксенопол, Г. Замфиреску и др. доказывали наличие равенства полов при наследовании как в Молдове, так и в Валахии. Еще одна группа ученых: Г. Точилеску, П. Негулеску, Д. Александреску, И. Перец, В. Ханга и др. – утверждала, что по валашскому праву наблюдалось преимущественное наследование мужчин, а по законам молдавского обычного права к наследованию допускались и дочери. Молдавские исследователи Ф. А. Грекул и П. В. Советов господствующей нормой при наследовании земли считали равенство полов с сохранением в отдельных случаях некоторых пережитков, ущемлявших права наследника по женской линии¹⁶.

Тесные взаимодействия молдавского и украинского населения, исторически проживавшего на одной территории привело к распространению целого ряда норм обычного права известного как среди молдавского, так и у украинского населения. В качестве примера можно привести обряд, называемый у молдаван *«pe cupțior»*, а среди украинцев известный под названием *«на піч»*.

В заключении необходимо отметить, что при изучении норм обычного права в полиэтническом обществе немалое значение играют тесные межэтни-

ческие контакты, особенно если речь идет об исторической этнической группе украинцев, издавна проживающей на молдавских землях. С другой стороны, определенная законсервированность культуры местных украинцев, проживающих в под влиянием иноэтничных культур в немалой степени способствовала сохранению ряда элементов обычного права. Последующее развитие сообщества, в немалой степени способствовало стиранию из памяти народа многочисленных элементов народного права, которыми украинцы пользовались в повседневной жизни.

Примечания

¹ Советов П. В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии (Очерки истории ренты в XVI начале XVIII), Кишинев, 1980. С. 199.

² Институт рукописей ЦНБ НАН (Центральная научная библиотека Национальной Академии Наук) Украины. Ф. 5. Д. 692. Л. 205 (об.).

³ Институт рукописей ЦНБ НАН Украины. Ф. 5. Д. 695. Л. 220 (об.).

⁴ НАРМ (Национальный архив Республики Молдова). Ф. 65. Оп. 2. Д. 1268. Л. 35.

⁵ Сироткин В. М. Обычное право и правовые представления // Украинцы. Ответственные ред. Н. С. Полищук, А. П. Пономарев. М., «Наука», 2000. С. 352.

⁶ Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. СПб., 1863. С. 13-14.

⁷ Несторовский П. А. По русской Буковине. Путевые заметки // Исторический вестник № 5. 1908. С. 682.

⁸ Несторовский П. А. На севере Бессарабии. Варшава, 1910. С. 167-168.

⁹ Несторовский П. А. Бессарабские русины. Варшава, 1905. С. 81.

¹⁰ Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. СПб., 1863. С. 16-17.

¹¹ Афанасьев-Чужбинский А. С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. СПб., 1863. С. 49-52.

¹² Пономарьов А.П. Українська етнографія. Київ, 1994. С. 35.

¹³ Институт рукописей ЦНБ НАН Украины. Ф. 5. Д. 692. Л. 204 (об.).

¹⁴ Пономарьов А.П. Українська етнографія. Київ, 1994. С. 249.

¹⁵ Несторовский П. А. Бессарабские русины. Варшава, 1905. С. 147-148.

¹⁶ Подробнее см. Советов П. В. К истории наследственного права феодальной Молдавии до XIX в.) // Известия Молдавского филиала АН СССР № 2 (56). Кишинев, 1959. С. 25-26. В то же время необходимо упомянуть наблюдение подполковника М. Дарагана, который констатировал, что в середине XIX столетия жители Бессарабии, используя законы Арменопуло (собранных предания и постановлений молдавских господарей в 1810 г.), распределяли наследственные имения между всеми сыновьями и дочерьми поровну (Дараган М. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 3. Бессарабская область. СПб., 1849. С. 10-11.

¹⁷ Институт рукописей ЦНБ НАН Украины. Ф. 5. Д. 691. Л. 197.

SUMMARY

This publication contains the information from some literary sources reflecting the information about the common law of Ukrainian population from Moldova. The analyzed material testifies that the data collected by researchers of nineteenth-twentieth centuries in Ukrainian environment are archaic that is explained by the Ukrainian population culture conservation in another language area. In virtue of poor investigation of this problem, this topic is debated as preliminary research.

Teodor CANDU

În materialul de față ne propunem să dăm publicității un număr de documente care sunt depozitate în cadrul Fondului Dicasteriei Exarhale și în special se referă la corespondența dintre Dicasteria Exarhală cu Divanul Țării Moldovei, Dicasterie cu unii egumeni precum ieromonahul Daniil de la mănăstirea Florești², și arhimandritul Ioan, starețul mănăstirii Neamț, precum și implicarea unor ierarhi precum episcopul vicar al Mitropoliei Dimitrie Sulima și fostul mitropolit al Moldovei Veniamin Costachi, pe marginea cazului legat de cererea ieromonahului Ioanichie Conachi referitor la moștenirea rămasă după decesul vornicului Gavriil Conachi și ulterior a fiicei sale, soția căminarului Alexandru Calimah³. La prima vedere acest caz nu ar trebui să fie ieșit din comun. Dar cu toate acestea pentru soluționarea sa a fost implicată nu numai o singură instituție.

³ ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, *Dosar cu privire la cererea din partea divanului Moldovei de a i se elibera, ieromonahului Ionichie (Conachi) de la mănăstirea Florești, permis pentru a merge să-și soluționeze problemele legate de moștenire*, 18 12 1811 - 13 03 1812, 16f.; Vezi Anexa 1-13-

Declanșarea problemei începe din momentul când la 3 octombrie 1811 din porunca mitropolitului și exarhului Gavriil Bănulescu-Bodoni, ieromonahul Ioanichie Conachi, care era cu metanie de la mănăstirea Esfigmenu, de la Muntele Athos, este trimis să viețuiască până la încheierea păcii la mănăstirea Florești, care era metoh al celei menționate mai întâi. Drept urmare ieromonahul Ioanichie va adresa o cerere către Divan de a interveni pe lângă Dicasterie ca să i se permită de a veni la Iași să-și rezolve afacerile legate de moștenirea părintească rămasă după moartea tatălui său și a surorii sale care între timp decedase. În urma intervenției Divanului pe lângă Dicasterie, aceasta din urmă dă răspuns că ieromonahul Ioanichie Conachi a fost trimis la mănăstirea Florești din porunca mitropolitului și exarhului Gavriil, iar de cele trebuincioase urmează să-i fie date din această mănăstire întrucât fiind cu metanie de la Esfigmenu.

Divanul la 3 februarie 1812, printr-o nouă scrisoare către Dicasterie cere ca să fie trimis ieromonahul Ioanichie în fața acestuia pentru a rezolva problema moștenirii rămase după decesul tatălui său și a surorii sale. Însă la scurt timp Dicasteria este informată la 9 februarie 1812 de egumenul Daniil de la Florești că Ioanichie a părăsit fără voie mănăstirea, făcându-și singur răvaș de drum și a mers probabil la mănăstirea Neamț sau la unul din metohurile acestei mănăstiri. Deși Dicasteria primise această informație, poruncește egumenului Daniil că dacă numitul ieromonah Ioanichie va apărea la mănăstire să-l trimită fără asupraire la Dicasterie.

La 22 februarie 1812, la Dicasteria Exarhală vine o altă scrisoare, aceasta fiind semnată de proin mitropolitul Moldovei, Veniamin Costachi, care intervine pe lângă mitropolitul Gavriil ca acest ieromonah să fie lăsat să viețuiască la mănăstirea Neamț, în care și mai înainte vreme a stat. Totodată mitropolitul Veniamin descrie cum acest fiu de boier a fost tuns în călugărie pe timp când era în fruntea Bisericii din Moldova. Deși scrisoarea era adresată mitropolitului Gavriil, întrucât acesta se afla la Sfântul Sinod din Sankt Peterburg, episcopul vicar al Mitropoliei Moldovei, titular al Benderului și Akkermanului Dimitrie Sulima, scrie personal rezoluția prin care cere să fie alcătuite din numele său către preasfințitul Veniamin răspuns cu privire la cererea făcută de acesta în favoarea lui Ioanichie, arătând că nu poate schimba hotărârea făcută de exarh. Și totodată să fie dată poruncă starețului mănăstirilor Neamțu și Secu să fie trimis acest ieromonah la Dicasterie. La 7 martie 1812, arhimandritul Ioan scria răspuns Dicasteriei prin care informa că Ioanichie Conachi a fost trimis la Iași, și prin urmare la 13 martie aceasta îl trimitea la Divan, totodată cerând ca după încheierea cercetării pricinii ieromonahul Ioanichie să fie trimis înapoi la Dicasterie cu informație din partea Divanului.

Din cele succint prezentate mai sus constatăm că și în perioada toamnei 1811 și primăverii anului 1812, în principate continuau să fie aplicate deciziile luate la începutul celei de-a doua păstorii a eparhiilor românești de mitropolitul și exarhul Gavriil Bănulescu-Bodoni, printre care menționăm și interzicerea călugărilor de a sta în afara mănăstirilor fără de nici o treabă sau învoire, măsură luată pentru a pune capăt fenomenului vagabondajului din rândul reprezentanților tagmei monahale. În acest context decizia luată la 3 octombrie 1811 intră în categoria dată. Totodată documentele ne oferă detalii despre activitatea Dicasteriei Exarhale, relațiile acesteia cu unele instituții laice și ecleziastice precum Divanul și mănăstirile Florești și Neamț.

Mănăstirea Florești fiind închinată în perioada 1808-1812 temporar intră sub controlul Dicasteriei, iar mănăstirea Neamț, aflându-se în eparhia Mitropoliei era direct subordonată acestei instituții. Pe lângă acestea materialul dat ne oferă posibilitatea să fie reconstituite anumite detalii și cu privire la viața unui descendent din marele neamuri boierești din secolul al XVIII-lea – începutul secolului al XIX-lea, care a îmbrăcat haina monahală, adică a lui Ioanichie Conachi.

ANEXĂ

1

1811 octombrie 3. - *Porunca dată de Gavriil Bănulescu-Bodoni egumenului mănăstirii Florești, ieromonahului Daniel, ca ieromonahul Ioanichie Conachi să rămână statornic la acea mănăstire, întrucât este cu metanie de la mănăstirea Esfigmenu, metoh al căreia este și mănăstirea Florești.*

Cuvioșiei tale ieromonahe Daniel, igumen mănăstirii Floreștii blagoslovenie.

Fiindcă ieromonahul Ioanichie fiul răposatului Gavriil Conachi, cu hotărâre s-au pus metaniia la mănăstirea Esfigmenului de la Sfeta Goră, unde este închinată și mănăstirea Floreștii și fiindcă la acea mînîstire răposatul părintele lui prin diiată ce au lăsat au afierosit și partea de clironomie a fiului său.

Drept aceia scriem cuvioșiei tale, ca să fie numitul Ioanichie ieromonah statornic în mănăstirea Floreștii, neîngăduindu-l cuvioșie ta ca să umble de la o mănăstire la alta și având în purtare de grijă pentru ceale trebuincioasă a hrăni, până să va faci paci și atuncia fiind granița deschisă, poate va voi ca să margă la metania sa, la Esfigmenu, pentru petrecerea a rămășiții luia până în sfârșit acolo o să-l ții Și fii blagoslovit.

1811 ani

Oct(om)v(rie) în 3 zile. Nr. 1021.

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, f. 2. (Copie).

2

1811 octombrie 14. - *Raportul egumenului mănăstirii Florești, Daniel, către mitropolitul și exarhul Gavriil Bănulescu-Bodoni, prin care confirmă primirea poruncii Dicasteriei cu privire la ieromonahul Ioanichie Conachi, de primire a acestuia în mănăstire.*

Cu multă plecăciune închinându-mă, cu multă evlavie sărut dreaptă preosfinției tale milostive stăpâne.

Porunca înaltu preosfinției tali scrisă de la 3 aceștii curgătorii luni și trecută supt numărul 1021, cu multă plecăciune am priimit-o, prin cari mi să poroncești ca ieromonahul Ioanichii, fiul răposatului Gavriil Conachi, să fii statornicit la mănăstirea Florești, ne îngăduindu-l a umbla din mănăstire în altă mănăstire și să am purtare de grije pentru hrană vieții numitului ieromonah și pentru îmbrăcăminte. Nu lipsescu a înștiința înalt preosfinției tali că următor oi fi întocmă poroncii, a unul ce am fost sântu și oi fi al preosfinției tal(e) plecat i smerit slugă

Daniil igumen m(ănăstirii) F(lorești) <m.p.>

1811 octom(vrie) 14.

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 407, f. 3. (Original).

3

1811 decembrie 12. - *Divanul Țării Moldovei către Dicasteria Exarhală se adresează pe marginea plângerii ieromonahului Ioanichie Conachi, fiul vornicului Gavriil Conachi pentru a i se permite a merge la Iași pentru soluționarea problemelor legate de moștenire, după moartea surorii sale soția căminarului Alexandru Calimah.*

Cătră cinstita Exarhicească Duhovnicească Dicasterie a sfintei Mitropolii.

Ieromonah Ioanichie fiul săvârșitului din viață vornic Gavriil Conachi, au triimis înștiințare cătră Divanu că petrecând 10 ani la mănăstirea Neamțului viață călugăriască, au fost venit nu de mult aicea la Eși se vază pe soru sa ci să afla bolnavă, care au și murit, soție dumisale caminar(iu)lui Alexandru Calimah, și se-și caute și pentru parte de moștenire ce i s-au cădea, din averea părințască, s-ar fi trimis cu poștă, la mănăstirea Florești, de șede acolo supt oarecare oprire și a făcut rugăminti, se aibă voe a veni aice, se-și cauti trebuințele ce are, mai ales că să află acolo fără straiia încă și fără cămeși de schimbu.

Pentru aceasta, Divanul cu căzută cinste, poștește pe cinstita Exarhiceasca Dicasterii, se binevoiască a scrie carte, prin care să fie slobod de la mănăstire și macar de va fi vreo greșală asupra sa, care zice că ni este cunoscută, să fie ertat.

1811 dec(em)vr(ie) 12.

Gherasim episcop(ul) Romanului, <m.p.>

Constantin logofăt(?) <s.a.>

... ..¹ <s.a.>

¹ Ilizibil-

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392. f. 1. (original)

4

1811 decembrie 21. - *Răspunsul Dicasteriei Exarhale către Divanul Principatului Moldova cu privire la măsurile luate în privința ieromonahului Ioanichie Conachi.*

В Диван Молдавского Княжества из Екзарщеской Дикастерии.

(**trad:** Către Divanul Cnejiei Moldovei de la Dicasteria Exarhală.)

După oțnoșenii cinstitului blagorodnicului Divan din 12 dech(emvrie) anului curgători, întru-care arătând cinst(itului) Divan că ieromonahul Ioanichie, fiul săvârșitului din viață vornic Gavriil Conachi, au trimis înștiințare, că trimis fiind cu poștă la mănăstirea Floreștilor, șade acolo supt orișicare oprire, și au făcut rugăminte să aibă voie a veni aici la Iași să-ș(i) caute trebuințele ce are, mai ales că să află acolo fără strae și încă fără cămeși de schimb, s-au făcut cercetare la jurnal și s-au aflat că cuviosul ieromonah Ioanichie Conachi, ca unul ce ș-au pus metania la mănăstirea Esfigm(en) de la Sfeta Goră, unde este și mănăstirea Floreștilor închinată cum și partea clironomieii cuvioșiei sale ieromonahului Ioanichie, s-au afierosit tot la mănăstirea Esfigmenon, prin diiata părințască, s-au triimis la acea mănăstire Floreștii

din porunca înalt preosfințitul mitropolit și exarh Gavriil, după cea deosebită cătră egumenul, ca să-i poarte de grijă pentru toate cele trebuincioasă, fără a-i da voie să umble de la o mănăstire la alta, până când să va faci pace și atunci poate va voi să miargă la metania sa.

Pentru care văzând Dicasteria această poroncă a înalt preosfinției sale pentru numitul ieromonah Ioanichie, nu poate schimba hotărârea stăpânului său, ce va fi cuvioșii sa ieromonahul <ieromonahul>¹ Ioanichii îngăduitori până la venirea înalt preosfinției sale, lasă ca să nu aibă lipsă întru-nimică s-au poroncit igumenului ca să facă izvod de toate celi ce are trebuință ieromonahul Ioanichie, adecă de strae, de cămeși și de altele, și să-l triimită la epitropii răposatului vornic Conachi și va fi odihnit. Pentru (care) nu lipsește Dicasteria a face răspuns cinstit bla(gorodnicului) Divan.

Декабря 21го, 1811 года. №1274^и.

¹ se repetă.

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 407, f. 5-5v. (Copie).

5

1812 februarie 3. – *Divanul către Dicasteria Exarhală cu privire la eliberare învoirii ieromonahului Ioanichie Conachi de a veni la Iași pentru a-și rezolva problemele legate de partea sa de moștenire și alte afaceri.*

Cătră censtita Exarhiceasca Dicasterie a Sfintei Mitropolii!

Ieromonahul Ioanichie Conache ci se află trimis de cătră cinstita Dicasterie la mănăstire Floreștii, supt poruncă se nu fie slobod a eși de acolo, prin al doile jalobă face rugămintă se i se dea voe a veni la Eși să-și caute pentru partea de moștenire ce i se cuvine a lua din avere părintelui său răposatului vor(ni)c Gavriil Conachi, și alte trebuințe ce mai are aicea pentru aceasta, fiindcă numitul ieromonah este în vârstă de 30 ani, și în vreme de 10 ani ce au petrecut la mănăstire Neamțului, în cinul călugării s-au purtat cu bună rânduială, cum și aice cât au fostu, s-au auzit vreo faptă sau urmare necuvioasă asupra sa. Divanul are cinstă a pofti pe cinstita Dicasterie să binevoiască a scrie către cine se cuvine, ca se aibă voie ieromonahul Ioanichie Conache a veni la Eși, se nu se isterisască supt această oprire de dreptate moștenirii părintești, care carte se se dea la Divan ca se i se trimată.

1812 fevr(uarie) 3.

Costachi vel logofăt <s.a.>

... logofăt <s.a.>

Supra: 1812 года февраля 7. Записав доложить с делом. [**trad:** Anul 1812 februarie 7. După ce va fi înscris de anexat la dosar.]

Sub: Слушано 7го февраля 1812го Годa. [**trad:** Audiat la 7 februarie, Anul 1812].

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 407, f. 6. (Original).

6

1812 februarie 9. – *Raportul egumenului mănăstirii Florești, ieromonahul Daniil către Dicasterie prin care informează că ieromonahul Ioanichie Conachi a părăsit mănăstirea făcându-și singur răvaș de drum cu presupunerea că ar fi la mănăstirea Neamțul sau la vreun metoh al acesteia.*

Cătră cinstit duhovnicescul Dicasterii a Moldovlahiei.
De la ieromonahul Daniil igumenul mănăstirii Florești.

Ieromonahul Ioanichii Conachi care au fost rânduit prin poroncă ca să treacă la mănăstirea Florești, ne fiind eu la mănăstire au făcut singur răvaș de drum și au fugit, neștiind nimi undi s-au dus, credu că sau la mănăstire Neamțului, sau la vro un metoh acestui mănăstire au fi mersu.

Pentru cari nu lipsescu, după neapărată datoriia me a înștiința cinstitului i duhovnicescului Dicasterii, ca unul ce sântu supus i plecat.

1812 fev(ruarie) 9.

Daniil igumen m(ănăstirii) F(lorești). <m.p.>

[Supra]: 1812ro года февраля 12ro дня. Записав доложить. (trad: Anul 1812 februarie 12 zile. După ce va fi scris de raportat.)

[Sub]: Слушан 12 го февраля 1812го года. (trad: Audiat la 12 februarie, anul 1812.)

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, f. 9. (Copie).

7

1812 februarie 12. – *Porunca Dicasteriei Exarhale a Moldovlahiei către egumenul mănăstirii Florești, Daniil, pentru a-l trimite pe ieromonahul Ioanichie Conachi la Dicasterie dacă acesta va reveni fără asupraire.*

De la Exarhiceasca al Moldovlahiei Dicasterie.
Cătră proestosul mănăstirii Florești, chir Daniil.

Poroncă.

Fiindcă cinstitul Divan prin soobșenie sa ce tremes la 3 aceștii lune face poftitoare cerere, ca sî s(e) dee voe ieromonahului Ioanichie Conachi a veni aice pentru ca să-ș(i) caute trebile ce are pentru părinteasca moștenire.

Dicasteria dar scrie cuvioșiei tale ca după priimirea aceștii, îndată să tremeți pe pomenitul ieromonah aici drept la Dicasterie.

Dar fiindcă din 9 zile aceștii lune faci Dicasterie(i) înștiințare că acel Ioanichie au fugit și nu să știe încotro s-au dus. Deci de să va întoarce la mănăstirea vei plini poronca aceasta, însă tremețându-l fără asupraire tot aici la Dicasterie.

1812 fevr(uarie) 12 zile.

Nr. 78ⁱⁱ.

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, f. 7. (Copie).

8

1812 februarie 12. – *Raportul Dicasteriei Exarhale către Divanul Moldovei prin care informează cu privire la faptul că ieromonahul Ioanichie Conachi a părăsit mănăstirea Florești în timp ce egumenul acesteia lipsea, cât și despre faptul că numitul ieromonah va fi chemat să-și caute dreptățile dacă va fi găsit la vreo mănăstire.*

Cătră cinstitu blagorodnicu Divan a Cnejii Moldaviei.

De la Exarhicească al Moldovlahiei Dicasterie.

După soobșenia ce au tremes cinst(itul) Divan la această Dicasterie din 3 curgătorei luni pentru ca să s(e) dee ieromonahului Ioanichie Conachi ce să află la părinteștii moșteniri. Dicasteria au fost scris poroncă igumenului prin raport înștiințare, că ieromonahul Ioanichii Conachi în vreme când igumenul nu să afla la mănăstirea au fugit fără a să ști unde. De aceasta Dicasteria are cinst(e) a face cinst(itul) Divan înștiințare, că aflându-să acel ieromonah la vreuna din mănăstiri îl va chema Dicasteria, și spre aș(i) căuta dreptate ce are pentru moștenire i să va da voe.

1812 fevr(uarie) 12 zile.

Nr. 79.

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, f. 8. (Copie).

9

1812 februarie 22. – *Veniamin Costachi, fost mitropolit al Moldovei, către mitropolitul și exarhul Gavriil Bănulescu-Bodoni cu privire la ieromonahul Ioanichie Conachi și dorința acestuia de a rămâne în mănăstirea Neamțului.*

Preaosfințite stăpâne.

Cu cea în H(risto)s frățiască și duhovnicească dragoste
și cu omenie mă închin preaosfinției tale.

Poroncirea dându-mi prilej prin acest ocazion, de a întâmpina pe preaosfinție ta la aceastea sfinte și mântuitoare zile a sfintei Patruzecimi, mai întâi din tot suflitul rog pre întru-totul înduratul și mântuitoriul nostru Iisus Hristos, deși cu nevrednicie, ca să întărească și să împuterniceze pe preaosfinție ta a petrece călătoria, a...¹ sfinte și mântuitoare zile a sfântului și marelui post, întru-toată întregimea prea scumpei și mie prea mult doritei sănătăți preaosfinției tale și întru îndoită fericire și suflească sporire, ajungând la sfânta săptămână a înfricoșatelor patimi, și la sfânta și luminată zi a învierii ceea de trei zile, prăznuindu-să împreună cu toată cins(ti)ta Sinodia preaosfinției tale. Acum și lângă acesta după îndrăznirea ce am priimit din preacinstită carte a preaosfinției tale cea cu multă dreptate scrisă cătră mine, carea bunătatea și dragostea preaosfinției tale ca neîmpuținată să se pogorască cătră mine.

Îndrăznesc a arăta preaosfinției tale pentru un ieromonah anume Ioanichie Conachi, care dorind a priimi cinul călugăriei din casa părintească, eșind au venit aicea în sfânta mănăstirea Neamțului, unde a petrecut cinci ani întru ispitire și acum vrea părinții ca să-l tunză îmbrăcându-l în shima călugărească pentru carele au și scris la mine aflându-mă atuncea la Mitropolie, ca să dau voe și blagoslovenie al călugări.

Deci întrebând eu pre tată său, răposatul vornic Gavril Conachi, de i dă și dum-nealui voe, me-au dat răspuns, că nu îl oprește de a să călugări, însă nu la mănăstirea Neamțului ci la mănăstirea (Flo)reștii, și așa trimițând l-am adus la Sfânta Mitropolie

unde i-am și călugărit în mantie și după vreme l-am hirotonisit diacon și preot desăvârșit triimițându-l la mănăstirea Floreștii, unde petrecând o vreme neîmpăcându-să cu sufletul a petrece acolo au venit iar la mănăstirea Neamțul, acum după răposarea tătăne-său și-au cerut partea sa cea ce prin diată i s-au rânduit, dar s-au văzut că iaste îndatorit a petrece viața sa în mănăstirea Floreștii. Și neputând a să împăca întru-ceale sufletești aco(lo) fiind multe pricini smintitoare, au venit iarăși aici și cu multe lacrimi m-au rugat, ca să mijlocesc la preaosf(in)ție ta să să dea voe a petreace în mănăstirea Neamțul, unde dintru-început și-au afierosit petrecerea sa, căci fără blagoslovenia și voia cinstitei Dicasterii, nici părintele starețul nu voiaște al priimi.

Deci neputând a mă dezbate de multele lui rugăminți și lacrimi, deși cu totul îmi iaste din-protivă pentru preaosfinții tale, îndrăznesc și mă rog de să poate, să fie bunătatea și milostivirea preaosfinției tale asupra lui și să i să se așeze aicea în mănăstirea unde să împacă întru ceale sufletești pricini a petreace. Iar de nu să va putea ca să i să dea partea ...¹ și așa să mulțamește ca să fie îndatorit igumenul mănăstirii Floreștilor ai purta grija pentru ceale trebuincioasă și el să petreacă aicea.

De aceasta poftesc și rog bunătatea și dragostea preaosfinției tale rămăind deapururea întru-aceiași cinstire a mă numi, al preaosfinției tale în H(risto)s frate și cătră D(umnezeu) osărdnic rugătoriu.

1812 fevr(uarie) 22.

Veniamin proin Moldavias <m.p.>

[Supra:] 1812 года февраля 26го дня. Изготовить от имени нашего преосвященнейшему митрополиту Вениамину отношение, что я от всего сердца рад бы удовлетворить в(о)лю его, но поелику иеромонах Иоаникий отправлен на жительство в монастырь Флорешты по повелению его высокопреосвященства в Санкт Петербург для того я переменять повеления эксарха не могу а должен он иеромонах по прибытии эксарха в Яссы просить у него позволения о перемещении в Немецкой монастырь. А как из Дивана, вступило в Дикастерию отношение о позволение сему иеромонаху явится в Диван для некоторых дел до наследства его Иоаникия относящихся для некоторых дел того Дикастерия имеет предписать особо настоятелю монастыря Немецкого, архимандриту Иоаннну, чтобы он сего Иоаникия прислал при рапорте своем в Дикастерию, для отсылки из оной его Иоаникия в Диван при отношении.

Д(имитрий) е(пископ) Б(ендерский) и Ак(керманский).

№102^й.

(**trad:** „Anul 1812, februarie 26 zile. Să fie pregătit din numele nostru preasfințitului mitropolit Veniamin răspuns, că eu din toată inima sunt bucuros să satisfac voia sa. Întru-cât ieromonahul Ioanichii a fost trimis pentru a viețui la mănăstirea Florești, din porunca înalt preasfinției sale, care aflându-se în Sankt Peterburg, din această cauză să schimb porunca exarhului nu pot, și trebuie el ieromonahul când va reveni exarhul la Iași să-l roage să-i permită să treacă la mănăstirea Neamț. Întrucât de la Divan a venit la Dicasterie cerere de a permite acestui ieromonah să se prezinte la Divan pentru anumite afaceri legate de moștenirea care îl privește pe el Ioanichii și alte afaceri ale acestuia, Dicasteria a poruncit deosebit starețului mănăstirii Neamț:

arhimandritului Ioan ca el să-l trimită pe acest Ioanichie și raportul său la Dicasterie, pentru trimiterea din aceasta pe el Ioanichie la Divan cu răspuns.

Dimitrie episcopul Benderului și Akkermanului)

Nr. 102.”)

[Sub]: Слушано 26го февраля 1812го года. (**trad:** Audiata la 26 februarie, anul 1812)

¹ deteriorat

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, f. 10-10v. (original).

10

1812 februarie 27. – *Răspunsul întocmit de Dicasterie la porunca episcopului vicar al Mitropoliei Moldovei, episcopul Benderului și Akkermanului, Dimitrie Sulima, către fostul mitropolit Veniamin Costachi pe marginea pricinii legate de Ioanichie Conachi, ieromonah.*

Înalt preaosfințite mitropolit.

Cu cea întru H(ristos) duhovnicească smerenie îmbrățișez
pre înalt preaosfinția voastră.

Iară neprețuită bucurie în învrednicire priimirii acei pentru mine mulțămiri, pe care poate a o sămți omul numai atunci când dobândește doririle sale, carte, dar, înalt preaosfințiilor voastre din 22 aceștii lune, iaste pricină de care sânt mișcat în sușurile până la vârful împăcării mele de suflet, mai ales când din cetire ei am înțeles, că î(nalt)p(reaosfinția) (voastră) vă împărtășiți de sănătate ce iaste mie mult dorită, întru care dreapta celui preînalt să vă ție în multă vremea ca să puteți pre lângă a sa multora soli mântuirea, și fiindcă î(nalt)p(reaosfinția) (voastră) numai din bunătate aț(i) heretisit pre mine cu aceste sfinte și de suflet folositoare zile de care am făcut începere eu. Dar stăpâna sfinte, cu deosebite sămțiri mulțămind, rog pre împăcătoriul neamului omenesc cu Dum(ne)zeu, ca să învrednicească pe î(nalt) p(reaosfinția) (voastră) cu împătrata sporire aseamine a petrece fericit viitoarele zile, care întru simțirile sale cuprind nădejde mângăerii cei vecinice a tot bine credinciosului om.

Eu, însă nescrisă părere de rău am, că ceririi î(nalt) p(reaosfinției) (voastre) în pricina pozvolenii a să muta cu ședere la mănăstire(a) Neamțului, ieromonahu Ioanichie Conachi nu pot face îndestulare, că însuși înaltă înțelepciune înalt preaosfinției voastre va găsi cu cuviință a păzi hotărârea celui mai mare stăpân, și așa nu voi supăra pe înalt preaosfinția voastră cu mai multă despre partea me dezvinovățire, de vreme ce înalt preaosfințitul, mitropolit, exarh și cavaler Gavriil înainte purcedirii sale, au rânduit pe acesta a șade la mănăstirea Florești, ce acest feli de cerire a să muta el la mănăstirea Neamțului, să fie înnoită când înalt preaosfințitul mitropolit și exarhu, cu voia lui Dum(ne)zeu, va sosi aici și atunci și eu pentru cinstirea ce am cătră înalt preaosfinție voastră cu căzută cuviință voi fi ajutat, și nădăjduiesc că după bunătate sufletului ce știut iaste că are obștescul acestor țări al nostru arhipăstor, nu va fi trecută cu vedere și fiindcă după cerere Divanului, s-au scris starețului ca să-l trimată pe ieromonahu Conachi la Dicasterie spre al arăta la c(instul) Divan, fiindcă are trebuință pentru pârinteasca moștenire, deci viind să-m(i) spue de iaste întru-ceva despre igumeniu m(ănăstirii) Florești nemulțămît. Eu cu bucurie și după datorie

voiu porunci ca întru-nimică supărare sau vre(o) lipsă de cele trebuitoare să nu îndrăznească igumenu a pricinui ieromonahului Ioanichie Conachi.

A înalt preaosfinției voastre am cinste în toată vreme a petrece cătră înalt preaosfinția voastră ca cel mai mic întru H(risto)s frate osărdnic rugătoriu și plecată slugă.

Nr. 186.

1812 fevr(uarie) 27 zile.

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, f. 12 (Copie).

11

1812 februarie 27. – *Porunca Dicasteriei Exarhale, întocmită în baza rezoluției date de episcopul Dimitrie Sulima, către starețul mănăstirii Neamț și Secu, arhimandritul Ioan cu privire la trimiterea ieromonahului Ioanichie Conachi la Dicasterie pentru a se prezenta la Divan pe mărgea moștenirii părintești.*

De la Exarhicească al Moldovlahie Dicasterie.

Preacuvioșiei sale arhim(andritului) și stareț(ului) mănăstirii Neamțu
și Secu chir Ioan.

Poroncă.

La 3 aceștii lune ci(nstitul) b(lagorodnicul) Divan, prin scriisoare ce au tremes la Dicasterie au cerut ca să fie adus la Eș ieromonahul Ioanichie Conachi, ce au fost rânduit a petrece la mănăstirea Florești, și când s-au gătit scrisori de chemare lui, igumenu Daniil de la aceeași mănăstirea din 9 tot aceștii lune înștiințează, că ieromonahul Ioanichie Conachi, în vreme când igumenu nu s-au aflat la mănăstirea făcându-și răvaș de drum, au fugit și nu să știe unde s-ar fi aflat, drept acee Dicasteriia, mai-nainte pân a nu face pentru fuga lui publicație pin toată Moldova, scrie preacuvioșiei tale, ca să dai poroncă pe la toate schiturile și metohii a mănăstirilor Neamțu și Secu, ca să-l caute și unde să va găsi îndată să fie tremes drept la Dicasterie, însă fără vreo apăsare, căci nu socotești Dicasteria ca să fie el la vreuna din acele sus pomenite mănăstiri tănuț cu știrea preacuvioșiei tale, mai ales când însuși știi regula, care opreaște pe călugăr ce iaste rânduit undeva din ace mănăstiri spre petreciri, să fie priimit aiurea fără blagoslovenia arhierului. De aceasta dar să poftorească, ca îndată ce să va afla să-l tremeț la Dicasterie precum s-au zis, ca să s(e) poată al arăta Divanului, fiindcă acolo are trebuință să-și caute pentru părinteasca moștenirea, și de priimirea aceștii porunci, să tremeț la Dicasterie prin raport înștiințare.

1812 fevr(uarie) 27 zile.

Nr. 130.

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, f. 13, (copie).

12

1810 martie 7. – *Răspuns dat de starețul mănăstirii neamț și Secu, Ioan către Dicasterie prin care informează că ieromonahul Ioanichi Conachi a fost trimis la Dicasterie*

Cătră preaci(n)stită și exarhicească a Moldovlahiei Dicasterie.

De la m(ănă)st(i)re Neamțului răspuns.

Acea cinstită înștiințare din trecuta lună fevr(uarie) în 27 de zile, o am priimit în 29 tot fevr(uarie) și am înțeles ceale pentru scrisoarea ce au triimis în Dicasterie bl(a)gorodnicul Divan, asupra ieromonahului Ioanichie Conachi, ca să fie adus de la m(ănă)st(i)rea Florești la Eși, de unde să-și afle moștenirea părințească.

Și cu adevărat aici au lipsit de la numita mă(nă)stire, și cu toate că eu nepriimindu-l fără de adeverință Dicasteriei, i-am zis să să întoarcă înapoi, că nu-i va fi bine. Dar rugându-să preaosfinției sale proin Moldaviei, ca unui părinte ce l-au călugărit, ca să mijlocească către preaosfinția sa, chiriu chir Dimitrie vicarios sfintei Mitropolii, că doar ca fi ertat a rămănea aici.

Și așteptând răspunsul iată fără de mai multă păritinire sau zăbavă s-au triimis la Sfântă Mitropolie, ca să-ș(i) ia punere la cale după chemarea ce i să face, de carele s-am lipsit a înștiința prin acest smerit raport.

1812 martie 7.

Ioan arhimandrit și stareț Sfintei mănăstiri Neamțului și Secului <s.a.>

Supra: 1812ro года марта 13ro дня. Записав доложить с делом. №120^й. (**trad:** anul 1812 martie 13 zile. După ce va fi scris să fie pus la dosar.)

Sub: Слушан 13ro марта 1812ro Года. (**trad:** Audiat la 13 martie, anul 1812.)

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, f. 14 (Original).

13

1812 martie 13. – Adresa Dicasteriei către Divanul Moldovei prin care informează că ieromonahul Ioanichie Conachi a fost trimis de la mănăstirea Neamț la Dicasterie, și aceasta la rândul ei îl trimite la Divan pentru a-și rezolva problemele legate cu moștenirea, iar după încheierea acestei pricini să fie trimis către aceasta cu informare din partea Divanului.

Cătră cinstit(ul) blagorodnicul Divan Cnejii Moldaviei.

De la Exarhiceasca al Moldovlahiei Dicasterie.

Fiindcă din 7 aceștii lune arhim(andritul) și starețu sfintelor mănăstiri Neamțu și Secu, înștiințază că ieromonahu Ioanichie Conachi s-au aflat la a lor mănăstirea, deci după poroncă îl tremete la Dicasterie.

Dicasteria dar după cerere cinstitului Divan de la 12 dech(em)v(rie) anului trecut 1811 cum și din 3 trecutului fevr(uarie) anului curgătoriu, iată pe ieromonahul Ioanichie Conachi îl trimete la cinstitul blagorodnicul Divan spre ași căuta trebile moștenirii. După a cării isprăvirea, iarăși cinstitul blagorodnicu Divan bine va voi al trimete cu soobșenie la Dicasterie pentru a lui așazare după porunca înalt preaosfințitului mitropolit, exarh și cavalier Gavriil.

Nr. 216.

1812 mart(ie) 13 zili.

ANRM, F. 733, inv. 1, d. 392, f. 16 (Copie).

SUMMARY

THE CORRESPONDENCE CONCERNING THE DELIVERANCE OF COMING LICENCE AT IASI OF THE HIEROMONARCH IOANICHIE CONACHI

The present documents, mentioned upper, represent dates concerning the correspondence between different institutions from Moldova Country, about the problem connected with the heritage of the hieromonarch Ioanichie Conachi, the son of the great boyar from Moldova at the end of the XVIIth century, beginning of the XIXth century, named the vornic Gavriil Conachi.

The publication of these materials offer for all researchers the possibility to reconstitute some details about the relations between the lay and ecclesiastical institutions, regarding some causes in which were involved the representatives of the clergy, descendants of the boyar's relatives from Moldova.

ПИСЬМА Д.К. КАНТЕМИРА К А.Д. МЕНШИКОВУ ИЗ ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА

Виктор ЦВИРКУН

Среди многочисленных проблем кантемирологии слабо или же вовсе не затронутых исследователями является тема межличностных взаимоотношений Д.Кантемира с Петром I, его окружением и представителями российской знати 1-й четверти ХУШ в.

Эмигрировав в Россию и оказавшись в совершенно незнакомой ему среде, молдавский господарь первое время поддерживал связи и вел корреспонденцию исключительно с Кабинетом царя, а также с теми из царских сановников, с кем связала его судьба до прибытия в Россию. В первую очередь - это граф. П.А.Толстой, генерал-фельдмаршал Б.П.Шереметев, вице-канцлер П.П.Шафиров. Знакомство и связь с этими людьми, играли, без сомнения, важную роль в интеграции его в российское общество, а также в решении ряда хозяйственных и личных проблем. Однако еще не делало его своим. Необходимо было признание и принятие со стороны ключевых фигур Петровского окружения - таких как А.Д.Меншиков, Ф.М.Апраксин, Г.И.Головкин, Голицыны и др. Личное знакомство с ними состоялось не ранее апреля 1712 г., когда Д.Кантемир по распоряжению царя прибыл в Санкт-Петербург на «генеральную консилию»(1). Однако, эти первые контакты еще не переросли в долговременные приязненные отношения. Не способствовало этому отдаленность проживания молдавского господаря от столичных центров, а также непричастность его к государственной службе.

Ситуация меняется коренным образом после бракосочетания Д.Кантемира с Анастасией, младшей дочерью князя, генерал-майора и Киевского губернатора И.Ю.Трубецкого, а также пожалования ему чина тайного советника и места в Правительствующем Сенате(2). Приобщенный к элите петровской администрации, он по долгу службы и социального положения был тесно связан с теми, кого считали «птенцами гнезда Петрова». С этого времени устанавливаются тесные приятельские отношения между Д.Кантемиром и А.Меньшиковым. Корреспонденция между ними носит регулярный характер, а после того, как молдавский господарь переезжает на жительство в Санкт-Петербург они стали дружить семьями. Нередко генерал-губернатор новой столицы посещал дом Д.Кантемира(3), а семейство Кантемиров гостило в загородных имениях А.Меншикова(4).

Сохранившаяся переписка между Д.Кантемиром и А.Меньшиковым охватывает широкий круг вопросов политической, военной, хозяйственной жизни, а также проблем личного характера.

В настоящей публикации представлена наиболее неизвестная сторона корреспонденции между двумя светлейшими князьями Российской империи периода Персидского похода 1722 г., обнаруженная в архивохранилищах Российской Федерации.

Автором сохранены стиль и орфография оригиналов. Недостающие или пропущенные слова или буквы взяты в квадратные скобки.

Док. № 1. 28 августа 1722 г. ДК.К'антемир = А.Д.Меншикову. Описание военных действий Персидского похода.

Светлейший князь,
Мой особливый благодетель.

Светлости вашей приятственнейшее писание 12 июня из Вышнего Волочка(5) отпущенное я с должным почтением сего августа 7 получил и за уведомление о благополучном их высочеств государоней царевен в Вышней Волочок прибытии премного благодарствую(6).

Прошу же, дабы и впредь в па тройской своей милости и приятствен[н]ой любви незабвенно содержать нас изволил. О здешнем доношу, что милостию Божию все благополучно: Шафхольский князь(7), которого резиденция в городе Таркове, отдался со всеми своими [владениями] в высокую Его Императорского Величества протекцию и прислал несколько скота и арабов (ггелег тутошних:). Токмо Тимишской сулган(8) не хотел покорится указу Императорского Величества и послан(н)ых со стороны Его Императорского Величества одного казака с тремя человеки люди ево убили, и груди им взрезали. Потом оные тимил некие татары явно на горы выступили и стрелять на наших дерзнули, и было из числом до 6 тысяч (: что случилось сего августа 19 на половине пути от Таркова до Дербента:) под приводом Мехти бега, по как выступила часть нашей пехоты из лагеря к горам под руководством самого Его Императорского Величества, так же и генерал-майор Кропотов(9) с своими драгунскими полками, а донским казакам поведено на них [татар] напуститьца. Тотчас оные татары обробели. и убили из них донны наши до 600 человек, а с 20 и болше 'живых в лагерь привезли, кототые по многой пытке вес1 казнены, протчие же все врознь разбежались и болше не явились.

Огтуду в Дербент благополучно прибыли сего ж августа 23 дня, в котором резедующий шахский намсстник(Ю) и все жители с; покорностию и радостию приняли Его Импраторское Величество и ключи града вручили, где надеемся еще несколько дней пробавитися(П), чтоб войско и кони отдохнули. Потом далее путь восприимем. И уповаем на милость Божию, что высоким Его Императорского Величества щастием все будет благополучно.

Сие светлости вашем в кратпе донесли должный мой вам и высокой ево фамилии отдаю поклон и остаюся

вашей светлости доброжелательный и
всегдашний слуга Димитрие Кантемир

В Дербенте 1722. Августа 28 дня

Хранится: РГАДА. Фонд 198 АД Меншикова. Оп.1, Д.633. л. 1.23 21

Док. № 2. 8 сентября 1722 г. Д.К.Кантемир А.Д.Меншикову. Сообщение о перемещении войск и императорской фамилии.

Светлейший князь,
Мой особенный благодетель.

Светлости нашей приятнейшее писание из Москвы от 3 августа я жедптелно получил пиже11исан[н]ого числа при лагере?, маршируя к Астрахани, н расстоянии от Дербента 13 верст(12). За которое премного благодарствую и радуюся о таетдивом нашем н Москву прибытии: О действиях настоящего похода которой милостию Всевышнего и высоким Иго Императорского Величества щастием есть во всем благополучен:) писать за краткость времени не успел, о чем <хн:тоятелпо буду писать прибыв и Астрахань! 13). И отчасти писал прежде к све'т.ккти вашей из Дербента августа 28 дня(14).

Императорское Величество и ми.кхтивейшая наша Государыня Императрица в добром обретаются здравии. Сие светлости вашей в краше донесши остаюся

светлостий вашей обязанный слуга
Димитрие Кантемир

Мри реке Дервак Септнбря 8 дня 1722.

Хранится: ЦГАДА. Фонд 198 АД Меншиковн. Оп.1, /1.633. Л.25

Док. № 3. 5 ноября 1722 г.Д.ККантемир АДМеншикову Известие об отбытии из Астрахани императорской семьи.

Светлейший князь. Особенный мне благодетель Светлости вашей благоприятнейшее писание отпущенное из Москвы октября 13 я с должным респектом здесь получил того же октября 26 дня* за которое, а наипаче за неотмен[н]ук> светлости вашей скдон[н]оеть. I [ремного благодарствую.

Мой особенный благодетель.

Светлости вашей приятствен[н]ейшее писание из Москвы от 3 августа я желателно получил нижеписан[н]ого числа при лагере, маршируя к Астрахани, в расстоянии от Дербента 13 верст(12). За которое премного благодарствую и радуюся о шастливом вашем в Москву прибытии: О действиях настоящего похода (:которой милоетию Всевышнего и высоким Его Императорского Величества щастием есть во всем благополучен:) писать за краткость времени не успел, о чем обстоятелно буду писать прибыв в Астрахань! 13). И отчасти писал прежде к светлости вашей из Дербента августа 28 дня(14).

Императорское Величество и милостивейшая наша Государыня Императрица в добром обретаются здравии. Сие светлости вашей в кратге донесши остаюся

светлости вашей обязан(н)ый слуга
Димитрие Кантемир

При реке Дервак Сентабря 8 дня 1722.

Хранится: РГАДА. Фонд 198 АД Меншикова. Оп.1, Д.633. Л.25

Док. № 3. 5 ноября 1722 г.Д.К.Кантемир А.Д.Меншикову Известие об отбытии из Астрахани императорской семьи.

Светлейший князь, Особливый мне благодетель, Светлости вашей благоприятней!нее писание отпущенное из Москвы октября 13 я с должным респектом здесь получил того же октября 26 дня, за которое, а наипаче за неотмен[н]ую светлости ваша склон[н]ость, премного благодарствую.

К доношению иного не имею, токмо что Его Императорское Величество и Всемиловитейшая Государыня нанка императрица сего дня пополудни благополучно отсюду отправится изволили, и поедут до Царицына водою. А я за слабостию моею здесь до зимнего пути при сообществе сиятельнейшего адмирала [Ф.М.Апраксина] и его превосходительства Петра Андреевича [Толстого] остаюся. Посещением Его Императорского Величества и предреченными персонами немалое вчера на вечер приняв утешение.

Светлости вашей доброжелательнейший и всегдашний слуга

Димитрие Кантемир

В Астрахани

1 Бября 5 дня 1722.

Хранится: РГАДА Фонд 198 АД Меншикова. Оп.1, Д.633. Л.30

Док. № 4. 3 декабря 1722 г. Д.К.К'антемир А.Д.Меншикову. Известие об отъезде императорской семьи и состоянии здоровья Кантемира.

Светлейший князь, Мой особливый благодетель, Светлости вашей благоприятнейшие писания сентября от 3, октября от 20 и 31 (:которые где толико умедлили знать не могу:) я с должным респектом принял сего декабря 1 дня(15), в которых видя неотмеп[н]ую светлости вашей ко мне п|)иятствен[н]ейшую склон [н]ость премного благодарствую. Императорское Величество всемиловитейший наш государь и великая государыня императрица благополучно отсюду в путь до Москвы отправится изволили прошедшего ноября 5 дня, о чем я на другой день писал к светлости вашей(16). И надеюся, что то письмо уже дошло.

О здешних к доношению ничего обретаю, понеже сам слабости ради из дому еще не выступаю, а от прочих обретающихся здесь персон сообщения о чем-либо мало имею.

В прочем должный мой светлости вашей и высокой его фамилии отдав поклон остаюся

Светлости вашей всегдашней и доброжелательнейший

слуга

Димитрие Кантемир

В Астрахани Декабря дня 3. 1722 г.

Р.8. Да не изволит светлость ваша принесть мене в нерадение или небрежение, что я не все исполнил по дан[н]ому моему слову в сообщении ведомостей и всяких происходивших в нынешней компании дел: Рад бы воистину в том служить, но принятием стала болезнь моя, которая началась еще в сентябре месяце и так вкоренилася, что едва мене не совсем искоренила. И поныне в немалой еще обретаюся слабости, токмо уповаю на милсхтгъ творпа нашего, понеже ощущаю уже некое облегчение. Называется же от медиков сия

болезнь диабетес, то есть разширение жил, которыми урина стекает: И так было, что [бы] я не ел и пил, все в урину поворочалось, и болши выходило урины, нежели пил чего-нибудь: Л теперь, слава богу, урина убавилась, токмо еще слабость велика [я].

Известно чаю светлости вашей, что от некоторых донесено Кто Императорскому Величеству будто я село Сабурово достал некаким подлогом и происком, а не по указу его Государеву дадено: Того ради опое село от мене и взято. О чем я за нынешним походом и за случившеюся болезнию не мог Его Императорскому Величеству пространно показать, что оное село по Ею Императорского Величества имян[н]ому указу мене дано. Сверх того г[оспо]дии Алсуфьев без ведома его государева и прежде да н[н]ые мне сенокосные Соколовские луга и мельницу, которую я сам построил, и несколько земли к селу Черной Грязи лежащей, у мене отнял и отписал па Его Величество государя. Чего ради я приказал человеку моему подать о том челобитную в Сенат и просить, чтоб приказали учинить обстоятельную выписку, как оное село Сабурово мне дано, также и о лугах, и о прочем, чтоб я чист явился, что оное никаким подложным происком дослал, по по имян[н]ому Ею Императорского Величества указу дано: Которая выписка, пишет мне человек мой, и поныне еще не сделана.

Того ради прошу светлость вашу, яко особливого моего патрона и благодетеля, дабы мне в том милостивое оказал вспоможение. Понеже что теперь мне завистники учинили, то ж покусятся после учинить и другим, когда друг другу помоществовать не будем.

Между получен[н]ыми [от] светлости вашей письмами одно запечатано черным сургучом, что будучи знаком печали, подвигло нас к сожалению, но подлин[н]ой причины не знаю, чего ради желал бы о том быть уведомлен.

Хранится: РГАДА. Фонд 198 АД Меншикова. Оп.1, Д.633. лл.31=32

Примечания

1. Уюлог Туттсип. Укаш. СЫштаи, 2006. Ра\$.55.
2. См. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра 1. Москва-Ленинград, 1945. С.239.
3. Майков Л.Н. Материалы для биографии князя А.Д.Кантемира. СПб., 1903. Приложения: Журнал Академии Наук переводчика Ивана Ильинского. С.297, 299, 300.
4. Там же. С.301.
5. Верхнего Волочка.
6. Упоминаемое Д.Кантемиром письмо к нему А.Д.Меншикова от 12 июня имеет следующее содержание:

«Светлейший князь, Мой особый благодетель.

Иного к вашей светлости к доношению не имею, точие (только -

В.Ц.) сие, что их высочества государыни царевны прибыли сюда (в Вышний Волочек В.Ц.) вчерашнего числа благополучно. Л сюда (в Санк'1-Петербург - В.Ц.) и до Нова города (Новгорода - В.Ц.) и до Нрешпективной дороги изволят шествовать в судах, а пороги изволят об[ъ]ехать горним путем, для чело собрать велено у порогов сто подвод и дорогу рощистить, что[бы] и каретами можно было проехать без гряда. При сем же вашу светлость прошу, да изволите о здравии своем и о всех тамошних (делах - В.Ц.) нас уведомлять. А я с своей стороны в том вашему сиятельству служить непременно и остаюсь

Вашей светлости доброжелательнейший
и ко услужению охотней 1-ий
Александр Меншиков

От 12 июня 1722 году.

РГАДА . Ф.198 А.Д.Меншикова. Оп.1. Д.181. Л.259об.-260. Письма такового же содержания были отправлены князем А.Меншиковым к Ф.М.Апраксину, НА.Толстому, АДМакарову и Алсуфьеву.

7. Тарковский шамхал (князь) Адил-Гирей.

8. Имеется ввиду Султан-Магмут Отемышский

9. Кропотов Гавриил Иванович. Активный участник основных кампаний Северной войны. В чине бригадира от кавалерии, возглавлял авангардные части русских войск во время Прутского похода, а затем в чине генерал-майора драгунские полки выступившие в Персидский поход.

10. Шахским наместником в Дербенте был Наиб Имам-Кули-бек, который 23 августа 1722 г. приветствовал русское войско у ворот крепости и вручил Петру 1 ключи от города. Наряду с Наибом к российскому императору обратились «уцмий Кайтага, кадий и майсум Табасарана, владетель Бойнака и другие с просьбой принять их в подданство России» - См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца ХУШ века. М., Наука. 1988. С.414.

11. Задержится.

12. Упоминаемое Д.Кантемиром письмо к нему А.Д.Меншикова от 3 августа имеет следующее содержание:

«Светлейший князь,

Мой особливый благодетель. Вашей светлости объявляем, что мы будучи в Санкт Петербурхе врученные нам от Его Императорского Величества дела исправя паки сюда (в Москву - В.Ц.) прибыли вчерашнего числа (т.е. 2 августа - В.Ц.) благополучно. Просим вашу светлость, да изволите нас уведомить о состоянии здравия Его Императорского Величества и всемилостивейшей государыни императрицы и о прочих тамошних обращениях и впредь. А в любительной своей корреспонденции не оставить. О здешних поведениях ко объявлению знатного ныне не имею. И остаюсь

На I пей светлости доброжелательнейший и ко
услужению охотнейший Александр Ментиков

От 3 августа 1722 году. РГАДА . Ф.198 А.Д.Меншикова. Оп.1. Д. 181. Л.393об.-394. Письма такового же содержания были отправлены князем А.Меншиковым к Ф.М.Апраксину, П.А. Толстому, А.В.Макарову, генерал-майору Головину, бригадиру Румянцеву и полковнику Блеклому.

13. Описание Каспийского похода отправленное ДКантемиром А.Д.Меишикову - см.: Виктор Цвиркун. Письма Дмитрия Кантемира русским сановникам в период Персидского похода 1722 г. // КеУ1\$1а ее Гзгопе а МоЪлоуеъ Ыг-3. СЫ\$шаи, 2007. Ра\$.105-108.

14. Письмо Д.Кантемира адресованное А.Меншикову от 28 августа 1722 г. .

15. Ниже приводим письма А.Д.Меншикова, на которое ссылается Д.Кантемир:

А. «Светлейший князь,

Мой особливый благодетель. . . . Понеже от вашей светлости благоприятнейших писаний чрез иеколикое время я не получил, того ради вашу светлость приятно прошу не оставить мя в любительной своей корреспонденции. Отсуду ко уведомлению ничего не имею и остаюсь

Вашей светлости доброжелательней!ний и ко
услужению охотнейн 1ий Александр Меншиков

Сентября 3 дня 1722 году. Оригинал письма хранится в РГАДА, Ф.198. Оп.1 Дело 181. Л.445об. Корреспонденция идентичного содержания была отослана из канцелярии А.Д.Меншикова в адрес Ф.М.Апраксина, П.А.Толстого и А.В.Макарова

Б. «Светлейший князь,

Мой особливый благодетель

. . . Иного вашей светлости ко известию ныне не имею точие (только -В.Ц.) сие, что здеаь за помощию Божию состоит во всем суть благополучно. При сем же приятно вашу светлость прошу, да изволите о вседражайших здравиях Его Императорского Величества и всемилостивейшей государыни императрицы, и о прочих тамошних обращающихся обращениях нас уведомить. В чем на вашу светлость, яко на моего благодетеля, есмь благонадежен. В протчем остаюсь

Вашей светлости доброжелательнейший и ко
услужению охотнейний Александр Меншиков

Октября 20 дня 1722 году [из Москвы]

Оригинал письма хранится в РГАДА, Ф.198. Оп.1 Дело 181. Л.494а. Корреспонденция идентичного содержания была отослана из канцелярии А.Д.Меншикова в адрес Ф.М.Апраксина и П.А.Толстого

В. «Светлейший князь,

Мой особливый благодетель. ... Хотя на прошедшей почте вашей светлости писания мы получить не удостоились, однако ж не могли того ослабить, чтоб вашу светлость [со] счастливым Его Императорского Величества с армиею в Астрахань возвращением и благополучном окончании войинской компании (так в тексте - В.Ц.) и о последнем, над неприятелем отправлен[н]ой партии, поиском вашу светлость не поздравить, желая от истин[н]ого моего верного сердца дабы и впредь премудрым и храбрым Его Императорского Величества войск руководством Российская империя всегда при умножении и для славных и победительных прогресса наивысше, прославлялась. Любо здешних поведениях ныне ко известию не имеем, понеже во всем обстоит суть благополучно и остаюсь

Вашей светлости доброжелательнейший и ко
услужению охотней! пий Александр Ментиков

Октября 31 дня 1722 году.

Оригинал письма хранится в РГАДА, Ф.198. Оп.1 Дело 181. Л.513об. Корреспонденция идентичного содержания была отослана из канцелярии А.Д.Меншикова и в адрес П.А.Толстого. 16. Указанное ДКантемиром письмо было отмечено не 6, а 5 ноября.

SUMMARY

THE LETTERS BETWEEN D.CANTEMIR AND A.MENSHIKOV DURING PERSIAN COMPANY 1722

Among the numerous problems of Cantemirology, the topic of the personal relations between D. Cantemir and Peter I along with his encirclement and representatives of the Russian nobility from the first quarter of the 18th century, are very weakly or not at all studied by the scientists.

By migrating to Russia and finding himself in a totally unknown environment, the Moldovan prince was at first maintaining relations and corresponded exclusively with the Tsar's secretariat, as well as with the ones with whom fate brought him before his arrival to Russia. Firstly - it was count P.A. Tolstoy, general- field marshal B. P. Sheremetiev, and vice-counselor P.P. Shafinov. There is no doubt that acquaintance with these people played an important role in his integration into the Russian society, as well as solved a series of personal and economic problems. However, these could not give him the feeling of belongingness. It was necessary to get an approval from the key figures of the Peter's encirclement- such as A. D. Menshikov, F. M. Apraksin, G. I. Golovkin, and the Golitsyns etc. His personal acquaintances with these people took place not earlier than April 1712, when Cantemir by the tsar's order came to St. Petersburg for the "general council". The reason why these acquaintances did not immediately spread into close ties was due to Moldovan prince's far residence from the city centers and However these first contacts did not immediately spread into lasting ties, due to the far residence of the Moldovan prince from the city centers as well as him not being implicated into the governmental service.

It all changed completely after D. Cantemir's marriage with Anastasia, the youngest daughter of duke, general-major and Kiev's governor I. Trubetskoy. At the

same time the prince got entitled to the rank of a secret adviser and a seat in the Ruling Senate. After joining the elite of Peter's administration, by his duty and social position he was closely tied with the ones who were considered the "nestlings of Peter's nest". It was during this time when close friend ties between D. Cantemir and A. Menishikov began establishing. Their correspondence had a regular character, and later on, when the Moldovan prince moved to St. Petersburg, their relations evolved into friendship among their families. Very frequently the general-governor of the new city state had visited the house of D. Cantemir, and in its turn the Cantemir family was guest to the suburban estates of A. Menshikov.

The preserved correspondence between D. Cantemir and A. Menshikov encompasses a large range of questions of the political, military and economic life as well as problems having a private character.

The present publication mostly covers the unknown side of the correspondence between the two bright princes of the Russian empire of the period of the Persian campaign of 1722, discovered in the archives of the Russian Federation.

The author preserved the style and orthography of the originals. The missing or omitted words or letters are taken into parentheses

VOLUMUL „TRADIȚII ȘI VALORI CULTURALE LA EST DE CARPAȚI (SEC. XVI-XIX)”, Chișinău: CEP USM, 2007, 162 p.

Ieșit de sub teascurile tipografiei în 2007, însumează materialele conferinței științifice cu același titlu, organizată de Institutul de Istorie, Stat și Drept al AȘM, în luna mai 2007. Coordonator științific al cărții este academicianul A. Eșanu, iar secretar responsabil dr. A. Felea. Articolele cuprinse în lucrare, conform tematicii abordate, pot fi compartimentate în: *Personalități marcante ale vieții social-culturale și politice*; *Cartea ca formă culturală în spațiul dintre Prut și Nistru*; *Fenomene ale vieții social-culturale*.

A. Eșanu și V. Eșanu sunt semnatari ai două articole „Cartea în orizonturile cultural-științifice ale lui Dimitrie Cantemir” și „Întrevederile lui Dimitrie Cantemir cu Petru cel Mare la Iași și Semeni”. În ambele articole autorii evocă personalitatea lui D. Cantemir, talentul lui multilateral „de excelent cunoscător al filosofiei și religiei, al tradițiilor populare și creației folclorice a multor țări și popoare din Europa și Asia”. Cercetătorii subliniază semnificația moștenirii culturale lăsată de D. Cantemir și în același timp apreciază încercările prințului de a înscrie Moldova „pe orbita statelor independente europene”, urmărind, mergând pe calea documentelor de întrevedere ale lui Dm. Cantemir cu Petru cel Mare de la Iași și Semeni și rezultatele acestora. Reținem din acest volum și articolul lui T. Candu „Precizări cu privire la activitatea lui Veniamin Costachi (1808-1812), care ne oferă o completare reușită la portretul mitropolitului V. Costachi privind activitatea lui în anii 1808-1812, când s-a retras din fruntea Mitropoliei Moldovei, viața și activitatea lui în acești ani, până la revenirea în fruntea Bisericii din Moldova medievală. O personalitate, indiscutabil, remarcantă a Basarabiei de la începutul secolului al XIX-lea este G. Bănulescu-Bodoni, rolul lui în procesul de învățământ din Basarabia fiind analizat în articolul „Aspecte inedite referitor la contribuția mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni la dezvoltarea învățământului în Basarabia”, care îl are ca autor pe N. Fuștei. Tot la compartimentul *Personalități* se înscrie și articolul „Întregiri la portretul mitropolitului Gurie Grosu al Basarabiei (1877-1943)”. G. Mocanu prezintă informații inedite privind viața și activitatea mitropolitului și lansează ideea necesității cercetării serioase a activității lui G. Grosu pentru lichidarea tuturor petelor albe existente, lichidarea tuturor „erorilor care s-au strecurat în biografia acestuia”.

Volumul cuprinde mai multe articole și studii care tratează problema cărții și a

limbii române în evul mediu târziu și în epoca modernă. Menționăm în primul rând, studiul cercetătorului I. Cereteu „Tipărituri bucureștene din secolul al XVIII-lea în Basarabia”, o contribuție notabilă la cunoașterea cărții românești, tipărită la București și care a avut o circulație largă și în Basarabia. Concluziile care se degajă de pe urma investigațiilor întreprinse de autor vor să sublinieze numărul relativ mare de tipărituri bucureștene care au circulat în Basarabia. Totodată este de remarcat faptul că autorul face o analiză a notițelor de proprietar, parte integrantă a personalității fiecărei cărți. Un alt articol „Cartea românească în mediul sătesc din Basarabia în secolul al XIX-lea” având-o drept autor pe prof.univ.dr. Z. Mihail de la București prezintă bibliotecile bisericești sătești basarabene din secolul al XIX-lea în care predomina cartea de cult, menționând că aceste biblioteci „au reprezentat cel mai răspândit depozit de carte în mediul rural în toate țările din Europa”. Articolul „Problema limbii române în cadrul școlii teologice din Basarabia”, semnat de D. Ețco, abordează veșnica problemă de acum 200 de ani a limbii române în școală, care în 1867 a fost exclusă de țarismul rus din toate instituțiile de învățământ, deschizându-se drum liber rusificării forțate a basarabenilor. Observăm aici că autoarul consideră că autoritatea ecleziastică din Basarabia promova „o politică abilă de bilingvism rus-român”

O temă aparte este reflectată în articolul L. Zabolotnaia „Viziunile contemporanilor asupra particularităților femeilor din Moldova în evul mediu”, un articol bine scris, însoțit de documente inedite. Autoarea prezintă imaginea femeii în viziunea contemporanilor, informația fiind culeasă din diverse documente de epocă: cronici, letopisețe, memorii ale călătorilor străini. L. Zabolotnaia remarcă frumusețea moldovencei din epoca medievală, rolul și locul ei în societatea medievală, libertatea relativă a femeii din Moldova – toate fiind subiecte de discuție și scrieri pentru mulți autori ai timpului. Totodată semnatara articolului ne oferă informații interesante privind vestimentația femeii din acea epocă. Nu putem să nu remarcăm articolul A. Felea „Discursul testamentar în Țara Moldovei” (sec.XVII-înc.sec.XIX), în care autoarea tratează problema testamentului, rolul lui în viața omului din evul mediu târziu, prezentând diverse reflecții și gânduri despre sensul vieții și a inevitabilității morții, ale autorilor de testamente, caracterizând testamentul ca sursă importantă în studierea mentalităților și a cotidianului.

Cartea „Tradiții și valori culturale la Est de Carpați (sec.XVI-XX)” a izvorât din respectul față de patrimoniul național, față de cunoașterea istoriei și culturii, dar și din nevoia de a demonstra și a promova valorile culturale ale neamului românesc. Este o lucrare de mare actualitate și de un larg interes. Singura cale de a vă convinge este lectura, care sperăm că va fi și utilă, și plăcută.

Dr. Elena Ploșniță

SATUL DROCHIA: PAGINI DE ISTORIE,**Chișinău: PONTOS, 2007, 136 p.****Autor: Igor CERETEU**

În toamna anului 2007, la Editura Pontos din Chișinău a văzut lumina tiparului monografia satului Drochia, semnată de dr. Igor Cereteu, cercetător la Institutul de Istorie, Stat și Drept, AȘM. Studiul își propune drept scop abordarea istoriei acestei localități în mai multe planuri și epoci istorice.

În primul capitol sunt descrise cadrul geografic și toponimia satului Drochia, iar în cel de al doilea capitol se oferă informații amănunțite (probate de rezultatele periegezelor realizate în anii 1985-1993) referitoare la profilul arheologic în cercetarea localității. S-au adus în atenție peste 30 situri arheologice din perimetrul microzonei Drochia-sat, cunoscute anterior, dar și puse în circuitul științific de către autorul monografiei, consemnându-se, în final, starea lor deplorabilă cauzată de nerespectarea legislației privind protejarea monumentelor istorice.

Capitolul al treilea este rezervat *Primelor mențiuni documentare* ale localității. Autorul face considerații asupra problemei originilor localității în baza datelor istorice survenite din izvoare scrise. În acest context, este de menționat descoperirea și valorificarea unor surse documentare inedite, interpretarea lor într-o manieră obiectivă, științifică, dar și accesibilă publicului larg, ce constituie una din funcțiile cercetării istoriei locale. Din concluziile compartimentului aflăm cu certitudine că moșia Valea Drochiei, anterior anului 1777, a aparținut țăranilor răzeși. În urma unui litigiu de proprietate judecat de Divanul Domnesc la 23 iunie 1786 Iordache Panaite „obține o carte de întăritură și mărturie hotarnică privind partea de moșie Valea Drochiei”.

Capitolul *Evoluția satului Drochia în secolul al XIX-lea începutul secolului al XX-lea* tratează dezvoltarea localității, în special, schimbările demografice și extinderea teritorială pe o perioadă de mai bine de o sută de ani. Documentele istorice citate atestă faptul că după moartea lui Iordache Panaite moșia a revenit fiului său Alexandru, comis la Curtea Domnească de la Iași. Localitatea la începutul secolului al XIX-lea a fost complementată la invitația stăpânului moșiei cu locuitori originari din satele Bădiceni și Cureșnița. La fel este de consemnat că anexele monografiei conțin listele nominale ale locuitorilor satului Drochia la data de 30 decembrie 1831, din anul 1837 și din data de 22 decembrie 1858.

Capitolul *Satul Drochia în perioada administrației românești* aduce în atenție date statistice privind viața comunității la începutul proceselor de modernizare. Sunt elucidate aspecte demografice, culturale și economice, sunt prezentate unele activități ale partidelor politice și diverse manifestări politice, inclusiv, cele de ordin extremist. În această perioadă, deși majoritatea locuitorilor au fost părtașii partidelor țăraniste, în sat s-a atestat și activitatea grupurilor cuziste.

Capitolul *Efectele instaurării regimului sovietic în localitate* invocă numeroase mărturii ale locuitorilor satului constituind cele mai autentice mostre ale memoriei colective privind intrarea Armatei Roșii în localitate în iunie 1940 și 1944, deportări, colectivizare, maltratările și represaliile desfășurate de autoritățile staliniste.

În compartimentele *Biserica și parohia, Școala și învățământul și Elemente de cultură tradițională* sunt cumulate informații despre viața culturală a comunității. Cea mai interesantă parte fiind destinată datinilor și obiceiurilor din aceste locuri cu prilejul diferitelor sărbători, ritualuri de nuntă, naștere și înmormântare, de Crăciun și Sf. Vasile, de Paști, de Hramul bisericii. Întâlnim, de rând cu acestea, și succinte notații despre jocurile tinerilor, despre șezători și arta țesutului.

Sub aspect științific monografia reprezintă o referință importantă pentru cei ce vor aborda istoria localității, dar mai are și menirea de a fi utilă cititorului de rând, interesat de istoria satului Drochia, cu un respect pentru oamenii acestei localități, pentru viața lor, pentru trecutul și viitorul ei.

Virgiliu Bîrlădeanu

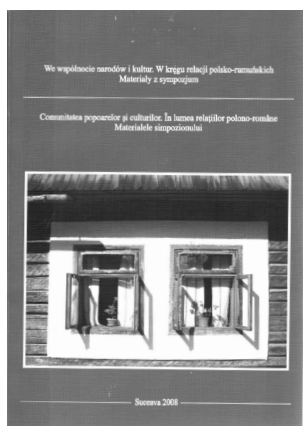
**WE WSPOLNOCIE NARODOW I KULTUR.
W KRĘGU RELACJI POLSKO-RUMUŃSKICH.**

Materiały z sympozjum

Comunitatea popoarelor și culturilor.

În lumea relațiilor polono-române. Materialele simpozionului.

Suceava: Tipografia "Grup Mușatinii", 2008, 407 p.

Volumul *Comunitatea popoarelor și culturilor. În lumea relațiilor polono-române. Materialele simpozionului* a ieșit recent de sub tipar sub redactarea reputatelor doamne - Stanisława Iachimovschi și Elżbieta Wieruszewska. Simpozionul "În comunitatea popoarelor și culturilor", organizat a noua oară de către Uniunea Polonezilor din România, a avut loc în zilele de 6-9 septembrie 2007 și a fost dedicat relațiilor polono-române. Tradițional, simpozionul a avut loc în cadrul Zilelor Culturii Polone care popularizează în România cultura polonă, legăturile multiseculare polono-române și ideea apropierii polono-române în zilele noastre, promovează imaginea și realizările comunității poloneze din România.

Prezenta culegere cuprinde 39 de articole științifice, care reflectă tema relațiilor polono-române de-a lungul veacurilor.

Din punct de vedere al configurației, structural, volumul conține patru compartimente: *I. La 60 de ani de la repatriere și 165 de ani de la așezarea muntenilor*

polonezi în Poiana Micului, II. În lumea istoriei, III. În lumea literaturii și culturii și IV. În lumea problematicei minorităților naționale.

Introducerea, *Cuvânt introductiv*, sunt semnate de doamna Stanislava Iachimovschi, și sunt succedate de o descriere concisă a scopului urmărit de autori, scoțind în evidență motivarea tematică și cronologică.

Menționăm că articolele din volumul de față beneficiază de rezumate în limba polonă la articolele în română și în limba română la cele în polonă, fapt ce facilitează familiarizarea cercetărilor din afara României cu aceste contribuții ale savanților din Polonia, România și Moldova.

În concluzie, ținem să subliniem că apariția acestui volum, bazat pe un material documentar bogat, aduce o nouă contribuție la cunoașterea legăturilor istorice și culturale polono-române în trecut, precum și în prezent. Înaltul nivel științific de care au dat dovadă autorii volumului confirmă încă o dată seriozitatea și profesionalismul care îi reprezintă. Cercetările efectuate merită cea mai înaltă apreciere în mediul științific. Recomandăm cititorului fără rezerve această lucrare și dorim autorilor noi succese editoriale.

Lilia Zabolotnaia

**UNIUNEA EUROPEANĂ: ISTORIE, INSTITUȚII, POLITICI.
REPUBLICA MOLDOVA ÎN NOUA ARHITECTURĂ EUROPEANĂ**

Autori:

Ludmila Barbă, magistru în relații internaționale;

Valeriu Gheorghiu, doctor în științe fizico-matematice, conferențiar universitar; Alina Felea, doctor în istorie; Lilia Zabolotnaia, doctor în istorie, conferențiar universitar.

Coordonator științific: Lilia Zabolotnaia, doctor în istorie, conferențiar universitar.

În urma analizei conținutului lucrării se poate afirma pe drept cuvânt că autorii au dat dovadă de modestie, menționând în introducere că lucrarea este adresată tuturor celor ce se interesează de problemele integrării europene. În realitate lucrarea se încadrează în categoria unui tratat de studii europene, constituind una dintre cele mai complexe lucrări de acest fel nu doar în Republica Moldova.

Având ca scop prezentarea obiectivă a etapelor de constituire și afirmare a Uniunii Europene, a mecanismelor instituționale și politicilor Uniunii Europene, a relațiilor politice dintre Republica Moldova și Uniunea Europeană, lucrarea a fost concepută și elaborată într-o structură riguroasă, întemeiată pe principiile abordării istorice sistematice, studiindu-se constituirea și dezvoltarea instituțiilor și politicilor Uniunii Europene, prin analiza condițiilor econo-

mice, sociale, politice ale relațiilor corespunzătoare.

Data fiind importanța lucrării pentru specialiștii în problemele integrării europene, autorii au considerat utilă prezentarea unei analize a celor mai importante texte fundamentale ale constituirii Uniunii Europene, precum și a celor mai importante documente privind dialogul politic dintre Republica Moldova și Uniunea Europeană.

Lucrarea prezintă cititorului problema abordată atât din punct de vedere teoretic: prin definiții, prezentare a etapelor de constituire și afirmare a Uniunii Europene, izvoarelor acesteia în cadrul UE, inclusiv a instituțiilor și organismelor Uniunii Europene, cât și prin descrierea politicilor UE, urmată de analiza cadrului legislativ dintre Republica Moldova și Uniunea Europeană.

Deosebit de important este faptul că autorii evidențiază tendințele în procesul de formare a UE. Pentru a întregi subiectul analizat, autorii au concluzionat că unitatea economică și politică a fost un moment de cotitură a istoriei și civilizației europene, eveniment care a conturat harta Europei după dezbinarea politică mondială, apărută după cel de-al doilea război mondial. Uniunea Europeană a condus Europa pe calea comasării și a găsit o formulă integraționistă, care a schimbat radical situația geopolitică pe vechiul continent. **Conform afirmației vestitului politician H. Kissinger, «nașterea Europei unite este unul dintre cele mai revoluționare evenimente ale epocii noastre».**

Crearea Europei unite a favorizat integrarea politică și social-economică a statelor europene, a consolidat instituțiile democratice, a unit toate valorile culturale și spirituale în sfera civilizației europene și a pus fundamentul identității europene.

Pe parcursul anilor, extinderea UE, în urma căreia a crescut populația și teritoriul comunitar, a devenit totodată unul dintre cele mai puternice instrumente politice ale UE. Motivația de a adera la UE a impulsionat transformarea țărilor din Europa Centrală și de Est în democrații moderne, funcționale. Extinderea UE, care este un proces administrat cu grijă, contribuie la reformarea țărilor implicate, ducând la consolidarea păcii, a stabilității, prosperității, democrației, drepturilor omului și a statului de drept în Europa.

Autorii menționează în lucrare că pentru Republica Moldova integrarea în Uniunea Europeană este un obiectiv strategic prioritar ce determină, în mod constant și într-o măsură hotărâtoare, politica ei internă și externă. Integrarea Moldovei în spațiul unic european necesită îndeplinirea obligatorie a unor criterii de aderare, în baza armonizării legislative și consolidării capacităților instituționale ale țării.

Astfel, rodul muncii autorilor prezentei lucrări, divizată în introducere, patru capitole, încheiere și anexe, care includ diferite tabele, adresele instituțiilor europene, fișa retrospectivă a relațiilor bilaterale dintre Republica Moldova și Uniunea Europeană, documente (Planul de Acțiuni Republica Moldova – UE și Acordul de Parteneriat și Cooperare între Comunitățile Europene și Republica Moldova) și hărți a fost înmănuncheat de curând într-o lucrare intitulată «Uniunea Europeană: istorie, instituții, politici. Republica Moldova în noua arhitectură europeană ».

În capitolul 1, intitulat “*DE LA CONTINENTUL EUROPEAN LA UNIUNEA EUROPEANĂ*” (autor Alina Felea), sunt abordate următoarele probleme: ideea și motivele integrării europene, procesul unificării politice și economice a Europei, valorile de extindere a spațiului comunitar, politica și procedura de aderare a noilor state.

Capitolul 2 – “*LEGISLAȚIA ȘI STRUCTURA INSTITUȚIONALĂ A UNIUNII EUROPENE*” (autori - Lilia Zabolotnaia și Ludmila Barbă) este consacrat cadrului legislativ al UE (legislația comunitară primară și secundară) și sistemului instituțional al UE (instituțiile, organele și structurile auxiliare ale UE).

În capitolul 3, “*POLITICILE UNIUNII EUROPENE*” (autor Alina Felea) sunt prezentate politicile Uniunii Europene și etapele evoluției acestora, conform tratatelor de constituire a comunităților și ulterior a Uniunii Europene.

Capitolul 4, “*RELAȚIILE POLITICE DINTRE REPUBLICA MOLDOVA ȘI UNIUNEA EUROPEANĂ*” (autor Valeriu Gheorghiu) este dedicat evoluției relațiilor dintre UE și Republica Moldova, stabilite în baza Acordului de Parteneriat și Cooperare și promovate conform Planului de Acțiuni.

Deopotrivă cu cele relatate, valența acestei lucrări constă în faptul că autorii examinează problema dată prin prisma a două subiecte: Uniunea Europeană și Republica Moldova, lucru întâlnit pentru prima dată într-o lucrare de asemenea dimensiune.

Materialul din lucrare este reprezentativ, atât grație intensității, cât și diversității acestuia. Autorii examinează procesul integrării europene ca o mișcare de la formele politico-juridice simple spre cele complexe: aderarea statelor mai întâi la CE, apoi la UE.

Prin problematica ridicată, prin analizele și constatările formulate, autorii adresează acest studiu studenților, intelectualilor cu preocupări de cunoaștere a procesului de integrare europeană.

Studiul „Uniunea Europeană: istorie, instituții, politici. Republica Moldova în noua arhitectură europeană” întrunește toate criteriile și exigențele unei lucrări științifice și va fi primit cu interes de comunitatea științifică și nu numai.

*Dr.habilitat în drept, profesor universitar,
Andrei Smochină (ULIM)*

*Dr. în drept , conferențiar universitar,
Carolina Smochină (ULIM)*

MOARTEA ÎN TRANSILVANIA ÎN SECOLUL AL XIX-LEA,

2 vol. Cluj-Napoca: Accent, vol . 1, 2006, 246 p.

vol. 2, Cluj-Napoca, 2007, 720p.

Autor: Marius ROTAR

Lucrarea cu caracter monografic elaborată de Marius Rotar, cercetător științific la Centrul de cercetări istorice și politologice “Iuliu Maniu” al Universității “1 Decembrie 1918” din Alba Iulia, este un adevărat eveniment pentru domeniul antropologiei istorice din România în ultimul deceniu. Deși percepțiile asupra morții și fenomenul muririi, tradițional, au fost considerate teme străine anchetei istorice, începând cu mijlocul secolului al XX-lea, cercetătorii au înregistrat rezultate substanțiale, în special, pe linia studiului istoriei mentalităților medievale. S-a constatat că reprezentările morții sunt unul dintre parametrii conștiinței colective, care pe parcursul istoriei

s-a modificat în egală cadență cu atitudinile față de viață și valorile fundamentale ale comunităților și epocilor istorice. Altfel spus, sensibilitățile în fața morții oferă abordării istorice un spor de lumină asupra resorturilor intime ale societăților, este „un test esențial pentru aprecierea atitudinilor, comportamentelor și reprezentărilor colective ale oamenilor” (Michelle Vovelle). Totodată, ancheta istorică a identificat și un spectru impunător de izvoare ale temei de cercetare; de la materialul arheologic, epigrafic și iconografic, până la testamente, memorii și literatură artistică, abordarea cărora, adesea, solicită de la cercetător „un efort imens și o răbdare de-a dreptul benedictină” (Toader Nicoară).

Capitolul I al primului volum al lucrării cuprinde o prolifică cercetare a „percepției și atitudinii în fața morții, astăzi, pe diverse meridiane ale lumii și în România”, ca de altfel și tematicile de abordare istorică a „fenomenului muririi și evenimentului morții”. În cadrul unei analize a contribuțiilor aduse domeniului, autorul readuce în atenție problemele *medicalizării și igienizării morții* în calitate de consecință a modernizării, ca și *reculul sacralului, deprecierea structurilor familiale și comercializarea morții*. Sunt trecute în revistă schimbările produse de suflurile modernizatoare. Creșterea speranței de viață este favorizată de explicarea morții în termeni de maladie; se produce trecerea de la nivelul bolilor acute/epidemice la nivelul bolilor cronice. În aceste condiții tendința este de a fi năruită frica de moarte prematură, sfârșitul vieții expuizându-se înspre vârsta a treia, ca și încununare a unui proces tipic de degenerare organică. La fel sunt menționate și turnurile actualei discuții asupra problematicei morții, în special, sunt notate valențele ei socializate și identificarea imaginii acesteia la nivelul mass-media cu informații despre dezastre, accidente, crime – o formă a unei vecinătăți reale cu moartea și în unele cazuri chiar apariția unor subculturi ale morții. În ceea ce privește atitudinea actuală în fața morții, autorul exemplifică cazul criticismului curent bazat, conform opiniei lui Lawrence Stone, nu numai pe un resentiment asupra tiraniei doctorilor, ci de asemenea pe un fals romantism privitor la pierderea vârstei de aur, ce era în sânul familiei.

Într-o discuție critică cu opera lui Philippe Aries, care a realizat o „geografie” a atitudinii în fața morții, astăzi și pe parcursul unui mileniu, studiul a propus și contribuții mai recente. Istoricul american Thomas Kselman a întreprins o analiză paralelă a investigațiilor lui Philippe Aries și Michelle Vovelle, ajungând la o serie de concluzii privind elementele care îi delimitează pe cei doi: o mai clară conceptualizare a obiectului cercetării și o mai bună verificare a datelor în cazul lui Michelle Vovelle, plus o serie de diferențe interpretative.

Capitolul II din volumul respectiv se referă la sursele și metodele aplicate de investigație, rostul acestora în opinia autorului fiind „unul de ordonare a lucrurilor, de schematizare”, de creare a unui sistem propriu de cercetare, constatându-se că obiceiurile/tradițiile prin care indivizii gândesc și acționează asupra morții constituie, poate, cea mai semnificativă parte. Totuși, plecând de la un model anterior, autorul își construiește demersul pe patru tipuri de discurs asupra morții în epocă: (1) discurs laic; (2) discurs religios; (3) discurs literar; (4) discurs folcloric, continuând cu descrierea și analiza detaliată a tipurilor de surse de cercetare, metodelor aplicate, conceptelor și limitelor temporale ale anchetei. Deloc inopinat, autorul optează mai mult pentru conceptul de reprezentare decât de mentalitate, scopul fiind deslușirea

„nodurilor, spațiilor albe și linia continuă a unor atitudini, unde analiza discursului poate constitui cheia potrivită” a cercetării.

În capitolul final al acestui volum, în calitate de bilanț, s-au pus și s-au făcut un „șir de întrebări și ipoteze” care s-au propus a fi elucidate, primele trei dintre acestea fiind: (1) care este modelul predominant al morții în epocă ținând cont de profilul societății transilvane? – ipoteza este moartea naturală; (2) constituie celelalte posibile modele ale morții ca o contrapondere la cele care domină? – ipoteza este creșterea modelului corelației moarte-boală (epidemică, în principal) sau a celei violente în cadrul sistemului; (3) care sunt noutățile în sistemul morții și cum se explică necesitatea acestora? – ipoteza ar surprinde răspunsul dacă se ține sau nu cont în introducerea acestor noutăți de specificul spațiului transilvănean al vremii?

Volumul II este structurat în trei capitole. În capitolul întâi „În «afara» discursului asupra morții: moartea suportată - în «cifră» și dincolo de ea”, autorul se oprește asupra dimensiunii cantitative și explicative a evenimentului și fenomenului muririi. Citându-l pe John Tosh, Marius Rotar subliniază că o dimensiune cantitativă a istoriei va servi în patru direcții ale științei: demografia istorică, istoria structurilor sociale, istoria politică și istoria economică. Îmbinând discursul medical științific cu cifrele demografice, ideile contemporanilor și atitudinea față de viață, autorul pune în discuție metodele utilizate într-o astfel de cercetare interdisciplinară și subliniază utilitatea, actualitatea și adaptarea acestora la anumite condiții regionale.

În baza unei analize „orizontală și verticală” profunde a epocii, a diverselor situații, atitudini, locuri și oameni (p.53), studiind izvoarele documentare, științifice și publicistice în „*Plurima Mortis Imago- Sistemul morții în Transilvania în secolul al XIX-lea*” (capitolul II) autorul s-a străduit să dea o explicație complexă a fenomenului cercetat, ceea ce după părerea noastră i-a reușit prin excelență. Marius Rotar a analizat fenomenul morții din diverse puncte de vedere: moartea „naturală”, moartea epidemică, moartea violentă, moartea „eroizată”, moartea aparentă, plasând-o astfel în situațiile obișnuite ale vieții cotidiene cum ar fi boala, epidemia, vârsta, accidente, războaie etc. Totodată dispariția omului drag, trecerea lui în altă lume este o profundă durere pentru cei apropiați, moartea în acest caz împletindu-se cu dragostea. Aflându-se în fața inevitabilului sfârșit, fiecare încearcă a-și proteja oamenii dragi, înscriindu-și voința cea din urmă în documente juridice-testamentele.

În Transilvania secolului al XIX-lea o adevărată meserie devine cea a “profesiionistilor morții” - o meserie exprimată prin aspecte practice, care cuprinde obiectele necesare ritualului înhumării și transportării. (p.606) În mediul urban instituțiile care acordau aceste servicii erau numite de presă “Institute de înmormântare”.

Nu în ultimul rând autorul se va opri asupra imaginarului lumii de dincolo, problematică fundamentală într-o cercetare de astfel de gen. Utilizarea discursului religios, cercetarea emoțiilor, frica, durerea, speranța, imaginarea pedepsirii creștinului care a păcătuit, infernul, conștiința morții și credința în supraviețuire, strigoi și spiritism – toate sunt subiecte ale investigației lui Marius Rotar.

Moartea provoacă societatea la o serie de reacții “menite a da un sens aparte situației”: private și publice. În aceste reacții vor fi înscrise reuniunile de înmormântare (ajutor direct membrilor, în baza taxelor de înscriere, lunare, la fiecare deces); evenimentul decesului “fructificat” în scopuri caritabile; relatările înmormântărilor în

paginile săptămânalelor; problematica orfanilor și văduvelor; corespondența de condoleanță.

Drept concluzie, deși autorul susține că “orice cercetare într-o anumită tematică, indiferent de mărimea ei, nu poate fi considerată ca totală”, suntem de părerea că ***Moartea în Transilvania în secolul al XIX-lea*** este o lucrare fundamentală, gândită logic și expusă coerent, care ar putea servi drept model de cercetare antropologică a unui fenomen.

Dr. V. Bîrlădeanu

Dr. A. Felea

CONFERINȚA ANUALĂ A TINERILOR CERCETĂTORI

Pe data de 28 martie 2008, a avut loc *Conferința științifică internațională anuală a tinerilor cercetători*, ediția a doua, *cu genericul „Edificarea statului de drept și punerea în valoare a patrimoniului cultural și istoric al Moldovei în contextul integrării europene”*.

Conferința a fost organizată de Institutul de Istorie, Stat și Drept al A.Ș.M. și a întrunit peste 40 de participanți din Moldova, Rusia, România, Ucraina și Polonia. Cu un mesaj de salut tinerilor savanți li s-a adresat directorul I.I.S.D. al A.Ș.M. Alexandru Burian, dr.hab. în drept, prof. univ. Rapoarte în plen au fost prezentate de tineri savanți din toate țările participante.

Lucrările conferinței au fost structurate corespunzător specializării științifice și s-au desfășurat în două module *Istorie* și *Drept*, care au inclus cinci secții: Secția *Istoria medievală* (5 rapoarte), Secția *Istoria modernă* (7 rapoarte), Secția *Istoria contemporană* (8 rapoarte), Secția *Drept internațional* (14 rapoarte) și Secția *Drept internațional și relații internaționale* (13 rapoarte). Comunicările și referatele au fost prezentate în exclusivitate la nivel științific academic. Discuțiile, inițiate de participanți și invitați, purtate pe marginea referatelor prezentate la această manifestare științifică, au scos în evidență viabilitatea activității științifice și de cercetare a tinerilor savanți. Toate materialele prezentate au fost propuse pentru publicare conform cerințelor și standardelor științifice în vigoare. Participanții conferinței au fost menționați cu diplomă specială de participare.

În cadrul conferinței a avut loc lansarea volumului « **Edificarea statului de drept și punerea în valoare a patrimoniului cultural, istoric și spiritual al Moldovei în context internațional. Materialele conferinței științifice anuale a tinerilor cercetători. Chișinău, 29 martie 2007** ».

În concluzie putem afirma cu certitudine că organizarea sesiunilor științifice anuale cu participarea tinerilor cercetători din țară și de peste hotare este binevenită și are un viitor prosper.

Dr. Lilia Zabolotnaia

**III МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ- ИСТОРИКОВ СТРАН СНГ
«Власть и общество в истории: геополитические изменения
на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв.»
(Chișinău, 10-18 iunie)**

Între 10 și 18 iunie 2008, la Chișinău și Vadul lui Vodă sub egida Institutului de Istorie, Stat și Drept al AȘM, Asociației Internaționale a institutelor de Istorie a țărilor CSI și Fondului interstatat de colaborare umanitară a țărilor CSI s-au derulat lucrările celei de-a treia ediții a Școlii de vară interațională a tinerilor istorici din CSI. Spre deosebire de primele două ediții, care au avut loc la Moscova și Sankt- Peterburg, alături de lectori din CSI, istorici, profesori și cercetători cunoscuți, pentru prima dată în calitate de lectori au fost invitați profesori de vacanță din Bulgaria, Estonia și Finlanda.

Școala de vară a avut ca temă generală **„Putere și societate în istorie: schimbări geopolitice în spațiul post-sovietic la sfârșitul secolului XX- începutul secolului XXI”**. Acest generic a adus în discuție probleme actuale ale tinerelor state post-sovietice, a accentuat trăsăturile comune în dezvoltarea statelor, dar și cele distincte. Au fost analizate cauzele destrămării URSS și efectele acesteia, evoluția științei istorice și a învățământului istoric etc.

Lucrările școlii de vară s-au desfășurat în câteva blocuri, cuprinzând 25 de lecții, 7 mese rotunde, raporturi. Apreciind valoarea științifică a tuturor comunicărilor, nu este posibilă prezentarea tuturor. Printre ele vom menționa: ***Globalizarea și formarea învățământului superior mondial*** (rectorul Universității de Economie și Administrare din Talin Hanon Barabaner, Estonia), ***„Politica europeană de vecinătate”*** (dr. Ilieva Irena, secretar științific al Institutului de Științe ale Dreptului al AȘ a Bulgariei); ***„Marea Baltică –obiect de interes geopolitic comun” și „Finlanda în componența Rusiei”*** (docent Alpo Juntunen, Finlanda) ***Problemele formării societății civile în Georgia contemporană,*** (dr. hab. Vaja Kiknadze, directorul Institutului de Istorie și Etnologie „Iv. Djavahișvili”, Georgia), ***„Kazakhstanul independent: Greutățile perioadei de tranziție”*** (dr. hab. Majitov Sattar , directorul Institutului de Istorie și Etnologie „Valihanov”, Kazahstan), ***„Destrămarea statelor socialiste, transformări revoluționare și ciocniri sângeroase ale sistemelor din Europa de Sud-Est”*** (dr. Lilia Zabolotnaia, director-adjunct al IISD al AȘM), ***„Formarea și dezvoltarea sistemii multipartinice în Republica Uzbekistan (sf.sec.XX-înc. sec. XXI)”***, (dr.hab. Ravšan Abdullaev, Uzbekistan); ***„Republica Moldova în contextul schimbărilor geopolitice în spațiul postsovietic”*** (dr.hab. Alexandru Burian, Directorul IISD al AȘM); ***„Cauzele destrămării URSS”*** (Alexandru Șubin, Conducătorul Centrului de istorie al Rusiei, Ucrainei și Belarusiei, a IIU a AȘ a Rusiei), ***„Direcțiile de bază ale reformei învățământului național”*** (ex-ministru învățământului RM Victor Țvircun); ***„Istoria ca instrument politic în actualitatea postsovietică”*** (dr. Victor Ișcenco, director-adjunct al IIU al AȘ a Rusiei) ***„Republica Belarus: Strategia de dezvoltare în condițiile proceselor actuale de globalizare și integrare”*** (ES, ambasadorul Republicii Belarus în Moldova, Vasili Sakovici), ***„Influența rusă în anii celor de-a patra și a cincea***

republici ucrainene (1991-2007)” (dr. Mironenco Victor, directorul Centrului UE și Europa de Est al Institutului Europei al AȘ a Rusiei); „ **Concepte geospațiale: problemele unei noi realități**” (dr. Arutiu Ulunean, directorul centrului țărilor Asiei centrale și Caucazului a IIU al AȘ a Rusiei); „**Războiul civil în Tadjikistan: Cauze și urmări**” (dr. Abdullo Gafurov, șef sector Istorie contemporană a Institutului de Istorie, arheologie și etnografie „A. Doniș”, AȘ a RT), „**Direcții și priorități ale politicii externe a Republicii Belarus în spațiul postsovietic**” (dr. Veaceslav Danilovici, director-adjunct al II al AȘ a Belarusiei).

Mesele rotunde „**Europa în epoca globalizării**”, „**Societatea civilă și sistemul multipartinic**”, „**Probleme de moștenire în istoria Imperiului Rus, URSS și țărilor CSI**”, „**Moldova la intersecția spațiilor?**”, „**Politica îndreptată spre trecut**”, „**Variante de dezvoltare în Asia Centrală și în Caucaz**”, „**Tendențe actuale ale relațiilor internaționale în Estul Europei**” demonstrează diversitatea tematică a problemelor discutate.

Totodată vom menționa și coraporturile tinerilor istorici, care au demonstrat o preocupare temeinică pentru problemele actuale: „Inițiativa Central- Asiatică: o privire din trecut” (Kairat Alimgazinov), „Kazahstanul și CSI: Perspective ale colaborării în sec. XXI” (Jalân Kaliev), „Situația gender în Republica Tadjikistan în perioada postsovietică” (Narghis Hodjaeva), „Ucraina în CSI” (Vladimir Dmitruc), „Intervenția teroriștilor în sudul Cârghastanului și creșterea sferei de influență a extremismului religios” (Aseli Begalieva), „Procese integraționiste în CSI: condiții și perspective” (Alexandr Dovnar) etc. Nu au lipsit comunicări care să abordeze investigații interdisciplinare, dovedind că istoria este o știință, care prin cercetări moderne își propune o reconstruire complexă a trecutului. În acest context vom remarca referatul „Politica memoriei ca factor de mobilizare etnică în contextul conflictelor de pe teritoriul Georgiei” prezentat de dr. în istorie Malchaz Toria din Georgia.

Ca și la primele două ediții, comunicările susținute de lectorii școlii de vară au fost publicate într-o culegere specială. Totuși se cere de accentuat că în culegerea respectivă au fost incluse și rezumatele referatelor tinerilor cercetători.

Diversitatea tematică, cadrul geografic, intervențiile științifice, ambianța de lucru au contribuit la îmbogățirea bagajului de cunoștințe și la reluarea dialogului științific între istoricii din CSI.

Dr. Alina Felea

A IV-A REUNIUNE A DIRECTORILOR INSTITUTELOR DE ISTORIE A ȚĂRILOR CSI „Istoria și problemele formării societății civile în statele postsovietice”

În perioada 8-10 iunie 2008, la Chișinău și-a ținut lucrările a **IV-a Reuniune a Asociației directorilor institutelor de istorie a țărilor CSI cu genericul „Istoria și problemele formării societății civile în statele postsovietice”, organizat de Institutul de Istorie, Stat și Drept al A.Ș.M.**

Această manifestare a fost inițiată pentru prima dată în istoria Academiei de Științe din Moldova, fiind încadrată în programul de acțiuni ale AȘM privind colaborarea internațională și schimbul de experiență științifică, științifico-didactică și organizatorică. La lucrările reuniunii au participat directorii institutelor de istorie și profesori renumiți din 9 țări CSI: **Moldova** (A. Burian, L. Zabolotnaia), **Belarus** (V. Danilovici), **Ucraina** (S. Kulicițki), **Rusia** (A. Ciubarian, V. Ișcenco, V. Ulunean, A. Șubin), **Tadjikistan** (A. Gafurov), **Uzbekistan** (D. Alimova, D. Abdulaev, F. Șakmuradova), **Armenia** (A. Melkonean, A. Hacıatrecan), **Georgia** (V. Kiknadze), **Kazahstan** (S. Majitov). Organizarea acestei manifestări a fost susținută de către Fondul umanitar interstatal de colaborare al țărilor CSI (МФГС- «МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФОНД ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН СНГ»).

În cadrul reuniunii au fost abordate și puse în discuție un șir de probleme de ordin științific și organizatoric: rezultatele activității Asociației institutelor de istorie ale țărilor CSI pe parcursul anului 2007-2008; editarea numărului 2 al revistei Asociației “Историческое пространство (проблемы истории стран СНГ)”; elaboarea strategiei de colaborare științifică între membrii Asociației; proiecte științifice bilaterale și multilaterale; organizarea manifestărilor științifice (conferințe, simpozioane, etc.); schimb interacademic și relații interinstituționale; schimb de experiență în problema pregătirii cadrelor științifice; elaborarea planului de activitate pe anul 2008-2009; pregătirea următoarei ședințe a Asociației.

Ședința a fost coordonată de către academicianul A. Ciubarian, directorul Institutului de istorie universală din Rusia, președintele Asociației institutelor de istorie ale țărilor CSI. În mod solemn academicianul A. Ciubarian i-a fost acordat înaltul titlu de **Doctor Honoris Causa** al Academiei de Științe din Moldova.

La 10 iunie, s-au desfășurat lucrările mesei rotunde: „Aspectele istorice, juridice și social-politice ale societății civile în țările CSI în perioada postsovietică”. Directorii institutelor de istorie au prezentat rapoarte științifice, care au cuprins problemele realităților istorice în fiecare țară, au arătat specificul și deosebirile caracteristice fiecărei regiuni. S-a remarcat că particularitățile și specificul dezvoltării istorice a țărilor CSI în perioada postsovietică s-a reflectat și asupra relațiilor interstatale între fostele republici sovietice. Procesul de suveranitate în majoritatea republicilor în mod nemijlocit a atins dezvoltarea științifică și național-culturală. Lupta pentru independența statală a generat naționalizarea științei și a schimbat accentele istorice. La închiderea ședinței a fost luată hotărârea de a lărgi și a diversifica aceste relații, care sunt extrem de necesare, în special tinerilor cercetători.

Discuțiile inițiate de participanți și invitați, purtate pe marginea temelor prezentate la această întrunire, au scos în evidență viabilitatea activității științifice și cercetării istorice a situației geopolitice în spațiul postsovietic contemporan. La această manifestare s-a discutat problema necesității convocării regulate a acestor întruniri și s-a propus desfășurarea ședinței din anul 2009 în Armenia.

Dr. Lilia Zabolotnaia

STAGIEREA UNESCO ÎN POLONIA

Comitetul UNESCO din Varșovia, Polonia, oferă anual stagii de cercetare pentru tinerii specialiști din estul Europei. Pentru a participa e nevoie de acceptul unui coordonator din Polonia, în cazul nostru acesta a fost dr. hab. Dariusz Kołodziejczyk (de la Institutul de Istorie al Universității din Varșovia), și recomandarea unui fost stagiar al programului, cum a fost dr. Valentin Constantinov.

Perioada noastră de stagiere a durat de la 1 iulie până la 1 august 2008. În acest răstimp am frecventat *Archiwum Główne Akt Dawnych* (Principala Arhivă a Documentelor Vechi), *Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego* (Biblioteca Universității) și Biblioteca Institutului de Istorie. Ambele biblioteci conțin un număr impresionant de cărți și studii legate și de istoria Moldovei, care au fost publicate la Varșovia, Cracovia, Viena, Peterburg, Moscova și Kiev în secolul al XIX-lea și până la 1918.

La Arhiva Principală a Documentelor Vechi pot fi consultate majoritatea documentelor fundamentale ce țin de raporturile moldo-polone în Evul Mediu. În unele dosare, cum e cel al Afacerilor Turcești (*Dział Tureckie*), sunt și documente privitoare la raporturile moldo-turce. Printre sutele de documente aparent cunoscute, sunt și inedite. De aceea e nevoie de o reevaluare și revalorificare a Arhivelor poloneze pentru istoria națională.

Vom da un singur exemplu de dosar ce ne-a reținut atenția. În dosarul *Afacerilor Turcești*, la cota 79/572 a-79/573 se află *Jurnalul soliei lui St. Chometowskii, voievodul de Mazowia, la Poartă* [1712-1714], în limbile polonă, italiană, latină, pe 1156 file. Aici zeci de pagini sunt dedicate Moldovei - este descris de mai multe ori drumul prin Moldova (Hotin-Bender-Caușeni-Ștefănești-Iași-Botoșani-...), întrevederile cu Nicolae Mavrocordat, cererile poloneze legate de episcopatul de Bacău, corespondența despre Moldova și situația din aceasta, deplasarea trupelor inamicului prin zonă, solia lui Buhuș, *Memorialul secret* al lui St. Chometowki către N. Mavrocordat din 24.X.1712 ș.a.

Marius Tăriță

XX SZKOŁA LETNIA KULTURY I JĘZYKA POLSKIEGO (Toruń, 6-24 iulie 2008)

Toruń, oraș din Polonia, a fost gazda celei de-a XX-a ediții a Școlii de vară de cultură, istorie și limbă polonă. Organizată sub auspiciile Universității „Mikołaj Kopernik” din Toruń, Kujawsko-Pomorski oddział stowarzyszenia „Wspólnota Polska” și sub patronajul onorific al senatorului Poloniei, Președintele Comisiei Afaceri ale emigrației și a polonezilor de peste hotare ES Andrzej Person, al rectorului Universității „Mikołaj Kopernik” Andrzej Jamiołkowski și primarului orașului Toruń Michał Zaleski, școala a întrunit participanți din Armenia, Belarus, Estonia, Moldova, România, Rusia, Serbia și Ucraina.

Lucrările școlii s-au desfășurat în două module: programul didactic și programul științifico-cultural.

Programul didactic includea 5 ore zilnice de limbă, cultură și istorie poloneză. Ascultătorii au fost selectați în dependență de nivelul de cunoaștere a limbii poloneze. Printre numeroasele lecții de istorie vom menționa: „Mikołaj Kopernik- timpul, oamenii și orașul”, „A fi polonez în afara Poloniei - Karta polonezului, situația polonezilor din alte țări și rolul organizației „Wspólnota Polska” ” (prof. Sławomir

Ratusz- include galeria artei gotice;
Monede din Toruń 1233/1238-1765;
Istoria și meșteșugăritul artistic 1233-1793;
Sala Mieszczkańska cu galerie de portrete sec.
XVI-XVIII; Sala Regală; Galeria picturii poloneze
de la mijl. sec. al XVIII-lea până în 1939;
Tezaurile din Skrwilna și Nieszawy.

Kalembka), „Scena politică poloneză” (prof. Roman Bäcker), „Limba poloneză ca mijloc de cunoaștere a cotidianului polonez” (prof. Czesław Łapicz).

Programul științifico-cultural includea excursii și ocupații practice în muzeele orașului Toruń: Muzeul de istorie locală, Muzeul Etnografic, Casa-muzeu „Mikołaj Kopernik” cu Muzeum Piernika (Muzeul turtei dulci), Muzeum Podróżników, Ratusz, Castelul Cruciaților etc. În zilele de sâmbătă organizatorii au inițiat excursii deosebit de valoroase pentru istorici:

Casa-muzeu Mikołaj Kopernik include: opera și obiecte cotidiene; expoziția interiorului unei case din perioada evului mediu târziu;
Cabinetul de lucru al unui savant;
Muzeul turtei dulci, Maketul orașului Toruń de pe ceasul lui Mikołaj Kopernik.

- Câmpia Grunwald (anul 2008 a fost jubiliar, celebrându-se 600 de ani ai vestitei bătălii de la Grunwald). Participanții au asistat la înscenarea luptei. Prezența a circa 100000 de persoane a demonstrat interesul pentru acest eveniment istoric.
- Szlak Piastowski (Kruszwica- Gniezno-Biskupin), Vestitul castel „Vizuină de șoareci”, biserica catolică din Gniezno, Muzeul satului etc. – monumente care întregesc viziunea cercetătorilor despre civilizația polonezilor.

Vom remarca nivelul înalt de organizare a școlii de vară, profesionalismul lectorilor, printre ei prof., dr. hab. Czesław Łapicz, prof. Mirosław Strzyżewski, prof. Sławomir Kalembka, prof. Roman Bäcker, dr. Anna Skubaczewska- Pniewska, dr. Roman Spandowski, dr. Karolina Birecka, dr. Paweł Tański, dr. Małgorzata Gębka- Wolak, dr. Maciej Wróblewski, dr. Michał Wazgird, mgr. Hanna Osial, precum și ospitalitatea gazdelor.

Muzeum Piernika include săli expoziționale ale veselei și ingredientelor de pregătire a turtei, vernisajul formelor, evoluția comerțului cu turta dulce.

Dr. A. Felea

SUMAR

STUDII

Политические отношения Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Молдовы в 1430-1447 гг. <i>Неријус БАБИНСКАС (Nerijus Babinskas)</i>	3
Între politică și destin. Ruxandra, fiica lui Vasile Lupu, văzută prin prisma seculară a istoriei. <i>Lilia ZABOLOTNAIA</i>	16
Związki Rumunii ze Świętą Górą Athos – historia i współczesność. <i>Ewa КОСÓЈ</i>	45
Гражданское общество в советской смиренной рубашке. <i>Станислав КУЛЬЧИЦКИЙ</i> ..	59

UNIUNEA EUROPEANĂ SI MOLDOVA

UNIUNEA EUROPEANĂ ȘI ÎNCHEDEREA

Европейская политика соседства (ЕПС). <i>Ирена ИЛИЕВА</i>	80
ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ – как национальная идея Республики Молдова. <i>Людмила БАРБЭУ</i> ..	95

COMUNICĂRI

CONTECARI

Date istorice cu privire la populația armenescă în spațiul Pruto-Nistrean (până la sfârșitul secolului al XIX-lea). <i>Dan HAIDARLI</i>	102
Legislația migraționistă rusă și exodul populației basarabene la finele secolului al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea. <i>Valeriu SCUTELNIC</i>	107
Câteva date din istoria satului Bahmut, raionul Călărași. <i>Valeriu POPOVSKI</i>	114
Restabilirea sistemului de învățământ superior în RSS Moldovenească (1944-1945). <i>Ruslan ȘEVCHENCO</i>	118
Из истории обычного права украинцев Молдовы. <i>В. СТЕПАНОВ</i>	134

DOCUMENTAR

SECRET

Coroșondența cu privire la eliberarea permisului de venire la Iași a ieromonahului Ioanichie Conachi. <i>Teodor CANDU</i>	139
Письма Д.К. Кантемира к А.Д. Меньшикову из персидского похода. <i>Виктор ЦВИРКУН</i> . 151	

RECENZII

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

Volumul „Tradiții și valori culturale la Est de Carpați (sec. XVI-XIX)”, Chișinău, CEP, USM, 2007, 162 p. Dr. Elena Ploșniță	159
Satul Drochia: Pagini de istorie. Autor: Igor Cereteu, Ed. Pontos, Chișinău, 2007, 136 p. Virgiliu Bîrlădeanu	161
We wspólnocie narodów i kultur. W kręgu relacji polsko-rumuńskich. Materiały z sympozjum. Comunitatea popoarelor și culturilor. În lumea relațiilor polono-române. Materialele simpozionului. Tipografia “Grup Mușatinii”, Suceava, 2008, 407 p. Lilia Zabolotnaia	162
Uniunea europeană: istorie, instituții, politici. Republica Moldova în noua arhitectură europeană. Coordonator științific: Lilia Zabolotnaia, doctor în istorie, conferențiar universitar. Andrei Smochină, Carolina Smochină	163
Moartea în Transilvania în secolul al XIX-lea, 2 vol., Ed. Accent, Cluj-Napoca, vol. 1, 2006. 246 p. vol. 2, Cluj-Napoca, 2007, 720 p. Autor: Marius Rotar. Virgiliu Bîrlădeanu, Alina Felea	165

CONTENT

A horizontal decorative element consisting of a series of interlocking diamonds or lozenges arranged in a continuous pattern.

DECLARATION

177

REIEWS

- Volume „Tradition and cultural values of the Eastern Carpathians” (century XVI-XIX), Chişinău, CEP, USM, 2007, 162 p. *Dr. E. Ploşniţă* 159
- Drochia village: Pages of history. Igor Cereteu, Ed. Pontos, Chişinău, 2007, 136 p. *V. Birlădeanu* 161
- We wspólnocie narodów i kultur. W kręgu relacji polsko-rumuńskich. Materiały z sympozjum. “Grup Muşatinii”, Suceava, 2008, 407 p. *L. Zabolotnaia* 162
- European Union: history, institutions, politics. Republic of Moldova in the new European arhitecture. *A. Smochină, C. Smochină* 163
- Death in Transylvania in the 19th century*, 2 vol., Ed. Accent, Cluj-Napoca, vol. 1, 2006. 246 p.; vol. 2, Cluj-Napoca, 2007, 720 p. Author: *Marius Rotar V. Birlădeanu, A. Felea* 165

LIFE SCIENCE

- The annual conference of young researchers (*L. Zabolotnaia*) 169
- 3th Summer International School of the young historians from CIS
«Власть и общество в истории: геополитические изменения на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв.» (Chişinău, 10-18 iunie) (*A. Felea*) 170
- 4th meeting of directors of institutes of the history of CIS countres' history and formation of civil society issues in post-member (*L. Zabolotnaia*) 172
- UNESCO practical training in Poland (*L. Tărlăţă*) 173
- XX SZKOŁA LETNIA KULTURY I JĘZYKA POLSKIEGO (Toruń, 6-24 iulie 2008) (*A. Felea*) 174

CONDIȚII NECESARE DE INCLUDERE A PUBLICAȚIILOR ȘTIINȚIFICE ÎN „REVISTA DE ISTORIE A MOLDOVEI”

Revista prevede publicarea studiilor aparținând colaboratorilor Institutului de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, instituțiilor academice, centrelor universitare și științifice din republică și din străinătate. Tematica revistei include rezultatele studierii unor probleme referitoare la istoria Moldovei și istoria Europei din cele mai vechi timpuri pînă în prezent. Cercetarea se bazează pe surse documentare, inclusiv din arhive. Articolele pot fi prezentate în limba română, rusă, sau în alte limbi europene (franceză, engleză, germană, bulgară, polonă etc.), însoțite de un rezumat. Materialele prezentate (articole, recenzii, teze etc.) trebuie să corespundă standardelor edițiilor științifice.

Fiecare articol trebuie să includă:

- **Textul.** Volumul articolului să nu depășească 1 c.a., aproximativ 18-20 de pagini, cel al recenziilor maximum 3 pagini. Se va prezenta manuscrisul și forma electronică: **Word, Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.** Autorii sunt rugați să prezinte materialele în forma finală.

- **Referințele bibliografice** în format electronic: **Word, Times New Roman; Font size 10; Space 1**, se plasează după text și cuprind: **numele, prenumele autorului. Titlul lucrării. Locul: editura, anul, pagina.** De ex., Leașco I., Ungureanu T. *Ialoveni*. Chișinău: Licorn, 2003, p. 50

- **Rezumat.** Articolele trebuie să fie însoțite, în mod obligatoriu, de un rezumat tradus într-o limbă de circulație internațională (engleză, franceză) cuprinzînd 400-500 de caractere, **comunicările mici, recenziile nu conțin rezumate.**

- **Date despre autor.** La sfîrșitul textului se anexează unele informații despre autor: numele, prenumele, gradul științifico-didactic, funcția, instituția, adresa, telefon, fax, e-mail.

- **Data prezentării (revizuirii) articolului.**

- **Materialul ilustrativ** se prezintă în format A4, sub o formă grafică clară, cu numerotarea poziției fiecărui obiect, însoțit de o legendă. Fotografiile și desenele trebuie să fie numerotate și însoțite de explicații.

Extras din procesul-verbal cu recomandarea spre publicare. Articolele sunt discutate și recenzate în sectoarele instituțiilor, la catedre etc., care le recomandă spre publicare. Articolele le recenzează și membrii Colegiului de redacție. Fiecare articol este recenzat la ședința Colegiului de, cel puțin, 2 recenzenți. În cazuri excepționale și discutabile sunt invitați experți din afara colegiului. Opinia și observațiile recenzenților sunt fixate într-un proces-verbal și aduse la cunoștința autorului. Articolul se publică după convorbirea autorului cu recenzenții și acceptarea materialului prezentat.

Manuscrisele (două exemplare) și varianta electronică pot fi prezentate direct la Colegiul de redacție (Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, str. 31 August, 82, MD-2012, Chișinău) sau trimise prin e-mail: iisdasm@mail.md; Telefon: 23-33-10

Selectarea articolelor și materialelor o efectuează Colegiul de redacție, format în majoritatea sa din colaboratori științifici ai Centrului Studii Istorice al Institutului de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei.

Cercetările, concluziile și interpretările expuse în materialele publicate în revistă aparțin autorilor materialelor și nu pot fi considerate ca reflectînd politicile și opiniile Colegiului de redacție sau ale Institutului de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei.

În cazul retipăririi materialelor revistei este obligatoriu a indica sursa.

Culegere și paginare computerizată. Semnat pentru tipar 21 octombrie 2008.
Format 70x100 1/16. Tipar offset. Coli de tipar conv. 14,83. Imprimat la Î.S.”Dinamo”
– M.A., 2007, mun. Chișinău, str. Șciusev, 106.